

Владимир Гельман

Из огня да в полымя: российская политика после СССР

Демократия не гарантирует гражданам, что они станут жить лучше, но позволяет снизить риски того, что в условиях авторитарных режимов они будут страдать от произвола коррумпированных правителей, нарушающих их права, не имея при этом возможностей для мирной смены власти.

Владимир Гельман

**Из огня да в полымя:
российская политика после
СССР**

Оглавление

Предисловие	4
Глава 1. Российская политика: по дороге разочарований	6
О чем пойдет речь: очень краткое введение	9
О пользе и вреде демократии и демократизации	15
Спрос, предложение и «критические моменты»	20
Глава 2. Российская политика: почему?	25
Российская политика: пессимизм, оптимизм или реализм?	27
Демократизация: почему не в России?	38
Российская политика: строительство авторитаризма	51
Глава 3. 1990-е: Конфликты и компромиссы	59
«Дилемма одновременности»: вызов и российский ответ	61
Ельцин или парламент: первая кровь	69
«Загогулины»: Борис Ельцин и другие	77
«Война за ельцинское наследство», эпизод 1-й	84
«Война за ельцинское наследство», эпизод 2-й	89
1990-е: промежуточные итоги	94
Глава 4. 2000-е: «навязанный консенсус»	97
«Навязанный консенсус»: истоки и механизмы	99
«Партия власти» и «вертикаль власти»: от конкуренции – к иерархии	110
Операция «преемник»: ошибка президента?	127
Глава 5. 2010-е: трещины в стене?	135
«Опрокидывающие выборы»: почему?	137
Авторитарная «модернизация»: утраченные иллюзии	142
Время «Ч»: от 4 декабря 2011-го к 4 марта 2012-го	156
Предварительные итоги	169
Глава 6. Повестка на завтра	172
Диагноз: «институциональная ловушка»	174
«Загнивание»: на политическом фронте без перемен?	180

«Жесткая рука» – друг диктатора?	185
Коллапс режима: ужасный конец или ужас без конца?	188
«Ползучая демократизация»: возможности и РИСКИ	192
Задача со многими неизвестными	201
Вместо заключения: Россия будет свободной	206

Предисловие

Эта книга никогда не была бы написана, если бы не инициатива Екатерины Трубей из издательства «БХВ-Петербург». Осенью 2011 года она обратилась ко мне с предложением написать книгу о предстоящих парламентских и президентских выборах. Но поскольку понимание лишь одного, пусть даже и значимого, эпизода современной российской истории требовало его осмысления в рамках более масштабного процесса постсоветской политической эволюции, мне поневоле пришлось вписать эти события в рамки теоретического и сравнительного анализа. Я стремился сделать книгу интересной и полезной как для тех, кто серьезно и глубоко интересуется профессиональным изучением политических институтов и процессов в России и в мире, так и для более широкого круга читателей, кому небезразлична политическая жизнь нашей страны. Те, кто прочтут книгу, смогут судить, удалось ли мне решить эти задачи, не провалившись между двух стульев.

Эта книга никогда не была бы написана, если бы не моя многолетняя работа в Европейском университете в Санкт-Петербурге (ЕУСПб). Творческая профессиональная атмосфера, созданная коллегами на факультете политических наук и социологии и в Центре исследований модернизации, и многочисленные обсуждения и обмены идеями с преподавателями, сотрудниками, слушателями и выпускниками ЕУСПб, позволили мне не замыкаться на собственных суждениях и по-новому взглянуть на многие проблемы. Отечественные и зарубежные специалисты, участвовавшие в обсуждении ряда фрагментов, составивших потом основу глав книги, помогли мне своими ценными советами и критикой. Некоторые разделы книги подготовлены на основе моих статей, ранее опубликованных в журналах «Полис», «Полития», «Pro et Contra», а также в интернет-издании slon.ru, и я благодарю редакторов этих изданий за работу, которая помогла улучшить качество своих текстов. На заключительном этапе подготовки книги моя работа была поддержана в рамках исследовательского проекта Choices of Russian Modernization, финансируемого Академией наук Финляндии, которой я также выражаю благодарность. Разумеется, никто из указанных лиц и организаций не несет ответственности за любые

возможные ошибки и неточности в моей книге. Все высказанные в ней тезисы и аргументы отражают исключительно точку зрения автора, которая может не совпадать с их мнением.

Наконец, эта книга никогда не была бы написана, если бы не поддержка и терпение со стороны моей семьи. Оксана и Ева Бояршиновы не только проявили редкостные заботу и понимание, помогая в работе, но и делают всю мою жизнь более осмысленной и наполненной. Оксане и Еве и посвящена эта книга.

Июнь 2012, Санкт-Петербург

Глава 1. Российская политика: по дороге разочарований

22 августа 1991 года на улицах Москвы, Ленинграда и некоторых других крупных городов России царил праздник. Знакомые и даже малознакомые люди поздравляли друг друга с провалом путча, организованного частью тогдашних руководителей советского государства, и с победой выступавших под лозунгами свободы и демократии новых политических сил во главе с президентом России Борисом Ельциным и Верховным Советом России. Это событие, казалось, стало логическим завершением длившегося несколько лет в Советском Союзе процесса демократизации. Лидеры путчистов были арестованы, коммунистический режим рухнул, правящая партия, монополизировавшая власть на протяжении семи с лишним десятилетий, оказалась сметена с политической арены, как и многие заметные публичные фигуры прежней поры – короче, прежний политический порядок ушел в прошлое, будто бы открывая путь к политической свободе. Похоже, популярный тезис американского политолога Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории» и предстоящем всеобщем торжестве демократии в мире ^[1] нашел свое безусловное воплощение в те дни на московских улицах.

Но прошло свыше двух десятилетий, и те же самые сторонники политических свобод, их дети, а то и внуки, вынуждены снова и снова выходить на улицы Москвы и Питера, отстаивая право граждан страны на честные выборы и выступая против произвола со стороны властей. За это время наша страна не только не приблизилась к демократии, но, напротив, отдалилась от ее идеалов, казавшихся почти что уже достигнутыми в августе 1991 года. Едва ли кто-либо из участников тогдашних событий мог предвидеть, что траектория политического развития страны окажется именно такова. Пройдя через серию драматических турбулентных событий в 1990-е годы и обретя некоторые черты внешней стабильности в 2000-е, российская политическая жизнь начала 2010-х годов имеет мало общего как с политическим порядком советской эпохи, так и с демократическим устройством, – ее черты включают в себя довольно широкий спектр индивидуальных и гражданских свобод в

сочетании с ограничениями свобод политических. Атрибутами российской политики сегодня стали и нечестные фальсифицированные голосования взамен конкурентных выборов, и слабые безвластные политические партии, и СМИ, подверженные политической цензуре (а то и самоцензуре), и послушные манипулируемые парламенты, штампующие спущенные им «сверху» решения, и зависимые и глубоко пристрастные суды, и произвол государства в управлении экономикой, и повсеместная коррупция. Эти процессы нашли свое отражение и в многочисленных критических оценках различных международных и отечественных агентств и экспертов, которые, используя различные термины и опираясь на разные методики анализа, сходятся в характеристике сегодняшней российской политики как глубоко недемократической. Они заметны и в общественной дискуссии, которая в ходе волны протестов, начавшейся в 2011–2012 году, все чаще выходит в нашей стране из кабинетов, аудиторий и со страниц СМИ на улицы и в публичное пространство. Однако даже простое сопоставление общественных ожиданий августа 1991 года с практикой их воплощения в жизнь (или, точнее, отсутствием этого воплощения) дает поводы не только констатировать, что «большие надежды» недавнего прошлого обернулись горькими разочарованиями в политическом настоящем нашей страны и глубокими сомнениями относительно ее будущего. Такое сопоставление ставит на повестку дня и многочисленные вопросы о логике российских политических процессов в постсоветский период: «как мы дошли до жизни такой?» Почему и как два с лишним десятилетия российской политики после СССР так и не приблизили нашу страну к политической свободе? Какие причины обусловили траекторию политического развития России после 1991 года? Какие механизмы вызвали «бегство от свободы» страны, всего лишь недавно избавившейся от коммунистического режима? И каковы шансы, что Россия все-таки сможет преодолеть нынешние политические тенденции и выйти на путь свободы и демократии, – или же этот путь закрыт для нее если не навсегда, то на долгие годы или даже десятилетия?

Я полагаю, что поиск ответов на эти вопросы важен как для российских граждан, которым не безразлично, что происходит в политической жизни их страны, так и для прочих участников и наблюдателей происходящих здесь политических процессов. Он также важен и для тех, кто, глядя на российский опыт, стремится

осмыслить политические процессы и в других странах и регионах мира, в том числе и в постсоветских государствах, сталкивающихся с отчасти схожими явлениями. Эти вопросы значимы как часть общественной дискуссии, но они также интересны и в качестве предмета научного анализа, которым занимаются специалисты-политологи. На такие вопросы нет и не может быть однозначных, а тем более единственно правильных, ответов – изучение мира политики по определению предполагает различные, подчас остро конкурирующие друг с другом, точки зрения. На страницах этой книги я представлю свои варианты ответов на некоторые из поставленных вопросов. Отчасти они опираются на мой профессиональный опыт научных исследований политических институтов и политических процессов в России на протяжении последних двух десятилетий, а отчасти и на ряд исследований и разработок многих отечественных и зарубежных специалистов. В данной главе книги мы сперва разберемся с ключевыми понятиями и терминами, на которые будет опираться дальнейший анализ, затем выделим основные характеристики российского политического режима и обсудим важнейшие параметры его эволюции в период с 1991 по 2012 годы, а также окинем взглядом панораму тех процессов и явлений, которые будут детально рассматриваться в последующих главах.

О чем пойдет речь: очень краткое введение

Прежде чем начать обсуждение проблем российской политики постсоветского периода, нам необходимо договориться о тех понятиях, которые зададут всю систему координат последующего анализа. В противном случае автор и читатели станут говорить на разных языках и могут попросту не понять друг друга – такая ситуация часто встречается в социальных науках (в политологии в том числе), и расхожее высказывание «два политолога – три мнения» довольно точно отражает суть этого недопонимания. Но речь здесь пойдет не столько о теоретических терминах и понятиях, сколько о рабочих определениях, – то есть о том, какое конкретно содержание стоит за теми или иными терминами, что имеется в виду на страницах именно этой книги (авторы других книг могут вкладывать в те же самые слова совершенно иные смыслы и оттого прийти к совершенно иным выводам). Решение этой задачи сэкономит нам время и силы, а заодно позволит прояснить логику политического развития России.

Достаточно взглянуть на подзаголовок книги, чтобы задаться вопросом о том, что есть *политика*. В русском языке это слово обычно используется в двух значениях: и как деятельность, связанная с борьбой за власть, и как те или иные меры, которые проводит правительство и другие организации в различных сферах (поэтому говорят о социальной, внешней, образовательной и иной политике). В английском языке указанные варианты политики обозначаются разными словами: *politics* и *policy* соответственно. В рамках нашей книги мы будем понимать политику только как борьбу за достижение, осуществление и удержание власти (*politics*), а тот аспект, который имеют в виду под словом *policy*, назовем «политическим курсом». Однако тут же перед нами встает другой вопрос – а что такое *власть*, кто и как ее осуществляет, и зачем? Дискуссия на эту тему бы могла увести нас слишком далеко от основного сюжета, поэтому здесь мы ограничимся одним из самых распространенных определений, принадлежащим выдающемуся политологу современности Роберту Далю. Оно звучит несколько формально и даже непривычно: «А обладает властью над В, если А служит причиной определенного поведения В при условии, что без

воздействия со стороны А тот вел бы себя иначе» [2]. Иными словами, власть – это *причинно-следственные отношения* между теми, кто властвует, и теми, кто подвластен, возникающие в силу наличия у А неких ресурсов: денег, знаний, социального статуса, силы и т. д., а также умения данные ресурсы использовать. Под это определение подпадает и власть монархов или президентов над гражданами, и власть школьного учителя над учениками. Средства осуществления власти разнообразны: от прямого насилия до убеждения и переговоров, но само по себе определение Даля предполагает, по крайней мере, что В подчинится А, а не взбунтуется против него или проигнорирует его намерения (в противном случае власть остается «на бумаге» и оборачивается фикцией). Для выполнения этого условия одного насилия, как правило, оказывается недостаточно – необходимо, чтобы А обладал неким *авторитетом* в глазах В, который готов согласиться с его (ее) претензиями на власть. Механизм обеспечения этого авторитета важен, поскольку позволяет поддерживать хотя бы минимальный порядок в обществе и исключить противостояние между теми же А и В. Такой механизм принято называть *легитимностью*. Она основана или на традиции (как в некоторых семьях, где старший по возрасту всегда прав, или в католической церкви, где Папа служит главным религиозным авторитетом), или на вере окружающих в особо выдающиеся личные качества того или иного деятеля – *харизму* (как у некоторых политических лидеров, будь то Наполеон, Ленин или Гитлер), или на формализованных «правилах игры» – таких, как конституции, законы и т. д., задающих рамки и границы осуществления власти. Именно эти «правила игры» по большей части и определяют условия легитимной власти в современных обществах – Россия, как будет показано далее, не является здесь исключением.

В реальной жизни доля властвующих в обществе невелика – в любой стране существует относительно небольшая группа лиц, кто влияет на принятие значимых решений по ключевым вопросам, – их принято обозначать понятием *элиты* [3] (они, в свою очередь, подразделяются на политические, экономические, культурные и т. д.). Политические элиты (иногда еще говорят о *политическом классе*), в свою очередь, можно разделить на правящие группы, находящиеся у власти, и контрэлиты, находящиеся в оппозиции. Остальная же часть общества – *массы* – обычно оказывает на принятие решений лишь косвенное воздействие (поскольку элиты

так или иначе вынуждены учитывать их мнение). Именно различные сегменты элит в основном и ведут борьбу за достижение, осуществление и удержание власти, используя для достижения этой цели самые разные средства, ресурсы и стратегии. Таких ключевых игроков – субъектов политики – принято называть словом *акторы* (с ударением на первый слог) – хотя это слово для русского уха звучит несколько непривычно. Акторами могут выступать и отдельные личности, и организации (например, политические партии или корпорации), и даже целые государства (прежде всего, на международной арене, но, подчас, и во внутренней политике других стран). Борьба акторов за власть, во многом и составляющая содержание политики, довольно редко представляет собой вариант «боев без правил» по схеме, которую Томас Гоббс, живший во времена английской революции середины XVII века, характеризовал как «война всех против всех». Чаще условия этой борьбы определяются набором формальных и неформальных «правил игры», которые принято обозначать словом *институты*. Тот факт, что неформальные «правила игры» во многих странах могут сильно расходиться с формальными (например, в Советском Союзе ключевым местом принятия важнейших решений выступали не правительство и не парламент, собиравшийся на свои двухдневные сессии лишь дважды в год, а Политбюро Центрального комитета КПСС, заседавшее еженедельно), не отменяет главного значения институтов – они предписывают актерам (именно так мы дальше будем называть субъектов политики) определенные рамки их действий и содержат санкции за нарушения этих правил.

Из сказанного следует, что характер политики в том или ином обществе в различные моменты времени, по сути, определяется двумя важнейшими параметрами: набором акторов и набором институтов. Сочетание этих параметров принято обозначать понятием *политический режим*. Различия между политическими режимами можно уподобить различиям между игровыми видами спорта – в каждом из них целью игроков является победа над своими противниками, однако набор и игроков, и тех правил игры, следуя которым они стремятся достичь этой цели, различается от одного вида спорта к другому. Достаточно сравнить между собой, скажем, теннис и шахматы, чтобы обнаружить различия между ресурсами и стратегиями игроков и санкциями за нарушение правил игры. Конечно, политические режимы (как и виды спорта) не являются играми, правила которых раз и навсегда заданы, – они

меняются со временем, так же, как и правила, по которым проводятся спортивные соревнования. Но изменения политических режимов могут быть эволюционными и плавными, а могут носить «взрывной», или революционный характер – подобно тому, как если бы игроки в шахматы вместо передвижения фигур по доске начали бы колотить друг друга по головам теми же самыми шахматными досками. Именно стабильность тех или иных политических режимов во времени, устойчивость их равновесия (консолидация) и определяет одну из характеристик политики.

Еще со времен Аристотеля политологи описали множество различных вариантов политических режимов. Нет нужды подробно их обсуждать на страницах нашей книги – воспользуемся самым простым (если не сказать – примитивным) разделением режимов на демократические и недемократические (или авторитарные). Демократический режим (или *демократия*) – это, говоря словами Йозефа Шумпетера, – такой набор институтов, который предполагает осуществление власти как следствие конкурентной борьбы элит за голоса избирателей в рамках свободных и справедливых выборов [4]. Данное определение демократии (такой ее вариант еще порой называют *электоральной демократией*), безусловно, представляет собой упрощение – ее реальная практика куда сложнее и включает в себя помимо конкурентных выборов и ряд других элементов. Но, даже если вывести за скобки дискуссию о том, являются ли конкурентные выборы достаточным условием для демократии, это условие однозначно является, по крайней мере, минималистски необходимым: демократии без равноправной конкуренции элит на выборах не бывает – здесь проходит та черта, которая отделяет демократии от недемократических режимов. Из этого условия следует, что демократия – это такой режим, где политики и партии могут терять власть в результате поражения на выборах [5]. «Могут терять власть» не всегда означает, что власть теряется на самом деле, – в некоторых западноевропейских демократиях одни и те же партии так или иначе находились у власти на протяжении ряда десятилетий, входя в состав менявшихся правительственных коалиций в различных комбинациях (подчас удерживая министерские посты даже после неудачных для себя результатов выборов). Именно политическая конкуренция, составляющая основу электоральной демократии, и создает условия для реализации тех политических свобод, которые присущи многим современным демократиям, – таких, как свобода слова, свобода

ассоциаций (создания политических и неполитических организаций), а также вынуждает правящие группы быть подотчетными своим согражданам [6] .

Большинство тех современных политических режимов, которые невозможно отнести по рассмотренному критерию к электоральным демократиям, мы будем далее характеризовать как недемократические, или *авторитарные*. Иногда в качестве синонима слова «авторитаризм» специалисты используют также понятие «диктатура», но поскольку в русском языке слово «диктатура» обычно связывается с репрессиями и насилием, то мы в дальнейшем сведем его употребление к минимуму. На деле далеко не все авторитарные режимы опираются на «кнут» в качестве основного орудия своего господства – многие из них (и российский режим в том числе), скорее, предпочитают «пряники» в качестве средства поддержания лояльности сограждан.

Авторитарные режимы (как и демократические) довольно сильно отличаются друг от друга своими «правилами игры»: среди них можно встретить и традиционные монархии (как в Саудовской Аравии), и военные диктатуры (как в ряде стран Латинской Америки в 1960–80-е годы), и однопартийные режимы, в том числе и коммунистические (как в Советском Союзе и странах Восточной Европы той поры). Различаются и механизмы, используемые этими режимами для поддержания своей легитимности. Одни авторитарные режимы либо не проводят выборов вообще, либо эти выборы носят фиктивный характер голосования за безальтернативных кандидатов (как в Советском Союзе). В других же авторитарных режимах, напротив, институт выборов имеет вполне реальное значение, и в них порой допускается участие различных партий и кандидатов. Но формальные и неформальные правила таких выборов предполагают высокие входные барьеры для участия в них, заведомо неравный доступ участников кампаний к ресурсам (от финансовых до медийных), систематическое использование государственного аппарата для увеличения количества голосов, поданных за правящие партии и кандидатов, и злоупотребления в пользу последних на всех стадиях выборов, в том числе при подсчете голосов. В этой связи часто принято выделять «классические» авторитарные режимы, где преобладают «выборы без выбора» (таким примером на постсоветском пространстве служит, например, Туркменистан) и соревновательный, или электоральный, авторитаризм. Именно заведомо неравные «правила

игры», которые призваны обеспечить победу носителей действующей власти и/или их преемников и ставленников (их принято называть словом *инкумбенты*) независимо от предпочтений избирателей [7], и отличают электоральный авторитаризм от электоральных демократий. *Электоральный авторитаризм* — явление не новое, но особенное распространение он получил в последние два десятка лет, в том числе и в постсоветских государствах, не исключая и Россию [8]. Классический авторитаризм уступает место электоральному, прежде всего, из-за того, что правящие группы этих режимов нуждаются в проведении выборов как средстве легитимации и внутри страны, и за ее пределами — в противном случае само функционирование этих режимов может оказаться под угрозой.

Если в основе демократии лежит политическая конкуренция, то авторитарные режимы предполагают либо монополию правящих групп на осуществление власти, либо, скорее, внутрифирменную конкуренцию между различными сегментами правящей группы, не предполагающую их открытую борьбу за голоса избирателей. Хотя лидеры, стоящие во главе авторитарных режимов, стремятся монополизировать собственное политическое господство (поэтому их иногда называют *доминирующими* акторами), в реальном мире они крайне редко осуществляют власть единолично. Наоборот — для удержания собственной власти им приходится опираться на поддержку части правящих групп (*подчиненных* акторов), создавая как формальные, так и неформальные *выигрышные коалиции* [9] с их участием и применяя по отношению к ним как «кнут», так и «пряник», с тем, чтобы поддерживать среди элит консенсус (иногда добровольный, но чаще всего «навязанный») и таким образом минимизировать риски потери власти. Эти риски исходят не только от масс, восстание которых грозит положить конец и доминирующим акторам, и режимам в целом, но и от части элит, которые подчас могут прибегнуть к военным путчам или дворцовым переворотам как способам смены власти. Неудивительно, что в условиях авторитаризма само по себе понятие «режим» зачастую ни фактически, ни аналитически невозможно отделить от «правлящих групп» или даже лидеров этих режимов, поэтому по тексту эти понятия порой будут использоваться как взаимозаменяемые.

Политические режимы сменяют друг друга в результате или изменения набора акторов, или изменения институтов, или (чаще) и того, и другого одновременно. Пожалуй, одной из основных

тенденций мирового политического развития последних десятилетий стал переход от авторитарных режимов к демократическим (его принято обозначать словом *демократизация*), который, в свою очередь, выступает как важнейший элемент процесса *модернизации* — перехода различных стран к современным моделям устройства общества, предполагающим заимствование или создание базовых институтов по западному образцу ^[10]. Политическая модернизация, которая и обуславливает становление демократического режима, является важнейшей (хотя и далеко не единственной) частью этого процесса. Однако было бы неверным рассматривать эти тенденции как всеобщие и универсальные. Зачастую под лозунгами демократизации в различных странах и регионах мира (Россия здесь отнюдь не исключение), скорее, отмечалась смена одних авторитарных режимов другими — то есть речь шла не о переходе к подлинной демократии, а о становлении электорального авторитаризма в тех или иных формах и проявлениях.

Но прежде, чем мы обсудим вопрос, почему и как постсоветская политика в России продемонстрировала траекторию смены одного авторитаризма другим по схеме «из огня да в полымя», стоит остановиться на другой, не менее серьезной, проблеме. Насколько важен политический режим для развития обществ в целом и российского общества в частности? И так ли нужны нашей стране (и другим странам) демократия и демократизация и связанные с ними политические свободы? Или, возможно, России пока стоит обойтись без них, отложив обретение нашими согражданами политических свобод до лучших времен?

О пользе и вреде демократии и демократизации

Дискуссия о пользе и вреде демократии для общества ведется со времен античности, но, похоже, едва ли исчерпает себя в обозримом будущем. Грубо говоря, в ее основе лежит противоречие между демократией как инструментом (механизмом отбора правителей) и достойным правлением (*good governance*), то есть успешными результатами деятельности правителей. Критики демократии справедливо указывали на то, что этот механизм не дает возможности выбрать наиболее достойных и эффективных

руководителей – граждане в лучшем случае склонны выбирать себе подобных, а в худшем и вовсе готовы доверить государственное управление некомпетентным демагогам. Согласно этой точке зрения, мудрый и справедливый авторитарный лидер (будь то монарх или руководитель партии) способен обеспечить своим согражданам процветание на долгие годы вперед с большей вероятностью, нежели демократически избранные политики, заботящиеся, прежде всего, о сохранении власти по итогам ближайших выборов. Защитники демократии ничуть не менее справедливо отмечали, что оптимальное политическое устройство общества должно не столько обеспечить приход к власти лучших из сограждан, сколько предотвратить ее монополизацию худшими из них [11].

Результаты многочисленных исследований не позволяют отдать предпочтение ни одной из двух конкурирующих точек зрения. С одной стороны, если оценивать достойное правление в категориях темпов экономического роста (как делают многие специалисты), то их средние показатели по странам мира за последние полвека не слишком различаются среди демократических и недемократических режимов. Но, с другой стороны, разброс этих показателей среди демократий куда меньше, нежели среди авторитарных режимов [12]. То есть, в социально-экономическом плане демократии, как правило, развиваются пусть и не слишком быстро, но относительно устойчиво, в то время как среди авторитарных режимов яркие истории бурного успеха перемежаются не менее яркими историями феерических неудач. Впрочем, общие закономерности мало что нам говорят об опыте отдельных стран, и потому любой желающий может почерпнуть из него аргументы и в пользу мнения о неэффективности демократий (достаточно посмотреть на мучения сегодняшней Греции), и о неэффективности авторитарных режимов (как в той же Греции во времена диктатуры «черных полковников» в 1967–1974 годах), и о том, что иные страны управляются неэффективно и при демократических, и при авторитарных режимах (подобно Аргентине, упадок которой в течение ряда десятилетий сопровождали неоднократные смены демократий диктатурами). И все же риски провала авторитарных режимов слишком высоки – на одного успешного диктатора-реформатора типа Ли Кван Ю в Сингапуре приходится десятки коррумпированных и неэффективных авторитарных лидеров типа Мобуту в Заире или Мугабе в Зимбабве, правление которых

приводит их страны к полному и подчас непреодолимому упадку. Да и среди посткоммунистических стран более успешная демократизация, как правило, способствовала и более успешному экономическому развитию.

Другой аргумент, который приводят защитники демократии, связан с тем, что многим авторитарным режимам по определению присуща нестабильность, если и когда в них происходят смены лидеров. В демократиях смена правительств по итогам выборов редко ведет к кардинальным изменениям режимов, но лишь немногие авторитарные режимы смогли выработать механизмы преемственности власти и управления, которые были бы независимы от персоналий [13]. Эта проблема порой стоит даже в наследственных монархиях, а уж о персоналистских авторитарных режимах и говорить не приходится – эти режимы крайне редко переживают их создателей. Но, в свою очередь, критики демократии в ответ резонно проводят различие между устойчивыми демократиями (то есть странами, где демократические режимы существуют на протяжении относительно длительного времени – по крайней мере, свыше двадцати лет) и так называемыми «новыми» демократиями, где демократические режимы еще не успели стать устойчивыми (консолированными). Первые, действительно, переживают крах крайне редко (немногие исключения, подобные Чили в 1973 году, подтверждают это правило), зато среди вторых крушения демократий случались в прошлом (да и сегодня случаются) сплошь и рядом.

Нестабильность «новых» демократий неудивительна: согласно китайской поговорке, жить в эпоху перемен – это наказание. Усвоение новыми акторами новых «правил игры» редко проходит безболезненно, и потому демократизация в ряде стран сопровождается острыми конфликтами, особенно если и когда она (как во многих посткоммунистических странах) также сопровождается экономическими преобразованиями и реформой государственного устройства. Отсюда следует рецепт критиков демократии – не отказываясь от демократии как нормативного идеала, необходимо максимально отсрочить и растянуть по времени процесс демократизации. Согласно такой точке зрения, поскольку общество не готово к быстрой демократизации, то сперва следует достичь высокого уровня экономического развития и создать успешно работающие эффективные «правила игры», и лишь затем шаг за шагом расширять пространство политической конкуренции.

Хотя теоретически этот аргумент выглядит вполне осмысленным, но на практике лишь немногие авторитарные режимы смогли создать действительно устойчивые эффективные институты, которые в результате переживали их создателей. Поэтому при всех опасностях и рисках ускоренной демократизации нет оснований считать ее большим злом для самых разных обществ, нежели подавляющее большинство авторитарных режимов.

Суммируя, можно утверждать, что демократия не гарантирует гражданам, что они станут жить лучше, но позволяет снизить риски того, что в условиях авторитарных режимов они будут страдать от произвола коррумпированных правителей, нарушающих их права, не имея при этом возможностей для мирной смены власти. Но смена режима, предполагающая отказ от авторитаризма, – сложный и болезненный процесс. Проблемы и риски, связанные со сменой политических режимов, достаточно серьезны, и они связаны не столько с демократизацией как таковой, сколько с тем, что построение демократии – это лишь один из возможных исходов этого процесса, но исход далеко не обязательный. На протяжении довольно долгого времени многие специалисты (в том числе и анализировавшие смену режимов в посткоммунистических странах) были склонны уделять гораздо больше внимания «историям успеха» демократизации ^[14], но не слишком интересовались причинами ее провала и/или достижения частичных и неустойчивых результатов. Более того, анализ этого процесса часто выглядел как аналог голливудского фильма, в котором «хорошие парни» (сторонники демократии) противостояли «плохим парням» (врагам демократии) и, в конце концов, итогом почти что неизбежно должен был стать демократический happy end. Но логика противостояния сил добра и зла при анализе смены режимов оказалась исчерпанной по мере того, как демократизация в ряде стран (в том числе и постсоветских) обернулась провалом, и голливудский happy end вскоре сменился подходом, скорее, напоминавшим film noir ^[15], по-русски звучно называемый *чернухой*. Согласно этой точке зрения, в постсоветской политике играют лишь «плохие парни», которые не приемлют демократию в силу своего коммунистического прошлого и/или связи со спецслужбами, либо иных причин. Неудивительно поэтому, что авторитарные режимы устанавливаются в этих странах в результате воздействия сил зла.

Моя точка зрения на процессы смены режимов отличается и от голливудского оптимизма, и от взгляда на провал демократизации

как на сценарий фильма-чернухи. Было бы нелепо считать, что провал демократизации в России стал лишь следствием того, что Ельцин, Путин и Медведев – условно говоря, «плохие парни». Дело даже не в том, что эти «плохие парни» не хуже (хотя, наверное, и не лучше) многих вполне себе демократических политиков в ряде других стран. Но и не в том, что демократия возникает лишь в силу добрых намерений «хороших парней». Я исхожу из того, что в политике, как и в повседневной жизни, «парни» не являются однозначно «хорошими» или «плохими» – действия конфликтующих сторон в ходе изменений политических режимов продиктованы, прежде всего, их собственными интересами. Для политических акторов такие интересы состоят в максимизации их власти, но иногда эти интересы включают в себя и содействие становлению политической конкуренции, и выработку тех «правил игры», которые эту конкуренцию поддерживают.

Другое дело, что политические акторы (как и обычные граждане) далеко не всегда способны предугадать последствия своих шагов, и нередко их действия имеют неожиданные и подчас непредсказуемые последствия с точки зрения изменений режимов. Эти последствия возникают в силу высокой неопределенности, характерной для ряда стран, особенно в ситуации стратегического выбора политическими акторами да и обществом в целом тех или иных ключевых решений. Каким вариантам конституций и законов отдать предпочтение? Проводить или нет выборы и по каким правилам? За кого из кандидатов отдать свой голос? Выходить ли на протестные акции против произвола властей? Каждый раз изменения режима в том или ином направлении зависят от решений, принятых в определенные «критические моменты» истории. Эти решения, в свою очередь, определяют рамки *коридора возможностей* в следующий «критический момент», подобно компьютерным играм-аркадам [16]. И если один раз выбрать путь, ведущий в тупик, то вернуться к первоначальным развилкам удастся далеко не всегда, и издержки на этом трудном и извилистом пути подчас оказываются весьма велики. Именно анализ процесса изменений режима в постсоветской России, его траекторий, развилок и тупиков составит последующее содержание книги.

Спрос, предложение и «критические моменты»

Политические процессы нередко сравнивают с рыночными, имея в виду, что те или иные изменения (в том числе и изменения политических режимов) отражают динамику спроса и предложения. Политические акторы в любых режимах создают предложение, они же влияют и на спрос со стороны сограждан, игнорировать изменения которого правящие группы не в силах без риска подрыва легитимности своего господства. Разница между демократическими режимами и авторитарными в этом отношении состоит лишь в степени конкуренции на политическом рынке или, напротив, его монополизации. Постсоветская Россия не представляет собой исключение из общего правила, но динамика политического спроса и предложения в нашей стране за последние два с лишним десятилетия при этом демонстрировала целый ряд особенностей.

Политический спрос в России на протяжении большей части постсоветского периода во многом носил латентный (неявный) характер и не был определяющим фактором политики в стране. Тем самым для российских политических акторов возникла ситуация «свободы рук», позволявшая им не слишком опасаться проявлений общественного недовольства. После довольно короткого периода активных выступлений против советского режима на излете коммунистической эпохи (1989–1991) российские граждане крайне редко подымали свой голос против политического режима, существовавшего в тот или иной момент (режима статус-кво). Хотя все массовые опросы и демонстрировали низкий уровень политической поддержки режима, особенно в 1990-е годы, любые альтернативы ему в глазах россиян (будь то возврат к прежнему режиму, установление диктатуры или же более интенсивная демократизация) выглядели либо непривлекательными, либо нереалистическими. Иными словами, характер спроса со стороны российских граждан по отношению к политическому режиму в стране во многом представлял «вынужденное принятие» складывавшихся «правил игры», которые вовсе не казались им оптимальными, – напротив, их недовольство режимом, скорее, было вызвано расхождением между демократическими идеалами и реальностью. В 2000-е годы повышение экономического

благополучия значительной части российских граждан, с одной стороны, и обретение режимом статус-кво устойчивости, с другой, повлекли за собой рост поддержки режима со стороны россиян [17]. Но в 2010-е годы в России начал проявляться спрос на перемены, и исход думских выборов 2011 года и последовавшие за ними массовые протесты стали для режима первыми тревожными звонками – общественный спрос становится все более значимым фактором российской политики, хотя пока он и не приобрел первостепенное значение.

На стороне политического предложения ситуация складывалась совершенно иначе. Не будучи скованы ограничениями со стороны общественного спроса, политические акторы могли стремиться лишь к максимизации собственной власти, и демократия для них служила бы препятствием на пути к этой цели. Но если в ряде стран в процессе крушения авторитарных режимов приходившие к власти правящие группы вынуждены устанавливать демократические «правила игры» либо в силу острых политических и/или социальных конфликтов, либо из-за международного влияния, либо под воздействием идеологических ориентации лидеров и элит, то Россия после СССР не демонстрировала ни одного из этих условий – политические конфликты были разрешены по принципу «игры с нулевой суммой», международное влияние на нашу страну оказалось не слишком велико, а идеи занимали подчиненное положение по отношению к интересам ключевых политических игроков.

В такой ситуации российские политические лидеры попросту не имели серьезных стимулов для строительства демократии как механизма ограничения собственной власти, зато очевидно оказались заинтересованными в строительстве нового авторитарного режима взамен рухнувшего. Речь шла, разумеется, не о воссоздании прежнего СССР (неэффективного и дискредитировавшего себя в глазах и элит, и масс), а о новом авторитаризме. Он лишь отчасти сохраняет символическую преемственность по отношению к советскому режиму (нормативным идеалом служит «хороший Советский Союз», основанный на политическом монополизме, но лишенный при этом присущих прежнему режиму врожденных недостатков), и отчасти адаптировал к своим нуждам некоторые демократические институты – такие, как парламент, выборы и политические партии.

Российские правящие группы использовали для достижения своих целей серию институциональных изменений, которые были призваны установить и закрепить наиболее благоприятные для них «правила игры» и удержать господство неформальных правящих «выигрышных коалиций» вокруг лидеров страны. Но в 1990-е годы эти шаги имели лишь частичный успех из-за слабости российского государства, глубокого и длительного экономического спада, разнородности правящих коалиций и непоследовательного и противоречивого характера институционального строительства. Однако в 2000-е годы Владимир Путин на посту главы государства успешно провел своего рода «работу над ошибками» – благодаря экономическому росту и усилению государства он смог добиться реформирования правящих коалиций и проведения ряда институциональных изменений в свою пользу. В результате этих усилий российский авторитарный режим к началу 2010-х годов достиг состояния консолидации – то есть устойчивого, хотя и неэффективного равновесия, в нарушении которого не были заинтересованы лидеры страны.

Сохранение режима статус-кво становилось основной целью правящих групп, и потому выход из такого равновесия многим наблюдателям представлялся маловероятным. Но так ли уж заслужил Владимир Путин «пятерку с плюсом» в колледже для диктаторов за свою отличную работу по строительству авторитаризма в России? Оказалось, что, как часто бывает на рынках (в том числе и политических), при неизменности со стороны предложения движущей силой перемен могут стать сдвиги на стороне спроса. Именно это противоречие – между предложением статус-кво и спросом на перемены – и определяет тенденции российской политики сегодня, и, видимо, будет определять их и в ближайшие годы.

Таким образом, на протяжении двух с лишним десятилетий российской политики после СССР (вплоть до самого последнего времени) почти всякий раз, если и когда в «критический момент» истории перед российскими политическими акторами вставал на повестку дня выбор между демократизацией и авторитаризмом, то авторитарное решение (при сохранении внешнего демократического «фасада») оказывалось для них наиболее предпочтительным. В результате почти каждый шаг на пути российского политического режима становился если не «бегством от свободы», то, по меньшей мере, движением в сторону от нее. Последовательность этих шагов,

каждый из которых становился логическим следствием предыдущих действий, все дальше и все увереннее вела российскую политику вперед по дороге разочарований. Среди этих «критических моментов» стоит отметить следующие:

- ◆ 1991 – отказ от принятия новой конституции России и проведения новых выборов органов власти, частичное сохранение в российской политике «правил игры», унаследованных от советского периода;

- ◆ 1993 – острый конфликт между президентом и парламентом России завершившийся силовым роспуском Верховного Совета. Следствием разрешения этого конфликта стало принятие новой Конституции России, закреплявшей широкие полномочия президента страны и содержавшей значительный авторитарный потенциал;

- ◆ 1996 – выборы президента России, в ходе которых действующий президент Борис Ельцин был переизбран в результате несправедливой кампании, сопровождавшейся большим количеством злоупотреблений. При этом Ельцин отказался от реализации планов отмены выборов, роспуска парламента и запрета оппозиционных партий;

- ◆ 1999–2000 – борьба различных сегментов элит за политическое лидерство в преддверии выборов нового президента страны. Полная победа в этой борьбе «преемника» Ельцина – Путина, который смог максимизировать собственную власть в результате принуждения к лояльности всех значимых акторов (механизм «навязанного консенсуса»);

- ◆ 2003–2005 – устранение реальных и даже гипотетических препятствий монопольному господству правящей группы, изменения важнейших «правил игры», направленные на монополизацию политической власти: отмена выборов глав исполнительной власти регионов, реформа законодательства о партиях и выборах и др.;

- ◆ 2007–2008 – в силу истечения сроков своих президентских полномочий Путин подобрал себе лояльного «преемника» Медведева, который в отсутствие реальной конкуренции занял пост главы государства и провел в жизнь решение о продлении сроков полномочий президента и парламента;

- ◆ 2011–2012 – Путин осуществляет «обратную замену», возвращаясь на пост президента в ходе цикла несвободных и несправедливых парламентских и президентских выборов, которые

сопровождались масштабными фальсификациями и спровоцировали заметные протестные выступления в Москве и других городах страны.

Какими окажутся следующие шаги, изменится ли траектория российского политического режима в обозримом будущем, и сможет ли российская политика все же сойти с дороги разочарований? Эти вопросы будут обсуждаться в следующих главах книги. Ее *вторая глава* посвящена презентации моего подхода к анализу российской политики на фоне других распространенных объяснений тенденций политического развития России. Далее, *третья глава* представит анализ основных «критических моментов» российской политики 1990-х годов, интересов и стратегий основных политических акторов и тех ограничений, с которыми они сталкивались в этот период и которые вынуждали их к тем или иным шагам. *Четвертая глава* логически продолжит предыдущую на материале 2000-х годов. В ее центре будут находиться стимулы и стратегии российских лидеров, а также факторы, которые способствовали успешному достижению их политических целей. *Пятая глава* сосредоточится на анализе логики нынешнего российского политического режима в 2010-е годы, его формальным и неформальным «правилам игры» и основным вызовам, с которыми он сталкивается. Наконец, в *шестой главе*, заключительной, будут подведены предварительные итоги политического развития России после 1991 года и рассмотрены возможные сценарии дальнейшей эволюции ее политического режима, с тем, чтобы постараться дать ответы на вопрос, станет ли Россия политически свободной страной, и если да, то каким путем и с какими издержками.

Глава 2. Российская политика: почему?

Первый вопрос, который встает перед теми, кто пытается проанализировать траекторию российского политического режима, звучит: почему? Иначе говоря, почему падение коммунистической власти в России в 1991 году не повлекло за собой строительство новой демократии (как это произошло в странах Восточной Европы), хотя и не имело следствием формирование новых репрессивных диктатур, подобно странам Центральной Азии? Ответ на этот внешне простой и как будто лежащий на поверхности вопрос, далеко не так очевиден, когда мы говорим о России, как, впрочем, и о других странах и регионах мира. Ученые во всем мире спорят о причинах того, почему же одни страны становятся демократиями, а другие – нет, и опыт современной России может служить аргументом в этих дебатах.

В разгар «холодной войны», в 1970-е годы, в Советском Союзе была популярна шутка о том, что «оптимисты» учат английский язык, ожидая военного столкновения между СССР и США, «пессимисты» учат китайский язык, предполагая военный конфликт между СССР и Китаем, ну а реалисты учат автомат Калашникова, готовясь встретить во всеоружии любую войну. Эту шутку (в известной мере не утратившую актуальность и до нашего времени) сегодня можно перефразировать в свете того, как именно специалисты – и российские, и зарубежные, – дают ответы на вопрос о причинах и следствиях российской политической эволюции после 1991 года. Предельно огрубляя, поиски этих ответов ведут одних ученых в лагерь «пессимистов», изучающих историю и культуру России, других – в стан «оптимистов», исследующих процессы экономического развития и государственного строительства в стране, а третьих – в группу «реалистов», в центре внимания которых находятся интересы и политические стратегии групп, борющихся за завоевание и/или удержание власти.

В этой главе мы сперва обсудим аргументы каждой из упомянутых точек зрения, затем посмотрим на международный опыт строительства демократий и диктатур в современном мире, чтобы понять, какие аргументы звучат убедительно, а какие – нет, и, наконец, в свете анализа этих дискуссий проанализируем логику

изменений российского политического режима. Результатом нашего обсуждения станет объяснительная схема процессов постсоветской политической трансформации в России, которая будет более подробно развернута в трех последующих главах.

Российская политика: пессимизм, оптимизм или реализм?

Политическая диагностика сродни диагностике медицинской. Исследователи, обнаружив патологии тех или иных политических систем, действуют подобно медикам, которые, заметив какую-либо патологию человеческого организма, стремятся выявить причины заболевания, чтобы правильно определить возможности и методы лечения. Известно, впрочем, что истории отнюдь не всех болезней одинаково трагичны. Если одни заболевания носят наследственный характер, то другие могут быть вызваны заражением. Если эффекты воздействия одних вирусов – хронические и неизлечимые, то последствия других представляются хотя и неизбежными, но все же преодолимыми «болезнями роста», в то время как третьи могут повлечь за собой даже летальный исход. Становление недемократических режимов в современном мире рассматривается специалистами как политическая патология, особенно если речь идет о странах, где одни диктатуры сменились другими. В чем причины этих тяжелых недугов? Однако рассуждения политологов, пытающихся найти ответ на этот вопрос, – как в России, так и в ряде других стран, – отличаются от аргументации медиков прежде всего тем, что для политической диагностики подчас применяются слишком разные инструменты анализа. Поэтому политологи порой приходят к кардинально расходящимся выводам, а их прогнозы довольно часто не имеют ничего общего с реальным ходом событий (как будет показано далее, автор этих строк отнюдь не служит исключением). Тем не менее, хотя политологи и ошибаются с диагностикой чаще, чем медики, их ошибки куда реже могут привести к непоправимым последствиям.

Продолжая медицинскую аналогию, можно утверждать, что «пессимисты» склонны рассматривать патологии российской политической системы как своего рода хроническое наследственное заболевание нашей страны. Они изучают российские культуру и историю и черпают из них свою печальную аргументацию в пользу неустранимости преобладания в России авторитарного режима, по крайней мере, в обозримом будущем. «Оптимисты», напротив, рассматривают авторитарные тенденции в российской политике как вариант посттравматического синдрома или как затянувшиеся «болезни роста», ставшие побочным эффектом сложных

трансформационных процессов постсоветского периода. Они анализируют экономические реформы и государственное строительство и возлагают некоторые надежды на более интенсивное включение России в международные процессы и транснациональные сети в качестве средства медленного, но верного преодоления этих, хоть и пагубных, но все-таки временных патологий. Наконец, «реалисты» изучают политические преобразования в России сквозь призму частных корыстных интересов тех или иных групп в политическом классе страны. Они полагают, что авторитаризм представляет собой результат намеренных действий этих групп по монополизации власти, подобно тому, как заболевание может стать результатом преднамеренного отравления организма. Независимо от того, кто именно подозревается ими в качестве «отравителей», и какие «яды» считаются наиболее опасными, оценки «реалистами» перспектив преодоления авторитарных тенденций в России, скорее, носят скептический характер, поскольку поиск эффективного «противоядия», способного преодолеть эффекты отравления, – непростая задача не только в медицине, но и в политике. Конечно, эти подходы политической диагностики не жестко противоречат друг другу, а, скорее, взаимно дополняемы – на практике даже одни и те же специалисты часто используют элементы различных объяснений патологий российской политики. Рассмотрим подробнее логику каждого из них.

«Пессимисты»

«Пессимисты» обращают внимание на то, что демократии в России просто неоткуда взяться, – ни в досоветский, ни тем более в советский период истории нашей страны не могли сложиться демократические институты и традиции. Согласно их точке зрения, «наследие» диктатур разной степени репрессивности со временем укоренилось в культуре страны настолько, что стало непреодолимым барьером на пути демократизации, задав самоподдерживающуюся *зависимость от пройденного пути* (path-dependency) ^[18], или «колею», выход из которой сопряжен с колоссальными издержками. Следуя этой логике, российское общество, исторически лишённое иммунитета против авторитаризма на уровне «правильной» культуры и устойчивых традиций, может оставаться его жертвой надолго, если не навсегда. Попытки преодоления врожденных и наследственных патологий развития страны если не обречены на неудачу, то весьма

затруднительны, а возможности исцеления от них благодаря терапии в виде социокультурной эволюции общества [19] служат лишь исключениями, подтверждающими правило.

Основой представлений о культурной обусловленности преобладания авторитаризма в России (и других постсоветских странах) служат два (не очень противоречащих друг другу) взгляда. С одной стороны, наиболее влиятельная концепция американского историка Ричарда Пайпса [20] рассматривает всю историю России сквозь призму глубоко укорененного *неопатримониализма*, ключевым проявлением которого стали проходящие сквозь века отсутствие гарантий прав собственности (в широком плане включающих и права человека в целом) и произвол государственной власти по отношению к обществу. Это исторически сложившееся неопатримониальное наследие не удалось преодолеть в ходе многочисленных попыток модернизации страны, и потому оно обрекает Россию на заведомо антидемократическую, неправовую и неэффективную траекторию развития.

Схожие аргументы присущи и авторам, склонным рассматривать всю историю России как проявление «особого» пути развития в духе «Русской системы», задавшей «неправильную» траекторию институционального развития страны как вечное противостояние модернизации и традиционализма наподобие извечной борьбы добра и зла [21]. Более радикальные утверждения представляют Россию как базу некоей особой «православной» цивилизации, которая вообще не может быть совместима с ценностями западной демократии [22].

С другой стороны, специалисты отмечали негативное воздействие «ленинского наследия» коммунистического правления [23], которое в 1950–80-е годы повлекло за собой вырождение режимов советского типа, наложившее культурный отпечаток на весь постсоветский путь. Это «наследие» сформировало и особый социальный тип – «советского человека», ориентированного на конформизм и приспособленчество, жаждущего не демократии, а «строгости, но справедливого хозяина», и не желающего, да и не способного отказаться от устоявшихся «правил игры» [24].

Иными словами, исторически укорененный произвол власти, сопровождавшийся репрессиями, вызвал непреодолимые защитные реакции на массовом уровне. Подобно тому, как глубоко пораженный вирусами организм вырабатывает собственные антитела, которые позволяют ему адаптироваться к хроническому

заболеванию, но также и препятствуют ослаблению вирусов, так и российское общество оказывается «не готовым» к демократии. Исходя из представлений о том, что культурное «наследие» определяет поведение отдельных граждан и общества в целом, делается вывод, что авторитаризм в России демонстрирует неустранимость, а его преобладание с почти фатальной неизбежностью закрепляется политическим устройством страны. Поэтому попытки навязать российскому обществу демократизацию неизбежно терпят неудачу, по крайней мере в краткосрочной перспективе.

Данные ряда массовых опросов, в которых анализируются установки и ценности россиян, вроде бы свидетельствуют в пользу этого аргумента. Исходя из них, средний россиянин предстает поклонником «жесткой руки», безразличным к гражданским и политическим правам, нетерпимым к меньшинствам, в гробу выдавшим частную собственность, стремящимся все «отнять и поделить» и готовым променять любые свободы на дешевую колбасу и сохранение привычного «порядка» [25]. Следуя такой логике, можно утверждать, что граждане России в сфере политики и права сегодня имеют ровно то, что они заслуживают, а именно – неправоное авторитарное государство. Культурная предопределенность, таким образом, волей или неволей становится в нашей стране оправданием сохранения нынешнего статус-кво. Ведь ждать, пока россияне «дозреют» до западных институтов: свободных выборов, независимых судов и некоррупцированной полиции – можно, как говорится, до греческих календ.

Но насколько оправданны аргументы тех, кто утверждает: во всех политических бедах России «виновата» ее культура? Есть немало оснований усомниться в их обоснованности. Во-первых, многие сравнительные исследования показывают, что с точки зрения приверженности идеалам демократии россияне не слишком отличаются от ряда других посткоммунистических стран, более успешных в сфере демократизации [26]. Более того, некоторые специалисты ставят под сомнение антидемократические взгляды россиян, указывая на высокую значимость в их глазах таких важнейших институтов демократии, как конкурентные выборы и свобода слова [27].

Во-вторых, не стоит полагать, что культурные барьеры на пути становления демократии так уж совершенно непреодолимы, – ведь за последние пару десятилетий демократические институты стали

укореняться в самых разных далеких от западной культуры местах (таких, как Монголия или Бенин). Даже если предположить, что россияне более антидемократичны, нежели жители этих стран, то неужели наша страна не в состоянии следовать их образцам? В результате, культурные обоснования преобладания авторитаризма попадают в перечень «остаточных категорий», к которым прибегают тогда, когда не могут что-либо объяснить. Согласно им, демократия в России не может укорениться вследствие неблагоприятного культурного «наследия», а заданная этим «наследием» траектория развития не может быть изменена в отсутствие демократии [28]. Во всяком случае представление о том, что культурные факторы служат *причиной* преобладания авторитаризма в России, не выглядит таким убедительным – скорее, массовые установки и ориентации можно считать его *следствием*.

В-третьих, наконец, признание культурной неприемлемости для россиян демократии может повлечь за собой далеко идущие политические последствия. Если признать, что граждан той или иной страны *в принципе* невозможно улучшить, поневоле придется прийти к выводу, что неизбежным решением проблем такой страны может оказаться лишь ее полное уничтожение как таковой (подобно судьбе Советского Союза), либо введение на ее территории внешнего управления со стороны тех стран, где граждане более демократичны и политические институты более эффективны. Вполне возможно, что когда-нибудь Россия и пойдет по одному из этих путей или даже по обоим путям сразу, но пока ни наша страна, ни тем более другие страны, похоже, просто не готовы обсуждать эти перспективы всерьез.

Когда я слышу о культурной несовместимости России с демократией и верховенством права, то вспоминаю свою поездку в один крупный региональный центр в середине 1990-х годов. Старинный город был очень захламлен и замусорен, что я и отметил в разговоре с тамошним вице-мэром. Тот, нимало не смущаясь, парировал: у нас, мол, такая местная культура – некогда жившие на этой территории селяне не делали выгребных ям, а выкидывали мусор из изб прямо во двор. На следующий день, посетив местный музей, я услышал ту же историю, подкрепленную иллюстрацией в виде настоящей избы. Казалось, идея культурной обусловленности грязи господствовала в умах горожан. Однако когда всего лишь через несколько лет я вновь посетил тот же город, он выглядел намного чище. Оказалось, что горожане избрали нового мэра,

который сумел наладить более эффективную работу коммунальных служб. Местная культура, по всей видимости, этим реформам не препятствовала. Может быть, и стране в целом сегодня пора перестать сетовать на непреодолимость культурного «наследия прошлого», а учиться выбирать достойных правителей и создавать эффективно работающие институты?

«Оптимисты»

В отличие от «пессимистов», для которых Россия предстает вечной жертвой неизлечимой наследственной болезни «наследия» авторитаризма, «оптимисты» смотрят на проблемы страны сквозь иную оптику. Они полагают, что Россия – это «нормальная страна» с более или менее средними показателями социально-экономического развития, и потому не следует ни предъявлять к ней особых претензий по части демократии и прав человека – с одной стороны, ни чрезмерно возмущаться ее авторитаризмом – с другой [29]. Словом, на глобальном уровне – не «отличница» мировой политики, но и не совсем уж безнадежная «двоечница»: да, не Финляндия, но и не сказать, чтобы полное Зимбабве, а, скорее, что-то вроде Аргентины. Если представить себе распределение стран подобным успеваемости учеников в школьном классе, то Россия – своего рода «твердая троечница», ни шатко ни валко справляющаяся с текущими заданиями, но и имеющая немного шансов в обозримом будущем кардинально улучшить свою «успеваемость» (ухудшить, впрочем, тоже). Такие страны более других подвержены влиянию внешних и внутренних шоков, которые могут нанести им травмы, способные надолго ослабить организм и законсервировать существующее положение дел.

Современная Россия, в свете подобных рассуждений, испытала своего рода посттравматический синдром в ходе «революционной» трансформации на фоне распада СССР [30]. Сопутствовавший этим переменам радикальный разрыв с «наследием прошлого» в России не просто сопровождался упадком административного потенциала государства и его институтов, но поставил под вопрос само существование страны как таковой. В этой ситуации авторитарные тенденции в России в 1990-е и особенно в 2000-е годы, с одной стороны, служили своего рода обезболивающим средством, предохранявшим страну от полного краха, когда слабое государство оказалось неспособно обеспечить устойчивое эффективное функционирование экономики и развитие общества [31]. С другой стороны, в этих условиях авторитаризм подобен швам или гипсовой

повязке, позволяющим разорванным тканям срастись, а травмированному организму укрепить свой потенциал для «выращивания» новых «правил игры», условия для которых складываются в процессе послереволюционной стабилизации. Негативные эффекты авторитарных тенденций в России в этом свете предстают явлением временным и преходящим, чем-то вроде «болезни роста», которая может надолго затянуться, но в принципе преодолима при умелом лечении.

Такая аргументация во многом основана на анализе траектории развития российского государства в постсоветский период. Крушение коммунистического правления и распад СССР резко увеличили масштаб и скорость фрагментации государственного устройства в 1990-е годы как «по горизонтали», так и «по вертикали». Среди них отмечались и «захват государства» «олигархами», и спонтанная передача власти от Центра к регионам, ряд из которых управлялся подобно феодальным вотчинам, и замена денежного обращения бартерными суррогатами, обеспечение правопорядка с помощью криминальных «крыш» [32] и т. п. Однако по мере того, как российское государство в 2000-е годы восстанавливало утраченный административный потенциал, подобные явления были либо вытеснены на периферию политического процесса, либо легко встроены государством в новую институциональную среду. Так, «олигархи» утратили контроль над повесткой дня и вынужденно заняли сугубо подчиненное положение в рамках нового государственного корпоративизма [33], региональные лидеры лишились рычагов власти при принятии решений и оказались в зависимости от Центра и крупных корпораций [34], а криминальные «крыши» либо легализовались, либо маргинализировались.

Казалось бы, реализованный в 2000-е годы консервативный сценарий послереволюционной стабилизации [35] раздвигал временной горизонт политических игроков, так необходимый для успешного «выращивания» новых эффективных демократических институтов, поэтому прогнозы поэтапной демократизации страны по мере дальнейшего экономического роста внешне выглядели вполне убедительно [36]. Однако усиление в 2000-е годы административного потенциала российского государства на деле привело лишь к увеличению власти чиновников, неподконтрольных обществу и использующих свою власть как средство борьбы с политическими противниками и конкурентами в экономике.

Многочисленные сопутствующие заболевания российской политики и экономики – такие, как способствующие авторитарным тенденциям эффекты *ресурсного проклятия* (зависимости страны от экспорта нефти и газа) [37] и чрезвычайно высокий уровень коррупции – лишь усугубляли и затягивали посттравматический синдром, отодвигая перспективы консервативного лечения болезни и делая их все более туманными.

Суммируя критику в адрес «оптимистов», можно утверждать, что хотя авторитарные тенденции подчас являются атрибутами слабых государств, само по себе восстановление административного потенциала государства не ведет «по умолчанию» к становлению демократии. Наоборот, есть основания полагать, что сильное государство может оказаться ничуть не менее опасным препятствием для демократии, нежели слабое – в этом случае речь идет о становлении препятствующего успешному развитию экономики и общества *государства-хищника* (predatory state) [38]. Российский опыт, скорее, говорит о том, что лекарство от посттравматического синдрома переходного периода в форме хотя и сильного, но не подотчетного гражданам государства может оказаться гораздо опаснее болезни – при таком лечении «болезни роста» могут быстро и подчас даже необратимо перерасти в хронические заболевания.

«Реалисты»

Наконец, «реалисты» склонны рассматривать политический процесс как жесткую борьбу коварных и циничных политиков за завоевание и удержание власти любыми доступными средствами. Не то чтобы политики – сплошь и рядом сторонники диктатур: просто таковы законы борьбы за выживание в ситуациях, когда лишь один из участников все выигрывает, а остальные все проигрывают, будь то в политике, в бизнесе или на войне (специалисты называют такие ситуации *игрой с нулевой суммой*). Поэтому идеальным политическим режимом с точки зрения таких политиков является диктатура (разумеется, лишь в том случае, если они сами выступают в роли диктаторов или хотя бы участников правящей «выигрышной коалиции»), в то время как демократия служит очевидным препятствием достижения их целей, – ведь, как отмечал американский политолог Адам Пшеворский, «демократия – это политический режим, при котором партии (как и любые политики. – В. Г.) проигрывают выборы» [39]. Неудивительно, что рациональные политики стремятся создать такие «правила игры»,

которые максимально облегчают им монополизацию власти и максимально затрудняют доступ к власти их конкурентам – по словам Нобелевского лауреата Дугласа Норта, «институты... создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил» [40] .

Становление авторитаризма, таким образом, предстает результатом преднамеренных действий, которые можно уподобить отравлению социального организма. Те общества, в которых давно сложились демократические «правила игры», смогли выработать иммунитет к такого рода «отравлениям» или хотя бы способны минимизировать их негативные эффекты. Даже если в демократиях к власти подчас приходят весьма одиозные политики (подобные Сильвио Берлускони в Италии), превратить демократические режимы в авторитарные им, как правило, все же не удастся. Но обществам, вынужденным строить свои политические институты «с нуля» (подобно посткоммунистическим странам), намного сложнее выработать эффективное противоядие. В этих случаях «отравление» авторитаризмом способно повлечь за собой устойчивые и долгосрочные негативные эффекты – возникает своего рода «порочный круг»: по мере укоренения авторитаризма снижаются шансы и на эффективность «противоядия» ему, выработать иммунитет к «отравлениям» становится все труднее, и в итоге болезнь диктатуры может оказаться неизлечимой или даже смертельной для страны.

Анализ посткоммунистических преобразований в России содержит немало примеров того, как заинтересованные акторы сознательно и целенаправленно выстраивали выгодные для них «правила игры», стремясь максимизировать собственную власть и создать для своих конкурентов непреодолимые препятствия. Некоторые примеры такого рода мы подробно проанализируем в трех последующих главах, а пока ограничимся случаем разработки и реализации законодательства о выборах, призванного посредством размытых норм ведения избирательных кампаний и разрешения споров обеспечить односторонние преимущества политическим силам, находившимся у власти. Правила доступа к СМИ, механизмы политического финансирования и наложения санкций за нарушение норм, равно как и их селективное применение, выступали эффективными инструментами достижения этой цели. В частности, по закону выборы могли быть (а могли и не быть)

признаны недействительными «в случае, если допущенные... нарушения не позволяют с достоверностью установить результаты волеизъявления избирателей». Когда во время обсуждения проектов избирательных законов в 1994 году автор этих строк предложил определить исчерпывающий перечень подобного рода нарушений, чтобы исключить их произвольную трактовку, в ответ один из депутатов популярно разъяснил необходимость внесения в закон именно такой нормы тем, что она позволит отменить итоги будущих президентских выборов, если на них победит Зюганов или Жириновский. Эти правила открывали весьма широкие возможности для отмены результатов практически любых выборов в случае их «нежелательных» итогов. Так, в марте 1998 года, когда на выборах мэра Нижнего Новгорода победил аутсайдер-популист с уголовным прошлым Андрей Климентьев, их итоги были признаны недействительными, поскольку кандидат в ходе кампании обещал в случае своей победы повышение пенсий и зарплат, что было квалифицировано как «подкуп избирателей» [41].

Присущие «реалистам» представления о политическом процессе как о борьбе за максимизацию власти глубоко укоренены в истории политической мысли, начиная от Никколо Макиавелли и заканчивая Владимиром Лениным (работы, да и практика деятельности которого могут служить блестящим учебным пособием по захвату и удержанию власти). Современные специалисты – американские политологи Брюс Буэно де Мескита и Алистер Смит – даже написали «Справочник для диктаторов», где всюду раздают циничным авторитарным политикам «вредные советы» на манер рецептов из кулинарной книги (или, если угодно, на манер «всемирной истории ядов») [42]. Сходной точки зрения на страницах этой книги будем далее придерживаться и мы, не отрицая, впрочем, ни аргументов «пессимистов» о роли «наследия» истории и культуры страны, ни мнения «оптимистов» о влиянии экономического развития и государственного строительства на политический режим. Эти аспекты мы будем рассматривать, скорее, как сопутствующие факторы политического развития России, нежели как главные причины, определившие ее постсоветскую политическую траекторию со всеми многочисленными развилками, «зигзагами» и тупиками.

* * *

Из сказанного вовсе не следует апологетика авторитаризма – в России и в мире в целом – с нормативной точки зрения (то есть, с точки зрения *как должно быть*). Скорее, речь идет о попытке позитивного анализа российского политического режима (то есть, с точки зрения *как на самом деле*). Не то, чтобы оправдывая или, тем более, поддерживая «отравителей», – нам, подобно ведущим следствие детективам, необходимо понять их мотивацию и логику поведения, а главное – объяснить, почему же в разных ситуациях попытки «отравлений» приводят к различным исходам, каковы природа и механизмы действия «ядов» в целом и в случае России в частности, есть ли у нашей страны шансы на эффективное «противоядие» и если да, то какими средствами необходимо исправлять последствия «отравления» страны постсоветским авторитаризмом? Но поиски ответов на эти (и другие) вопросы сталкиваются с новыми загадками, которые также нуждаются в прояснении.

Демократизация: почему не в России?

В самом деле, если следовать логике «реалистов», то политические режимы во всем мире должны были бы представлять собой лишь исключительно диктатуры разной степени репрессивности, авторитарные лидеры которых монополизируют власть, манипулируют «правилами игры», подкупают элиты и общество в целом и пытаются удерживать господство вплоть до самого своего ухода в мир иной. Но на практике, хотя политическая история мира по большей части и впрямь является историей диктатур, современная мировая политическая карта все же выглядит совершенно иначе. С XIX века происходило постепенное (хотя и непоследовательное) распространение демократии, ну, а к концу XX века электоральные демократии стали наиболее распространенным в мире политическим режимом ^[43]. Отсюда встает вопрос – почему в самых разных обществах происходит демократизация (переход от авторитарных режимов к демократическим) и почему она (по крайней мере, пока) не произошла в постсоветской России.

Какого-либо единого ответа на вопрос о причинах демократизации не существует – специалисты способны более или менее убедительно определить шансы той или иной страны быть демократией «в общем и целом», но едва ли могут предугадать, станет ли она демократией «здесь и теперь», а уж тем более представить себе конкретные сценарии и временные рамки демократизации. Ни «осень народов» 1989 года, когда один за другим рухнули коммунистические режимы стран Восточной Европы, ни «арабская весна» 2011 года, повлекшая за собой падение авторитарных режимов в Тунисе, Египте и Ливии, не предсказывались большинством аналитиков. Да и само по себе свержение диктатур вовсе не гарантирует демократии – в ряде стран (и опыт постсоветской России здесь отнюдь не исключение) на смену одним авторитарным режимам приходят другие. Поэтому следует говорить не столько о конкретных причинах и сценариях демократизации, сколько о сопутствующих этому процессу механизмах и о способствующих его успеху факторах, которые не исключают друг друга, а, скорее, дополняют.

Хотя факторов, способствующих демократизации тех или иных стран, довольно много, бесспорными среди них считаются как минимум два. Прежде всего, это высокий уровень экономического

развития (который обычно измеряется показателем валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения) в сочетании с высокими показателями человеческого развития (то есть уровнем образования и здравоохранения) и относительно низким уровнем социально-экономического неравенства [44]. Кроме того, демократизация обычно протекает более успешно в тех странах, которые в этническом, религиозном и языковом отношении относительно однородны, не разделены неразрешимыми конфликтами на национальной или религиозной почве и не подвержены воздействию сепаратизма [45]. Несмотря на то, что в мире существуют примеры успешной демократизации на фоне острых этнических и религиозных конфликтов и в относительно бедных странах (как в Индии), они все же служат исключениями, подтверждающими правило.

Что касается механизмов демократизации, то наиболее распространенными среди них выступают следующие. Во-первых, исторически основным механизмом демократизации в Европе, а позднее, и в Латинской Америке, была, как это ни банально прозвучит, *классовая борьба*, подымавшая широкие народные массы на активную борьбу за свои политические права. Демократия экономически куда более выгодна широким народным массам, нежели авторитаризм, ровно по тем же причинам, по которым конкуренция на рынке выгоднее для рядовых потребителей, чем монополия. Сегменты элит, борющиеся за голоса избирателей, вынуждены предлагать согражданам различные блага по образцу конкурирующих сетей супермаркетов или компаний мобильной связи, привлекающих клиентов более низкими ценами и скидками на свои товары и услуги. Именно поэтому демократические режимы в целом перераспределяют большую долю ресурсов и благ в пользу непривилегированных слоев общества, нежели авторитарные (хотя из этого правила существуют и исключения) [46]. Неудивительно, что демократизация в странах Западной Европы в XIX – начале XX века представляла собой процесс поэтапного расширения доступа к избирательным правам все новых слоев общества (процесс расширения электората) – изначально высокие имущественные и социальные цензы участия в выборах постепенно снижались. Эти изменения происходили вовсе не по доброй воле правящих групп, а под весьма жестким давлением со стороны массовых общественных движений (прежде всего, рабочего движения), которые вынуждали элиты идти им на уступки под угрозой стачек и революций.

Несколько огрубляя, можно сказать, что демократизация в ряде стран Западной Европы стала продуктом классового конфликта, который в конечном итоге был разрешен через политические компромиссы. Массовые общественные движения выступали мощной движущей силой демократизации и в Латинской Америке в 1970–1980-е годы, да и в ряде стран Восточной Европы (например, в Польше) в период краха коммунистических режимов. Конечно, лозунги, организационная структура и социальная база этих движений различались в разные эпохи и в различных странах, но в целом массовое общественное участие служит важнейшим инструментом и механизмом демократизации (но, впрочем, не всегда гарантирует ее успех).

Во-вторых, наряду с массами, ключевым участником политического процесса являются элиты, и характеристики политических режимов напрямую зависят от их конфигурации и механизмов взаимодействия между собой и с обществом. Авторитарным лидерам далеко не всегда удается кооптировать несогласные с проводимой ими политикой сегменты элит в состав «выигрышных коалиций» или подавить их сопротивление, и зачастую конфликт элит приобретает неустрашимый характер. Иногда эти конфликты выливаются в острые, затяжные и кровопролитные противостояния вплоть до революций и гражданских войн. Но порой обстоятельства складываются так, что элиты, не имея шансов победить в противостоянии по принципу «игры с нулевой суммой» и осознавая свои риски, приходят к соглашению о «правилах игры», задающих рамки политической конкуренции – то есть, по сути, договариваются об установлении демократии. Конечно, такие договоренности могут оказаться неудачными – у сторон конфликта всегда есть соблазн их нарушить, и поэтому механизмы *соглашений элит*, или «пактов», не так часто приводят к устойчивой демократизации – американские политологи Джон Хигли и Майкл Бартон насчитали всего лишь пару десятков успешных примеров за всю историю Нового времени ^[47].

Пожалуй, самым известным «соглашением элит» может служить «славная революция» в конце XVII века в Англии, механизм и последствия которой проанализировали Дуглас Норт и Барри Уэйнгаст. Они рассматривали правление монархии вплоть до середины XVII века как хищническую политику короны, попеременно менявшую в качестве своих младших партнеров по «выигрышной коалиции» то землевладельцев (тори), то торговцев

(вигов), и по очереди облагавшую грабительскими налогами то одних, то других. Но когда английское государство столкнулось с фискальным кризисом, и король вынужден был одновременно обложить высокими налогами обе ключевые группы элит, сформировалась мощная коалиция негативного консенсуса, включавшая и тори и вигов, которая общими усилиями свергла монархию. Вслед за этим страна погрузилась в глубокий хаос, который Томас Гоббс охарактеризовал как «войну всех против всех». Ни попытки установления диктатуры, ни реставрация монархии не способны были разрешить конфликт элит – тори и виги не хотели восстановления прежних порядков, с одной стороны, но и не доверяли друг другу, с другой. Лишь спустя почти полвека им удалось найти компромисс, который предполагал ограничение фискальных полномочий короны со стороны парламента и введение представительного правления посредством конкурентных выборов. Так начался процесс демократизации Англии, способствовавший и ее успешному экономическому развитию [48]. Сходная логика лежала в основе «пакта Монклоа», который в 1977 году после смерти испанского диктатора Франко заключили между собой как бывшие сторонники, так и прежние противники авторитарного режима, которых разделяла память о кровавом противостоянии времен гражданской войны 1930-х годов: Испания довольно быстро и вполне успешно освоила демократические «правила игры» [49].

В-третьих, ключевую роль в демократизации отдельных стран способно сыграть влияние со стороны тех или иных иностранных государств и/или международных организаций. *Международное воздействие* на внутривнутриполитические процессы может осуществляться с позиции силы – так, демократизация Западной Германии и Японии после Второй мировой войны была фактически навязана США и их союзниками. Но следует иметь в виду, что «навязанная извне» демократизация не всегда успешна – опыт Ирака после американского вторжения и свержения режима Саддама Хусейна в 2003 году в этом плане выглядит, как минимум, противоречивым. В период «холодной войны» противостояние на мировой арене СССР и США, скорее, препятствовало демократизации ряда стран Третьего мира – обе мировые сверхдержавы, напротив, выступали в роли своего рода «черных рыцарей», покровительствовавших подчас самым одиозным авторитарным лидерам, готовым присягнуть на верность своим зарубежным патронам в обмен на поддержку с их стороны (можно

вспомнить известную фразу о никарагуанском диктаторе Сомосе: «это сукин сын, но он наш сукин сын»). Но после окончания «холодной войны» политический климат в мире кардинально изменился – многие авторитарные режимы, особенно репрессивные, подвергались все большему осуждению, в то время как демократические «правила игры» по мере распространения демократии все чаще становились общепризнанной нормой. Дело здесь не столько в том, что неприкрытый авторитаризм уже вышел из мировой политической моды, сколько в том, что в современных условиях все более открытого и глобализирующегося мира сохранять неизменными свои диктаторские режимы на протяжении долгого периода удастся либо странам, обладающим большими объемами природных ресурсов (как, например, государствам Персидского залива), либо странам, способным опираться на поддержку нынешних «черных рыцарей» (в этой роли все чаще выступает Китай, а на постсоветском пространстве – и Россия). Авторитарным режимам приходится приспосабливаться к меняющейся обстановке в мире, прилагая немало усилий для создания и поддержания «фасада», напомиающего демократические институты и призванного замаскировать суть диктатур, – такие режимы характеризуют как соревновательный, или *электоральный авторитаризм* [50].

Главным механизмом международного влияния на демократизацию сегодня выступает привлекательность развитых демократий (для которых также характерен высокий уровень социально-экономического развития и верховенства права) как своего рода нормативных образцов для подражания. Авторитарным режимам не так легко противопоставить этим идеалам альтернативы, привлекательные в глазах элит и общества в целом. Поэтому чем более развиты и устойчивы экономические, торговые, информационные, миграционные и образовательные *взаимосвязи* (linkages) между теми или иными авторитарными странами, с одной стороны, и США и Европейским Союзом, с другой, тем меньше шансов у их режимов на выживание в среднесрочной перспективе. В свою очередь, США и Европейский Союз оказывают на эти страны целенаправленное воздействие, используя *рычаги влияния* (leverages) в форме финансовой помощи, консультаций, программ содействия развитию и т. д. [51]

Некоторые наблюдатели, склонные видеть международные отношения сквозь призму «теории заговора», полагают, что

«демократическое влияние Запада» состоит в том, что коварные американцы и европейцы руками своих наймитов свергают легитимные режимы в неудобных им странах, приводя к власти послушных марионеток. Но на деле речь идет о том, что международное воздействие может служить важным дополнением к внутривнутриполитическим условиям демократизации, но ни в коем случае не замещать их. Успешным примером международного воздействия на процессы демократизации может служить политическая эволюция стран Восточной Европы после краха коммунистических режимов. Стремление стать частью «Большой Европы» было присуще и гражданам этих стран, и значительной части элит, в то время как Европейский Союз обуславливал перспективы сотрудничества и последующего вступления в его ряды выполнением целого ряда мероприятий, важнейшими из которых являлись демократизация и движение в сторону верховенства права. В конечном итоге, под воздействием европейцев рухнул авторитарный режим Владимира Мечьяра в Словакии, произошла демократизация в Хорватии и даже Сербия, дольше других сопротивлявшаяся европейскому влиянию и ввязавшаяся в несколько кровопролитных войн на территории бывшей Югославии, все же свергла власть Слободана Милошевича, сдав бывшего диктатора в международный суд в Гааге, и фактически приняла европейские «правила игры».

Наконец, в-четвертых, начало процессам демократизации невольно могут положить сами авторитарные лидеры, если они принимают свои решения под воздействием *идеологии* — то есть системы убеждений, верований и ценностей, определяющих представления о должном и сущем. Такие шаги порой приводят их к непреднамеренным и нежелательным, но при этом неустранимым последствиям. Чилийский диктатор Аугусто Пиночет вовсе не был сторонником демократии — на протяжении полутора десятилетий своего пребывания у власти он жестко подавлял оппозицию, не стеснясь в средствах, и мог править таким же образом до конца своих дней, подобно другим латиноамериканским диктаторам. Но в 1988 году Пиночет, по-видимому, верный своим представлениям о чести офицера и о воле народа, решил провести референдум по вопросу о продлении срока своих полномочий, который (как это ни выглядит странным для сегодняшних россиян) не сопровождался злоупотреблениями и фальсификациями. Чилийцы сказали продлению полномочий «нет», и Пиночет, скрепя сердце

согласившийся с итогами голосования, вынужден был пойти на политические реформы, в конце концов вернувшие Чили на путь демократии. Еще более наглядным примером может служить опыт советского лидера Михаила Горбачева. В 1985 году, придя на пост генерального секретаря ЦК КПСС, он избрал курс на построение в стране «гуманного демократического социализма» (или «социализма с человеческим лицом»), за несколько лет полностью переформатировал «выигрышную коалицию» в своем окружении, начал либерализацию общественной жизни и ослабил цензуру в СМИ, опираясь на массовую поддержку своих начинаний. Но первые же частично конкурентные парламентские выборы, прошедшие весной 1989 года, стали приговором политической системе, которую Горбачев пытался плавно реформировать, – вместо того, чтобы привести к обновлению коммунистического режима, выборы позволили гражданам потребовать его полного демонтажа, и процесс политических реформ в стране вышел из-под контроля правящих групп (специалисты называют такие выборы *опрокидывающими* ^[52] – подробнее на их эффектах в случае российских парламентских выборов 2011 года мы остановимся в *главе 5*). В конечном итоге, процесс демократизации пошел дальше, оставив Горбачева на обочине политического развития, а сам Горбачев, искренне веривший в свои идеи, потерпел сокрушительное поражение – лидер сверхдержавы лишился власти, а страна, которую он возглавлял, прекратила существование. Иными словами, идеология может иметь значение для демократизации, хотя сама по себе идеология и не обеспечивает ее успех.

Если наложить рассмотренные факторы и механизмы демократизации на траектории политической эволюции посткоммунистической России, то картина выглядит более чем противоречивой. На первый взгляд, все факторы успешной демократизации в нашей стране как будто бы налицо. Россия по мировым меркам обладает вполне благоприятным с точки зрения демократии уровнем социально-экономического развития – уровень ВВП на душу населения в 10 000 долларов США (в пересчете по паритету покупательной способности), который специалисты рассматривают в качестве критического порога для устойчивого выживания демократии ^[53], наша страна миновала еще в середине 2000-х годов. Индекс человеческого развития в России хотя и отстает от ряда развитых европейских стран, но существенно выше среднемирового, да и уровень социально-экономического

неравенства, хотя и заметно вырос в постсоветский период, не сравним с тем разрывом в доходах и социальных возможностях, который отмечается во многих демократических странах Латинской Америки. Также, Россия – достаточно гомогенная страна в этническом и религиозном отношении: примерно 4/5 ее населения – это русские, потенциал для конфликтов на национальной и религиозной почве относительно невысок (за исключением регионов Северного Кавказа), да и сепаратистские тенденции нигде, кроме того же Северного Кавказа, не создавали неустрашимых вызовов единству страны. Казалось бы, все эти факты как будто подкрепляют аргументы «оптимистов» по поводу перспектив демократии в России. Вместе с тем, ни один из механизмов демократизации в постсоветский период российской истории так и не сработал (по крайней мере, пока), и на практике в стране отмечались совершенно иные политические тенденции.

Во-первых, массовое общественное участие в российской политике после распада СССР и вплоть до декабря 2011 года не играло первостепенной роли. Хотя период 1989–1991 годов в нашей стране был отмечен крупномасштабной массовой мобилизацией населения против режима власти КПСС и волной протестных движений [54], позднее эта волна пошла на спад, не оставив заметного следа. Даже глубокий и длительный трансформационный спад в экономике в 1990-е годы не вызвал в последующее десятилетие значительных по масштабу проявлений массовой мобилизации против политики правительства России, а единственными сколько-нибудь заметными их проявлениями в 2000-е годы стали лишь выступления пенсионеров против так называемой *монетизации льгот*, прошедшие в ряде городов в начале 2005 года. Более того, американский политолог Грэм Робертсон, проанализировав данные ведомственной статистики МВД России о масштабах забастовок в различных регионах страны во второй половине 1990-х годов, сделал вывод о том, что наибольшее влияние на размах протеста в тот период оказали конфликты между губернаторами и федеральным Центром. Проще говоря, немалая часть забастовок была инспирирована и поддержана региональными властями в качестве средства «выбивания» из Москвы выплат по многочисленным долгам, а массовое участие выступало лишь инструментом в этой борьбе элит [55]. Неудивительно, что властям длительное время успешно удавалось справляться со спонтанно возникавшими в разных

регионах страны разнообразными проявлениями общественного недовольства (от экологических движений до обманутых «дольщиков»), локализуя протесты на местном уровне и не допуская их разрастания в масштабах страны в целом, а тем более – перехода требований общественных движений на уровень призывов к реформе политической системы (что как раз и происходило в 1989–1990 годах). Сугубо политический протест в России, по меньшей мере после 1993 года, оставался уделом тонкого слоя «несогласных» активистов, не оказывавших заметного воздействия на политический процесс в стране. Тем более неожиданной для многих наблюдателей оказалась новая волна политической мобилизации после парламентских выборов 2011 года, о которой подробнее речь пойдет в *главе 5*.

Во-вторых, опыт постсоветской России не был отмечен «соглашениями элит» по образцу «пакта Монклоа» или польского «круглого стола» 1989 года. В период перестройки идеи такого рода соглашения, которые высказывались представителями нарождавшейся тогда оппозиции, были отвергнуты правящей группой во главе с Горбачевым, а после крушения коммунистического режима и распада СССР у новых российских лидеров, как показано в *главе 3*, попросту отсутствовали стимулы к подобным компромиссам. Даже когда в 1992–1993 годах в России разгорелся конфликт между президентом Ельциным и Съездом народных депутатов и Верховным Советом России, ни одна из сторон конфликта не стремилась к его разрешению посредством соглашения о новых демократических «правилах игры», а стремилась к победе по принципу «игры с нулевой суммой», – в конце концов, так и произошло в октябре 1993 года, когда Ельцин смог физически подавить своих противников. Впоследствии о каких-либо «соглашениях элит» как о механизме демократизации страны речи уже идти не могло, а многочисленные неформальные (а иногда и формальные) компромиссы различных сегментов элит представляли собой не более чем тактические сделки, то есть своего рода «картельные соглашения» по разделу политического рынка, предполагавшие включение тех или иных участников в состав «выигрышных коалиций». Хотя эти механизмы и играли довольно важную роль в поддержании статус-кво российского политического режима, но они не имели никакого отношения к демократизации, а во многом, напротив, препятствовали ей.

В-третьих, нравится ли это кому-либо или нет, международное влияние на политические процессы в постсоветской России было и остается весьма незначительным. И дело даже не только в том, что крупную по территории, населению, экономическому и военному потенциалу страну едва ли можно представить не то чтобы в роли зависимой от западных стран, но даже в качестве государства, проводящего внутривнутриполитический курс под сильным внешним давлением. И не только в том, что политика западных стран, да и международных организаций (таких, как Международный валютный фонд) в отношении России даже в 1990-е годы, когда страна остро нуждалась в международной финансовой и экономической помощи, была достаточно противоречивой и непоследовательной [56]. Скорее, проблема в ином. На нормативном уровне образ той же Западной Европы как образца высокого уровня экономического развития и социальных гарантий был, да и, пожалуй, остается привлекательным для значительной части как российских элит, так и для российского общества в целом. Но если в период перестройки многим в нашей стране казалось, что для того, чтобы жить «как на Западе», достаточно будет лишь пройти через краткосрочный период реформ, то со временем, когда стало ясно, что преодоление разрыва – дело жизни не одного поколения, прежние иллюзии сменились глубоким разочарованием, сочетавшимся с многочисленными постимперскими комплексами, ярко проявившимися себя в России после распада СССР. Хотя сколько-нибудь привлекательной альтернативы Западу как нормативному образцу в России за два десятилетия так и не возникло, сама мысль о том, что альтернативы будущего развития России сводятся к ее превращению либо в восточную провинцию Европы, либо в западную провинцию Китая [57], в нашей стране воспринимается с большим трудом. В результате отношение к привнесенным с Запада «правилам игры» в России на уровне повседневности напоминает «бунт на коленях» – даже самые горячие сторонники «особого пути» страны стремятся ездить на «Мерседесах» или, на худой конец, на «Ауди», пользоваться если не айфонами и айпадами от Apple, то хотя бы смартфонами от Samsung, и уж точно не прочь отправить своих детей на учебу в Гарвард или в Оксфорд. На уровне же политических институтов российские власти, особенно в 2000-е годы, по большей части осуществляли имитацию западных «правил игры», пытаясь закамуфлировать внешним сходством авторитарную природу

парламента, избирательной и партийной систем, федерализма и ряда других институтов. Такая стратегия, которая отчасти носила вынужденный характер, до самого последнего времени поддерживала российский электоральный авторитаризм, хотя после парламентских выборов 2011 года она дала серьезный и непоправимый сбой.

На этом фоне правительства США и стран Европейского Союза вели и продолжают себя вести по отношению к России вполне прагматично. Вопреки разговорам о длинной руке «вашингтонского обкома», они предоставили внутривластным процессам в России идти своим чередом, сосредоточившись почти исключительно на экономических вопросах (поставки газа в Европу) и военно-политических проблемах (таких, как Афганистан), сведя к минимуму свою поддержку в России не только демократических институтов и прав человека, но даже образовательных программ. Вслед за этим из России начался уход и негосударственных западных фондов. Впрочем, влияние Запада на политические процессы в России было не слишком велико и в 1990-е годы, и слишком переоценивать его не следует. Так или иначе, происходящее в российской политике обуславливается, по преимуществу, внутренними факторами, хотя и международный контекст, разумеется, не стоит сбрасывать со счетов.

Ну и в-четвертых, идеологически мотивированные ценности, верования и представления не оказали сколько-нибудь существенного воздействия на политические стратегии и шаги ключевых российских политических игроков. Вопреки распространенному мнению фанов Толстого и Достоевского, в своем воображении наделяющих россиян некими особыми «духовными» чертами, противостоящими постылой западной рациональности, на деле российские политики после распада СССР по большей части вели себя, скорее, подобно карикатурному «экономическому человеку» из учебников, жестко калькулируя издержки и выгоды своего поведения и минимизируя риски в условиях неопределенности. Стивен Хэнсон, сравнивая роль идеологии в становлении партийных систем трех постимперских государств: французской Третьей республики, Веймарской Германии и постсоветской России – пришел к выводу, что российские политики были в наименьшей мере привержены декларируемым ими идеологическим предпочтениям, что пагубно отразилось на партийном строительстве в стране [58]. Можно

предположить, что немалую роль в упадке идеологической политики сыграло не только «наследие» позднесоветской эпохи, когда само слово *идеология* оказалось безнадежно дискредитировано, но и печальный опыт периода перестройки, когда инициированные Горбачевым по идеологическим мотивам попытки обновления советской политической системы привели к ее полному коллапсу. Над постсоветскими политиками в России (и в некоторых других постсоветских странах) словно витало своеобразное «проклятие Горбачева» – пережив распад СССР, они четко извлекли уроки того, что во что-либо верить – опасно для карьеры, что искреннее следование своим убеждениям ведет к потере власти, и что наиболее важные ценности могут выражаться лишь в долларах или евро. В то время как идеология расширяет временные горизонты своих сторонников, политические акторы постсоветской России главным образом мыслили краткосрочными категориями, ставя перед собой (и подчас успешно решая) текущие тактические задачи. О демократизации как идеологической цели в такой ситуации всерьез могли помышлять разве что политические аутсайдеры, не обладавшие властью и не имевшие шансов к ней прийти.

Итак, если объективные факторы способствовали демократизации посткоммунистической России, то политические механизмы ей препятствовали. Низкая вовлеченность широких народных масс в политику, отсутствие у элит стимулов к договоренностям о переходе к демократии, несущественная роль международного влияния и невысокая приверженность российских политиков декларируемым ими идеологиям воздвигали заметные барьеры на пути возможной демократизации страны. Вместе с тем, в этих условиях для коварных и циничных политиков, стремившихся к максимизации своей власти, открывались неплохие шансы на безнаказанное «отравление» российской политической системы и выстраивание «правил игры» под себя и в своих интересах. Такими возможностями, что называется, было грех не воспользоваться. Если после падения коммунистического режима и краха СССР демократия в России временно и неустойчиво сложилась «по умолчанию», то авторитарные тенденции в стране стали результатом отчасти стихийных, а отчасти вполне сознательных, последовательных и целенаправленных усилий со стороны политических лидеров и участников «выигрышных коалиций» на протяжении 1990-х и 2000-х годов. Именно эти

усилия и те ограничения, на которые они наталкивались, и обусловили ту траекторию развития, которую демонстрировал российский политический режим в последние два десятилетия.

Российская политика: строительство авторитаризма

Успешное строительство авторитарных режимов и обеспечение их выживания – задача не менее, а даже более сложная, чем успешное строительство демократий. Политические лидеры, стремящиеся захватить и длительное время удерживать монополию на власть, вынуждены решать, причем одновременно, три взаимосвязанные задачи. Во-первых, им необходимо избавиться от вызовов со стороны политических конкурентов и, в широком плане, со стороны своих сограждан. Во-вторых, им требуется минимизировать риски, которые могут исходить от части правящих групп, стремящихся захватить господство в составе «выигрышной коалиции» (начиная от военных или «дворцовых» переворотов и заканчивая открытым присоединением к протестующей против режима оппозиции). Эти задачи могут решаться с помощью как «кнута», так и «пряника», то есть посредством силового подавления (репрессий) либо кооптации (включения части потенциальных конкурентов в состав «картельного соглашения» на правах младших партнеров, что может привести к реформатированию «выигрышной коалиции»). Наконец, в-третьих, чтобы режим был устойчивым, его лидеры должны эффективно использовать инструменты управления: государственный аппарат (бюрократию), армию («силовые структуры») или доминирующую партию. При этом авторитарные режимы сталкиваются с *дилеммой эффективности* — они оказываются под угрозой недовольства существующим статус-кво со стороны как масс, так и элит, и в случае, если власти управляют своей страной слишком плохо и доводят ситуацию «до ручки», и в случае, если в результате экономического роста могут усиливаться ожидания и требования демократизации ^[59].

Постсоветский авторитарный режим в России, основания которого сложились в 1990-е годы и который оформился в стране в 2000-е, характеризовался как минимум несколькими важными особенностями, отличавшими его как на фоне «классических» диктатур, так и на фоне некоторых соседей по постсоветскому пространству. Прежде всего, этот режим не только не отказывался от «фасада» сформировавшихся в 1990-е годы демократических институтов – таких, как парламент, многопартийная система,

конкурентные выборы, но всячески поддерживал их внешнюю форму, выхолащивая или извращая содержание (об этом подробнее речь пойдет в *главе 4*). Такая практика строительства «демократической потемкинской деревни», типичная для многих режимов электорального авторитаризма, имела своей целью не только внешнеполитическую «мимикрию», но и кооптацию части правящих групп, реальной либо потенциальной оппозиции и общества в целом. Отчасти по этим же причинам российский политический режим характеризовался достаточно низким уровнем репрессивности – он гарантировал своим гражданам широкий набор индивидуальных, да и гражданских свобод, хотя и серьезно ограничивал их политические свободы, а случаи преследования его противников по политическим мотивам носили по преимуществу «точечный» характер и применялись в основном к конкретным лицам. Эта стратегия, минимизируя риски внутривнутриполитических конфликтов, отчасти была вынужденной с точки зрения «мимикрии» и кооптации, но оборотной ее стороной стала весьма высокая (и увеличивавшаяся со временем) цена, которую пришлось бы заплатить правящим группам за возможное использование подавления.

Еще одной довольно важной особенностью российского режима стало сочетание низкой эффективности его ключевых инструментов управления с *J-образной* (J-curve) траекторией экономического развития ^[60]. С одной стороны, глубоко коррумпированная и неэффективная бюрократия, погрязшие в «крышевании» бизнеса правоохранительные органы и неидеологизированная и лишенная автономии от государственного аппарата «партия власти» «Единая Россия» демонстрировали лояльность режиму, но они были неспособны (да и не заинтересованы) в продвижении социально-экономических преобразований – сохранение существующего положения вещей фактически являлось для них самоцелью. Именно поэтому на уровне «предложения» политические институты в стране были изначально созданы в 1990-е годы и/или переформатированы в 2000-е годы как ориентированные на сохранение статус-кво. С другой стороны, если на раннем этапе посткоммунистических преобразований в России на фоне экономического спада 1990-х, да и в первые годы после его преодоления в начале 2000-х, спрос на демократизацию в обществе и среди элит был незначителен, то в 2010-е годы ситуация начала меняться, что проявилось в ходе и после парламентских выборов

2011 года. Таким образом, динамика спроса и предложения на российском политическом рынке, наряду с низким уровнем репрессивности и электоральным характером авторитаризма, стала важнейшей чертой российского политического режима.

Как сложился авторитарный режим в посткоммунистической России и как он менялся со временем? Развернутый ответ на этот вопрос будет представлен в трех последующих главах книги, но в самом общем виде он может быть следующим.

В ходе и непосредственно после крушения коммунистического режима и распада СССР в 1991 году демократия в России возникла «по умолчанию». Хотя президент страны был избран на конкурентных всеобщих выборах, он сосуществовал с парламентом, избранным при прежнем политическом режиме, партийная система страны еще только возникала, федеративные отношения, унаследованные от СССР, находились в крайне запутанном и неопределенном состоянии, угроза сепаратизма и этнополитических конфликтов была вполне реальной, а экономическая ситуация воспринималась как угрожающая. В такой ситуации российские лидеры, оказавшиеся у власти не только и не столько в результате политической конкуренции, сколько в силу стечения обстоятельств, не имели стимулов ни к дальнейшей демократизации страны (в смысле конкуренции за голоса избирателей), ни к строительству новых политических институтов.

Стихийно сложившаяся после 1991 года «выигрышная коалиция» оказалась непрочной и вскоре распалась – на фоне глубокого экономического спада и высокой инфляции разгорелся острый конфликт российских элит, разделенных между двумя лагерями: вокруг Бориса Ельцина и Верховного Совета. Помимо разногласий по экономическим вопросам, в основе их борьбы лежало стремление к захвату позиции ключевого политического игрока (т. н. *доминирующего актора*). Но распределение ресурсов оказалось очевидно неравным – Ельцин был куда сильнее своих противников, пользовался более высокой массовой поддержкой, и цена подавления конкурентов казалась для него довольно низкой. В сентябре 1993 года Ельцин объявил о роспуске парламента, а когда тот отказался подчиниться и объявил президенту импичмент, то по приказу Ельцина здание парламента подверглось атаке из танковых орудий, и последний, не имея выбора, был вынужден сдаться. Конфликт был разрешен по принципу *игры с нулевой суммой* («победитель получает все»), и вскоре Ельцин, не встретив

сопротивления, продал на референдуме свой проект конституции страны, главной особенностью которой стал весьма широкий объем полномочий главы государства и отсутствие сбалансированной системы сдержек и противовесов. Таков был первый шаг на пути «отравления» российских политических институтов.

Однако с принятием конституции «демократия по умолчанию» вовсе не сменилась «авторитаризмом по умолчанию». Захватив доминирующую позицию, Ельцин столкнулся с ограничениями своей политической монополии – слабость российского государства и разложение его аппарата управления в Центре и регионах, а также экономический спад, помноженный на низкий уровень поддержки президента, повлекли за собой фрагментацию российских элит. Рыхлая «выигрышная коалиция» сторонников Ельцина распалась на несколько конкурирующих клик. Более того, на парламентских выборах в декабре 1993 года оппозиция различных оттенков смогла получить около половины мест в Государственной Думе. В этих условиях Ельцин вынужден был прибегнуть к кооптации ряда политических игроков «второго эшелона» (т. н. *подчиненных акторов*), включая и своих бывших противников. Ряд региональных лидеров, демонстрировавших лояльность Ельцину, подписали двусторонние договоры с федеральным Центром, предоставившие им многочисленные привилегии в части налогов и прав собственности. Некоторые влиятельные представители бизнеса за бесценок получили контроль над прибыльными предприятиями. Оппозиционные партии и политики включились в рамки нового режима, при этом не создавая угроз его подрыва. Но цена президентских выборов 1996 года была крайне высока, поскольку их проигрыш означал потерю власти, а выигрыш – как минимум сохранение статус-кво. Шансы поражения Ельцина на выборах казались высокими, а гарантии его личной безопасности – сомнительными, поэтому варианты отмены выборов или непризнания их результатов в случае поражения всерьез рассматривались организаторами предвыборной кампании Ельцина. Команда Ельцина даже приступила к роспуску Думы, но цена выживания правящей группы за счет отказа от выборов и подавления сопротивления такому решению была слишком высока – это могло усилить конфликт элит еще глубже, чем в 1993 году. В итоге, президентская команда вынуждена была сохранять любой ценой статус-кво как наименьшее зло.

Выборы, которые расценивались как явно несправедливые, не говоря уже о фактах фальсификации в пользу Ельцина, не встретили сопротивления со стороны оппозиции, признавшей их итоги.

Вскоре после президентских выборов наспех сколоченная «выигрышная коалиция» вновь распалась – подчиненные акторы, приобретя дополнительные ресурсы, вступили в новый раунд конфликтов между различными сегментами элит, претендовавшими на то, чтобы прийти к власти на смену Ельцину. В преддверии электорального цикла 1999–2000 годов, рыхлая коалиция региональных лидеров и «олигархов» была готова к захвату позиции доминирующего актора, стремясь к победе на (вынужденно) конкурентных выборах. Но такой сценарий развития событий не был реализован, отчасти в результате соотношения сил, стихийно сложившегося в ходе «войны за ельцинское наследство», когда Владимир Путин и его окружение смогли добиться смены предпочтений элит, игравших ключевую роль в этой борьбе. Одержав победу на выборах и заняв пост президента весной 2000 года, Путин приложил немалые усилия для монополизации власти по нескольким направлениям: нейтрализация конкурентов, реформатирование «выигрышной коалиции», обеспечение поддержки в обществе и изменения «правил игры».

«Картельные соглашения» российских элит при Ельцине быстро распадались из-за низкой эффективности режима, которая побуждала подчиненных акторов искать автономии по отношению к актору доминирующему, но неспособному устойчиво защищать свои позиции. При Путине эти условия резко изменились в пользу доминирующего актора. Благодаря в целом успешной силовой операции в Чечне, Путин смог восстановить административный потенциал государства. Удалось ему и быстро пожать плоды преодоления экономического спада 1990-х годов – благодаря высоким нефтяным ценам страна достигла 6–8 % годового экономического роста. Также, благодаря безусловной победе на выборах, мандат Путина не вызывал вопросов, в то время как автономия подчиненных акторов подверглась урезанию. Государственная Дума поддерживала почти все президентские проекты законов, независимо от их содержания, а созданная Кремлем «партия власти» «Единая Россия» обладала большинством мест в палате. Ресурсы региональных лидеров, прежде располагавших почти неограниченной властью в своих «вотчинах»,

оказались серьезно ограничены, а в верхней палате парламента их сменили назначенные чиновники.

В то же время Путин начал атаки на независимые СМИ, вынужденные прибегнуть к самоцензуре, а единственный критиковавший его общенациональный телевизионный канал НТВ перешел под контроль «Газпрома». «Олигархам» вскоре было сделано «предложение, от которого невозможно отказаться» – Путин заявил о «равноудаленном» подходе государства к бизнесу в обмен на отказ бизнеса от участия в принятии важнейших политических решений. Несогласные с этим предложением были подвергнуты преследованиям. Резюмируя, можно сказать, что после 2000 года Путин добился восстановления контроля над «выигрышной коалицией» и осуществил институциональные изменения, ослаблявшие всех акторов, кроме доминирующего.

Спустя несколько лет Путин, как доминирующий актер, смог сосредоточить в своих руках столь большой объем ресурсов, что цена подавления конкурентов для него резко снизилась. В 2003 году по инициативе Путина глава крупнейшей частной нефтяной компании «Юкос» Михаил Ходорковский был обвинен в уходе от уплаты налогов и других нарушениях закона, арестован и осужден на длительный срок, а его бизнес позднее захватила государственная компания «Роснефть». После ряда манипуляций в ходе парламентских выборов «Единая Россия» получила свыше 2/3 мест в Государственной Думе, в силу чего остальные партии утратили значение. В 2004 году Путин инициировал отмену всеобщих выборов глав исполнительной власти регионов – фактически они стали назначаться по представлению президента страны. Изменения избирательной системы – такие, как повышение заградительного барьера для партий до 7 %, – усугубили положение оппозиции в России, предотвратив любую нелояльность Путину со стороны депутатов. К 2007 году «Единая Россия» кооптировала большинство региональных губернаторов и влиятельных представителей бизнеса, а заместитель руководителя президентской администрации даже заявлял, что «партия власти» должна господствовать на политической арене страны в ближайшие 10–15 лет [\[61\]](#).

Как можно видеть, институциональные изменения 2000-х годов были призваны закрепить «навязанный консенсус» российских элит, уничтожив возможные альтернативы сложившемуся положению вещей и/или сделав их цену для всех потенциальных «несогласных»

запретительно высокой. Путин смог закрепить свое монопольное господство и в 2008 году довольно безболезненно передать пост главы государства специально подобранному им лояльному преемнику – Дмитрию Медведеву. У нового главы государства, в свою очередь, не оказалось ни стимулов, ни ресурсов для сколь-нибудь существенных изменений статус-кво. Важнейшими институциональными изменениями периода его президентства стали поправки в Конституцию, которые продлевали срок президентских полномочий с 4 до 6 лет (и срок полномочий Думы с 4 до 5 лет) и были направлены на сохранение политического режима электорального авторитаризма в неизменном виде в среднесрочной перспективе.

Таким образом, предпринятые в 2000-е годы целенаправленная «порча» и систематическое «отравление» российских политических институтов позволили правящим группам максимизировать свою монопольную прибыль и минимизировать риски для «выигрышной коалиции» за счет усугубления тяжелых «детских болезней» российского политического режима периода 1990-х годов, с шансами на последующее их перерастание в хронические заболевания. В начале 2010-х годов многим наблюдателям даже казалось, что российский авторитарный режим переживает стадию своей консолидации. В период президентства Медведева не отмечалось ни значимых проявлений массового протеста, ни открытых нарушений «картельных соглашений» со стороны элит, в то время как уровень общественной поддержки статус-кво оставался достаточно высоким. Даже глубокий (хотя и не слишком длительный) экономический спад, вызванный глобальным кризисом 2008–2009 годов, не создал новых стимулов для подрыва статус-кво и/или для новых реформ и, на первый взгляд, даже упрочил доминирующие позиции «выигрышной коалиции» в нашей стране.

Ситуация резко изменилась 4 декабря 2011 года, когда «Единая Россия», неожиданно и для правящей группы, и для части представителей оппозиции, согласно официальным данным набрала на парламентских выборах лишь 49,3 % голосов избирателей (многочисленные свидетельства фальсификаций голосования и результаты опросов избирателей на выходе с участков говорили о том, что реальная поддержка «партии власти» была существенно ниже). Это голосование для российского авторитарного режима сыграло ту же роль, что и «опрокидывающие» выборы, – вслед за ним волна доселе невиданных массовых протестов с требованиями

и отмены результатов выборов, и более широкой демократизации всех аспектов политической жизни страны сплотила доселе слабую и разрозненную оппозицию по принципу «негативного консенсуса» и вынудила власти к частичной либерализации режима. Хотя говорить о политических последствиях этих протестов и последовавших за ними институциональных изменений пока еще преждевременно, вероятно, что те «правила игры», которые были выстроены в российской политике в 1990-е и в 2000-е годы, так или иначе уходят в прошлое. Возможные варианты дальнейших преобразований российского политического режима и их вероятные шансы и перспективы будут рассмотрены нами в заключительной главе книги. А пока что мы обратимся к анализу того, почему и как российская политика за два десятилетия проделала сложный и извилистый путь «из огня да в полымя», пройдя от упадка и краха одного авторитарного режима к строительству и последующему упадку другого, и какие уроки наша страна может и должна извлечь из своего недавнего опыта. Речь об этом пойдет в трех последующих главах.

Глава 3. 1990-е: Конфликты и компромиссы

Вечером 25 декабря 1991 года над Кремлем был спущен красный флаг СССР и взамен его поднят российский триколор. Советский Союз официально прекратил свое существование – на его месте утвердились новые независимые государства, включая Россию, прежде самую крупную из союзных республик. Распад Советского Союза к тому моменту уже воспринимался значительной частью российского общества как неизбежное явление, и не вызвал значимого сопротивления, да и в целом заметных эмоций, став подобием оформления развода супругов, чей брак уже фактически распался. Постсоветские страны пошли своими путями политических преобразований, столкнувшись отчасти с общими, а отчасти и со специфическими проблемами. Спустя более двух десятилетий ни одной из постсоветских стран (за исключением Балтийских республик) так и не удалось построить демократию. В некоторых из этих стран вопрос о демократизации, как часть политической повестки дня, даже и не вставал (например, в Казахстане или Узбекистане), в некоторых случаях провал демократизации повлек за собой укрепление авторитаризма (например, в Беларуси), наконец, для некоторых стран на первый план вышли этнополитические конфликты (как в Грузии или Молдове).

Россия, по сравнению с другими постсоветскими странами, казалось бы, обладавшая большим экономическим и человеческим потенциалом для успешной демократизации, также не добилась успехов на этом пути. Напротив, в 1990-е годы демократические институты: конкурентные выборы, политические партии, парламент, свобода слова – в нашей стране во многом оказались дискредитированы, что, в свою очередь, способствовало их целенаправленной деградации и умерщвлению в 2000-е годы. Продолжая медицинские аналогии, можно сказать, что 1990-е годы стали периодом тяжелых и мучительных болезней российской политической системы, часть из которых носила наследственный характер, часть – являлась типичными и, скорее всего, неизбежными «детскими болезнями» (вроде ветрянки или коклюша), а часть оказалась следствием неверной диагностики и ошибочного лечения. Лекарства подчас были более опасны, чем сами недуги, и сыграли

немалую роль в том, что «детские болезни» в 2000-е годы переросли в хронические заболевания.

1990-е годы – справедливо или нет – вошли в российскую историю под брендом «лихие». Это слово для одних идентифицируется с глубоким экономическим спадом и кризисами, для других – с этническими конфликтами (в частности, на Северном Кавказе), насилием и ростом преступности, для третьих – с политической нестабильностью, противостоянием различных политических сил и неэффективностью государственного управления. В этих условиях демократии, с одной стороны, не удалось оправиться от «родовых травм» российской политической системы, возникавшей в муках на руинах СССР, с другой – она была вполне сознательно принесена в жертву как теми, кто не был заинтересован в ее становлении, так и теми, кто по разным причинам был намерен отложить ее строительство «до греческих календ».

Но семена авторитаризма, брошенные в «лихие» 1990-е в едва только начинавшую оттаивать от глубокого оледенения советской эпохи российскую политическую почву, дали ядовитые всходы в 2000-е. Как и почему эти семена были посеяны и проросли в нашей стране? Почему новые российские власти, оказавшиеся у руководства страной в 1991 году под лозунгами демократии и свободы, повели страну в совершенно ином направлении? Наконец, было ли такое развитие событий неизбежным и неотвратимым, или оно стало следствием стратегических решений, принятых российскими политическими акторами на различных развилках наполненного бурными событиями периода «лихих» 1990-х годов? Обсудим эти вопросы и попробуем дать на них ответы на страницах этой главы.

«Дилемма одновременности»: вызов и российский ответ

Буквально накануне распада СССР, осенью 1991 года, немецкий социолог Клаус Оффе, рассуждая о проблемах, стоявших перед посткоммунистическими странами, заметил, что масштаб преобразований в этих обществах не имел аналогов в мировой истории в силу их одновременности. В самом деле, им необходимо было трансформировать (1) имперское национально-государственное устройство, сформированное в советскую и досоветскую эпоху, – в современные национальные государства, (2) централизованную плановую систему – в свободную рыночную экономику и (3) однопартийный политический режим – в конкурентную демократию. Оффе отмечал, что если страны Западной Европы решали все эти задачи последовательно (и в прошлом отнюдь не всегда успешно) на протяжении веков и десятилетий, то посткоммунистическим странам Восточной Европы и бывшего СССР одновременно пришлось столкнуться с «тройным переходом», проводя трудные и болезненные реформы на всех этих аренах сразу, «здесь и теперь». Соблазн растянуть преобразования во времени, выстроить их последовательность в ту или иную цепочку (сперва государственность, затем рынок, потом демократия) или вовсе отказаться от тех или иных реформ был слишком велик. По мнению Оффе, «дилемма одновременности» парадоксально заключалась в том, что, несмотря на все очевидные сложности и вызовы, лишь одновременное проведение демократизации и рыночных реформ и строительство национальных государств могло принести странам бывшего коммунистического лагеря относительно быстрый успех, в то время как попытки решать эти задачи «шаг за шагом» грозили лишь усугублением кризисов ^[62].

Оценивая опыт посткоммунистических стран по прошествии двух с лишним десятилетий, можно сказать, что «дилемма одновременности» была решена более или менее успешно в восточноевропейских странах, в 1990-е годы создавших демократические политические режимы и рыночную экономику и ставших членами Европейского Союза ^[63]. Гораздо более болезненным и драматическим оказался опыт бывшей Югославии, где распад страны повлек за собой цепь кровавых войн в ущерб

демократизации и рыночным реформам, и процессы преобразований надолго затянулись – в конечном итоге эти задачи были решены и там, но с довольно тяжелыми издержками. Что же касается России, да и ряда других постсоветских стран, то здесь траектория оказалась кардинально иной. Нашей стране удалось избежать и рисков полного распада страны на отдельные государства, и острых этнических конфликтов, подобных постюгославским, но построить эффективное национальное государство в России не удалось ни в 1990-е, ни в 2000-е годы, хотя и по разным причинам. Рыночные реформы сопровождались глубоким и длительным спадом в экономике, который сменился ростом лишь начиная с 1999 года. В итоге, несмотря на то, что российская экономика и стала рыночной и продемонстрировала немалые успехи в 2000-е годы, сегодня ее едва ли можно охарактеризовать как свободную. Наконец, демократизация, которая была начата еще в конце советского периода, в 1990-е годы оказалась остановлена, а в 2000-е сперва свернута, а затем и вовсе сведена на нет. Что же повлекло за собой такое развитие событий в российском случае? Почему «дилемма одновременности» не была решена в нашей стране? И почему альтернативы этому подходу, предложенные в 1990-е годы, привели к весьма неоднозначным последствиям в двух измерениях «тройного перехода» (национально-государственное строительство и рыночная экономика) и дали негативный эффект с точки зрения политических реформ?

Для ответа на эти вопросы следует вернуться к тем вариантам развития событий в нашей стране, выбор между которыми определял повестку дня российской политики в 1990-е и в 2000-е годы, и подробнее проанализировать основные «критические моменты», которые во многом и определяли траекторию дальнейших изменений, задавая возможности для последующих шагов. Стоит иметь в виду, что неправы и те, кто считает, что траектория российских политических преобразований была заведомо предопределена независимо от конкретных шагов конкретных политиков, и те, кто склонен приписывать результаты этих преобразований исключительно доброй (или, скорее, злой) воле тех или иных лидеров. Ни детерминизм первых, ни волюнтаризм вторых не оставляют места для углубленного анализа политических процессов, подменяя его простыми, но неполными, а порой и явно неверными ответами.

Моя точка зрения состоит в ином: хотя структурные (то есть внешние и не зависящие от действий участников процесса) условия неизбежно задают ограничения их возможных шагов, но в рамках этих ограничений приоритеты и предпочтения политических акторов, сочетания их ресурсов, стратегий и представлений о возможных шагах друг друга способствуют выбору, направленному на максимизацию собственных выгод. Иногда выбор оказывается успешным для самих акторов, но приносит большие издержки обществу в целом, иногда наоборот – издержки оказываются велики как для акторов, так и для общества. Российский опыт 1990-х годов в этом отношении примечателен еще и потому, что распад СССР на фоне острого экономического кризиса в стране создал чрезвычайно высокую неопределенность, осложнявшую принятие любых решений в управлении страной, а тем более – их воплощение в жизнь. В самом деле, в 1991 году прежние «правила игры» внезапно рухнули вместе с крахом коммунистической партии и Советского Союза, возможности властей по принуждению как граждан, так и иных политических и экономических акторов были ограничены, а горизонт планирования сужался до месяцев, если не недель. Поэтому не приходится удивляться тому, что многие решения влекли за собой непредсказуемые и порой непреднамеренные последствия как для самих российских политиков, так и для страны как таковой.

Первый и важнейший «критический момент» в российской политике постсоветского периода пришелся на последние месяцы существования СССР осенью 1991 года. Уже после провала путча в августе 1991 года роспуск СССР стал неизбежным, и вопрос о характере и направленности преобразований в России встал на повестку дня российских лидеров, внезапно оказавшихся у руля управления распадавшейся страны. Ситуация в России (и в СССР в целом) в тот момент была слабо управляемой [64]. Экономика СССР находилась на грани полного коллапса, этнические конфликты в республиках на фоне роста сепаратистских и националистических движений переходили в стадию *сецессии* (выхода из состава государства) и силового противостояния, а органы власти, созданные для управления одной из республик СССР, на фоне утери рычагов управления союзными органами власти, оказались перед необходимостью управления страной в целом. Однако, несмотря на угрозу политического и экономического хаоса, в тот момент времени у российских властей существовал весьма важный ресурс –

высокий уровень массовой поддержки, отчасти проявившийся при подавлении путча в августе 1991 года, а также надежды на перелом негативных трендов в политике и экономике последних лет СССР. Таким образом, несмотря на всю сложность момента, у российских лидеров, оказавшихся у власти в стране в ходе распада советской политической системы, осенью 1991 года открывалось узкое «окно возможностей» для выбора дальнейшего пути развития страны.

Следуя рассуждениям Оффе, можно было бы предположить такое теоретически возможное для российского случая решение «дилеммы одновременности» образца осени 1991 года – Россия могла параллельно запустить процесс принятия новой конституции страны, позволявшей переучредить «с нуля» российское государство на новой институциональной основе (то есть уже без СССР), затем провести «учредительные выборы» новых органов власти на всех уровнях по новым «правилам игры», тем самым укрепив государственность и, одновременно с этим, сформировав на переходный период временное правительство страны, опирающееся на доверие общества, быстро провести необходимые рыночные реформы в экономике. По сходному пути пошли, например, некоторые страны Восточной Европы и Балтии. В России (как, впрочем, и в ряде других постсоветских стран), однако, такое развитие событий не просто оказалось нереальным, но оно даже не рассматривалось политическими элитами страны как желательная и/или возможная альтернатива. Разумеется, история не терпит сослагательного наклонения, и мы никогда не узнаем, принесли бы одновременные реформы (либо, возможно, иная их последовательность) успех или, напротив, неудачу для России. Но на практике российская «дилемма одновременности» была решена совершенно иным путем: (1) демократические политические реформы в стране оказались отложены, а затем подвергнуты кардинальной ревизии; (2) рыночные экономические реформы сопровождались глубоким и длительным трансформационным спадом и растянулись до 1998 года; (3) проблемы национально-государственного устройства страны были решены лишь частично, поддержанием статус-кво «по умолчанию», и сопровождались глубоким упадком административного потенциала российского государства.

Ключевые решения были приняты в октябре-ноябре 1991 года. Съезд народных депутатов России отказался рассматривать подготовленный конституционной комиссией проект новой

конституции страны, по инициативе президента России Бориса Ельцина наложил мораторий на проведение выборов на всех уровнях власти, согласился с фактическим совмещением Ельциным постов президента и премьер-министра страны и предоставил ему на срок до декабря 1992 года право издавать указы нормативного характера, право единолично формировать состав кабинета министров и право назначать и снимать со своих постов руководителей органов исполнительной власти регионов и городов страны (этот механизм позднее в российском политическом сленге получил наименование *вертикаль власти*).

В результате Россия «заморозила» все существовавшие на момент распада СССР политические институты и прежнее национально-государственное устройство страны, а приоритетом № 1 для политических элит (как и для значительной части общества) оказалось проведение в стране экономических преобразований. Сформированное под руководством Ельцина правительство России, экономический блок которого возглавил Егор Гайдар, с января 1992 года начало либерализацию розничных цен, намереваясь провести быстрые реформы в русле модели, известной как «вашингтонский консенсус»: либерализация цен, финансовая стабилизация, приватизация предприятий ^[65].

Но финансовой стабилизации правительству Ельцина – Гайдара быстро добиться так и не удалось, в том числе и из-за того, что после распада СССР постсоветские государства (кроме стран Балтии) сохранили единую валюту, но при этом не способны были проводить единую монетарную политику. В конечном итоге реформы российской экономики по ряду причин оказались крайне растянуты во времени, «долина слез» неизбежного трансформационного экономического спада оказалась насыщенной драматическими поворотами и завершилась дефолтом и девальвацией российской валюты в августе 1998 года ^[66].

В национально-государственном устройстве России удалось избежать распада страны и острых кровавых конфликтов, связанных с сепаратизмом и сецессией (Чечня оказалась здесь исключением, подтвердившим правило), но платой за это стало дальнейшее ослабление силового и распределительного потенциала государства, и без того глубоко подорванного после распада СССР в условиях экономического спада. Иначе говоря, принесение политических реформ в жертву реформам экономическим, которое произошло в России осенью 1991 года, обеспечило нашей стране как минимум

неочевидные и сомнительные выгоды. Но «замораживание» политических институтов, сформированных с иными целями и для иных условий, привело прежде всего к тому, что эти институты попросту не могли выдержать нагрузку преобразований, – это было равнозначно тому, как если детский трехколесный велосипед вынужден был участвовать в соревновании наряду с гоночными моделями.

В той же ситуации оказались и Съезд народных депутатов и Верховный Совет, избранные на конкурентных выборах весной 1990 года. Изначально они играли роль своего рода «детской площадки» для большой политики – теперь им приходилось выступать «повзрослому», к чему они были не готовы. Неудивительно, что российский парламент, точно так же, как и региональные и местные Советы, оказались «мишенями» уничтожающей критики и вскоре пали жертвой конфликтов элит. Отказ от проведения новых выборов нанес тяжелый удар и по новым политическим партиям, возникавшим в 1990–1991 годах как грибы после дождя. Но главное – отказавшись от принятия и закрепления новых демократических «правил игры», российские политики стремились обеспечить «свободу рук», которой в конечном итоге они воспользовались отнюдь не в целях свободы и демократии [67].

В самом деле, почему российская «дилемма одновременности» оказалась решена в пользу отказа страны от демократизации? Существует два достаточно обоснованных тезиса на этот счет. Один из них исходит из того, что в ситуации глубокого экономического кризиса (а именно в таком состоянии пребывала российская экономика на момент распада СССР) побочным эффектом демократизации могла бы стать популистская макроэкономическая политика, которая лишь усугубила бы кризис и в экономике, и в политике. В качестве примеров такого рода специалисты приводили опыт ряда стран Латинской Америки. Но даже если угрозы и риски популизма выглядели и впрямь обоснованными, те же страны Восточной Европы, пошедшие по пути одновременных демократизации и рыночных реформ, в общем и целом сумели их избежать [68].

Другой аргумент состоит в том, что в условиях роста сепаратистских настроений и националистических движений в ряде республик и регионов страны успешно достичь договоренностей о национально-государственном устройстве России в конце 1991 года все равно было бы нереально. В то же время новые выборы, как на

региональном, так и на общероссийском уровне, могли подхлестнуть эти настроения и усилить риски распада России по образцу СССР (которые в тот момент многим политикам и экспертам казались вполне реальными). Именно этими опасениями, в частности, был обоснован мораторий на региональные выборы и установление «вертикали власти» (она, впрочем, не охватывала республики в составе России).

Однако главными соображениями, которые и обусловили стратегический выбор российских лидеров осенью 1991 года, были совершенно иные расчеты и ожидания. Российские президент и парламент после августа 1991 года оказались в ситуации, когда они получили в свои руки рычаги власти в стране не то чтобы совсем случайно, но во многом благодаря стечению обстоятельств. Политическая система СССР рухнула (в том числе и из-за усилий российских лидеров), и запретный плод сам упал к тем, кто сильнее тряс дерево. Но в рядах российских политиков вовсе не было не только идейного или иного единства – напротив, вокруг президента страны Бориса Ельцина в 1990–1991 годах стихийно сформировалась коалиция «негативного консенсуса», состоявшая из самых разных личностей и групп, объединившихся против общего врага в лице союзных властей. В ее ряды входили и идеологические либералы (сторонники рыночных реформ), и демократы-антикоммунисты (многие из которых вовсе не разделяли демократических взглядов), и ряд заинтересованных групп – соискателей политической ренты, которые примкнули к победителям конфликтов 1990–1991 года, и вовремя присягнувшие Ельцину чиновники общероссийского и регионального уровня. Добившись своей цели и оказавшись у руля страны, они менее всего были заинтересованы в том, чтобы утратить власть, тем более – в результате гипотетической конкурентной борьбы, которая могла бы иметь следствием поражение на выборах. Неудивительно, скажем, что главным аргументом в пользу отказа от всеобщих выборов глав исполнительной власти регионов осенью 1991 года послужили расчеты аналитиков штаба Ельцина, ожидавших, что сторонники Ельцина могли одержать на них победу лишь в 10–12 регионах страны [69]. И если, по словам Адама Пшеворского, «демократия – это политический режим, где партии проигрывают выборы» [70], то оказавшейся у власти «выигрышной коалиции» тогдашних сторонников Ельцина такая демократия и впрямь была ни к чему – не только и не столько из-за их личных качеств, сколько попросту

потому, что уступать власть по доброй воле не заинтересован ни один рациональный политик. А никаких иных стимулов, которые могли бы заставить российских лидеров вместо раздела доставшейся от СССР «добычи» приступить осенью 1991 года к строительству нового государства и выработке новых «правил игры», в тот момент попросту не просматривалось. Демократизация страны была отвергнута «по умолчанию» и в дальнейшем так ни разу и не становилась приоритетом повестки дня российской политики вплоть до волны протестов 2011–2012 годов.

Ельцин или парламент: первая кровь

Насколько можно судить, надежды многих сторонников Ельцина, которые поддержали осенью 1991 года «замораживание» политических институтов, были связаны с тем, что радикальные экономические реформы за относительно недолгий промежуток времени могли бы вывести страну из кризиса, после чего настало бы время для демократизации политического режима. Являлись эти надежды обоснованными или нет, но им не суждено было сбыться. Напротив, экономический спад в стране оказался глубоким и затяжным, создавая новые вызовы для политических институтов. Во-первых, сложившаяся «выигрышная коалиция» была слишком велика по размеру, чтобы разделить между собой доставшуюся в руки ельцинского лагеря «добычу», не обделив никого из участников. Во-вторых, Ельцин, чья массовая поддержка и авторитет намного превосходили не только каждого из участников «выигрышной коалиции», но и всех их вместе, оказался способен произвольно менять формат этой коалиции, исключая из нее нелояльных или бесполезных союзников (чем он неоднократно пользовался в ходе своего президентства). Наконец, в-третьих, на фоне усиливающегося экономического спада «выигрышная коалиция» образца 1991 года распалась, вступив на путь острых конфликтов между вчерашними соратниками. Делегировав большой объем полномочий Ельцину и не получив взамен никаких значимых вознаграждений, часть Съезда народных депутатов и Верховного Совета не без оснований чувствовали себя обманутыми, часть из тех, кто выступал на стороне Ельцина в 1990–1991 годах, были разочарованы ходом экономических реформ и переходили к все более жесткой критике правительственного курса и в целом ельцинского лагеря. В свою очередь, для Ельцина подобное политическое размежевание и нарастание поляризации оказалось выгодным, позволяя ему, с одной стороны, переложить часть издержек негативного восприятия трудностей переходного периода на политических противников, а с другой – использовать конфликт со своими прежними союзниками в целях максимизации собственной власти.

Первый раунд конфликта начался в апреле 1992 года на очередном Съезде народных депутатов России, когда, с одной стороны, на его рассмотрение был предложен новый

(доработанный) вариант проекта конституции, с другой – предстояло весьма критическое обсуждение политики правительства. К тому моменту прежнее (довольно неустойчивое) большинство сторонников Ельцина среди депутатов начало размываться, и некоторые из сторонников Ельцина советовали ему идти на «размен», договорившись с депутатами о принятии новой конституции за счет отставки Гайдара и ряда непопулярных министров. Но такое развитие событий, предполагавшее неизбежный компромисс и весьма вероятное уменьшение полномочий и реальной власти Ельцина, едва ли могло его удовлетворить. В конечном итоге, проект новой конституции был отложен в «долгий ящик» и фактически похоронен, и хотя состав правительства подвергся косметическим переменам, прежний курс был продолжен (более того, в июне 1992 года Ельцин поручил Гайдару исполнение обязанностей премьер-министра). Уже весной 1992 года Ельцин заявил о том, что «Съезд надо разогнать», поскольку он является главным препятствием на пути экономических реформ в России. В какой-то мере такие оценки имели под собой основания – депутаты принимали ряд популистских решений, однако президент и правительство их все равно не выполняли (да и не могли выполнить), а вклад Съезда в общий масштаб проблем, с которыми сталкивалась страна, был преувеличен (да и после того, как в 1993 году Съезд был распущен, этот масштаб никоим образом не уменьшился).

Политические маневры весны-осени 1992 года и попытки различных политиков искать компромисс между президентом и парламентом, небескорыстно предлагая себя на роли посредников, успеха не имели. Эти фигуры не пользовались влиянием, в то время как ряд заинтересованных игроков «второго ряда» (лоббистские экономические группы, лидеры республик и региональные политики) искусно пользовались нарастанием конфликта по принципу «ласковый теленок двух маток сосет», стремясь извлечь все большие объемы ренты в обмен на обещания лояльности. Ситуация на Съезде и в Верховном Совете к тому моменту складывалась не в пользу Ельцина – все большее число депутатов стремилось если не лишить его полностью тех полномочий, которые парламент делегировал ему в 1991 году, то существенно ограничить его власть. Однако не только ресурсы участников конфликта были неравны, но и характер этих ресурсов существенно различался. Действия парламента опирались на нормы законности, в

соответствии с которыми Съезд был вправе принять любое законодательное решение. Однако к концу 1992 года массовая поддержка депутатского корпуса резко упала, Съезд (длинные заседания которого транслировались по ТВ) воспринимался как в лучшем случае бесполезное собрание не всегда адекватных личностей, и резкие шаги с его стороны не получали публичной санкции на власть – иными словами, действия депутатов не были легитимными. Напротив, Ельцин как всенародно избранный глава государства пользовался общественной поддержкой и доверием со стороны сограждан (хотя его уровень и упал по сравнению с 1991 годом) – то есть его шаги в значительной мере были легитимными, хотя, подчас, и прямо нарушавшими законы. Именно противоречие между легитимностью и законностью в итоге и предопределило исход конфликта между президентом и парламентом.

К декабрю 1992 года срок дополнительных полномочий Ельцина официально истек, и он обязан был предложить кандидатуру нового премьер-министра на утверждение Съезда народных депутатов. Предложенная им кандидатура Гайдара набрала менее половины голосов депутатов. В этой ситуации, вероятно, президент мог бы при желании склонить на свою сторону часть оппонентов, тем более что предложения о внесении поправок в конституцию страны об обязательном согласовании с парламентом назначений ряда министров не получили необходимой поддержки. Но Ельцин пошел по иному пути – он выступил на заседании съезда, призвав своих сторонников покинуть его заседание и сорвать кворум, и объявил о том, что в стране необходимо провести референдум по вопросу о доверии либо ему, либо Съезду. Демарш Ельцина особого успеха не имел – его не поддержали союзники среди депутатов, «силовые» министры подтвердили лояльность конституции, и после нескольких раундов переговоров ему пришлось пойти на временное перемирие. Съезд принял постановление о том, что в апреле 1993 года в стране пройдет референдум по основным положениям новой конституции России, а Ельцин вынужден был вновь предлагать Съезду кандидатуру премьер-министра. Кандидатура Гайдара при голосовании опять оказалась забаллотирована, и, в конце концов, на посту премьер-министра был утвержден пользовавшийся поддержкой депутатского корпуса вице-премьер правительства по вопросам топливно-энергетического комплекса Виктор Черномырдин.

Однако конфликт, по сути, так и не был разрешен. Курс правительства Черномырдина мало чем отличался от гайдаровского, и влияние парламента на его политику оставалось почти нулевым. Президент откровенно игнорировал решения парламента и вовсе не собирався возвращать назад полученные от него полномочия, у парламента же не осталось каких-либо рычагов влияния на ситуацию, кроме демонстрации своего несогласия с Ельциным. Идея референдума по положениям новой конституции была похоронена обеими сторонами конфликта, а предложение об одновременных досрочных перевыборах и президента, и парламента встречало их общее неприятие. В результате напряженность нарастала, и после ожесточенных дебатов и неудачной попытки импичмента президента в марте 1993 года Съезд назначил на 25 апреля 1993 года референдум по четырем вопросам: (1) о доверии президенту страны; (2) о доверии социально-экономической политике правительства; (3) об отношении к досрочным выборам президента; (4) об отношении к досрочным выборам Съезда.

Агитация в ходе референдума проходила в условиях беспрецедентного преобладания президентской стороны в средствах массовой информации. Съезд же, в свою очередь, отвечал обвинениями в коррупции в адрес правительства. По итогам голосования явка на референдум составила 64 % избирателей. 58 % участвовавших в референдуме избирателей высказались в поддержку президента, 52 % поддержали политику правительства, 37 % высказались за досрочные выборы президента России и 86 % (или 48 % от общего числа избирателей) – за досрочные выборы депутатов. Но, поскольку результаты референдума не имели юридической силы, они стали лишь демонстрацией отношения избирателей к участникам конфликта, и не более. По сути, механизм референдума не являлся средством разрешения политического конфликта – он не только не создавал условий для выбора в пользу демократического правления и верховенства права, напротив, массовая поддержка лишь провоцировала президента к единоличному правлению. Парламент же оказался полностью дискредитирован и, по сути, обречен на гибель.

Так или иначе, после референдума политическая реформа и проведение «учредительных выборов» стали неизбежны. Важнейшие разногласия между президентом и парламентом касались разделения властей. Ельцин настаивал на проекте

конституции с президентско-парламентской формой правления, в рамках которой контроль над кабинетом министров почти безраздельно принадлежал главе государства, в то время как депутаты выступали за премьер-президентскую республику, где кабинет министров был бы подотчетен лишь парламенту. Эти проекты были несводимы друг к другу, и принятие согласованного решения в условиях конфликта оказалось нереальным. Попытки обеих сторон конфликта мобилизовать в свою поддержку широкий круг сторонников оказались неудачны. В этих условиях Ельцин решился на государственный переворот – 21 сентября 1993 года он огласил указ о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета России и о назначении на 12 декабря 1993 года выборов нового состава парламента. В свою очередь, на следующий день парламент объявил Ельцина низложенным и назначил вице-президента Александра Руцкого исполняющим обязанности президента.

В стране возникло юридическое и фактическое двоевластие. Ряд политических партий и политиков, в том числе влиятельных региональных лидеров, выступили за «нулевой вариант» – одновременные досрочные пере выборы президента и парламента. Однако 3 октября, во время демонстрации сторонников парламента, в Москве вспыхнули уличные беспорядки. В ночь на 4 октября Ельцин отдал приказ о применении силы по отношению к своим противникам. Резиденция парламента была расстреляна из танковых орудий. В ходе штурма, по официальным данным, погибло 146 человек. Руководители парламента и лидеры оппозиции во главе с Руцким были арестованы, а деятельность некоторых оппозиционных партий – приостановлена. В результате длившийся около полутора лет острый конфликт был разрешен по принципу «игры с нулевой суммой» – президентская сторона полностью уничтожила своих оппонентов, опиравшихся лишь на узкий круг поддержки их сторонников. Заодно в огне пожара, охватившего здание Верховного Совета, сгорели и идеи разделения властей и парламентаризма. Президентская же сторона смогла сполна воспользоваться результатами победы для того, чтобы закрепить их на уровне новых «правил игры» в российской политике [71].

Первоначально Ельцин предложил доверить принятие новой Конституции новому составу парламента, нижняя палата которого должна была избираться на выборах 1993 года, а верхняя –

формироваться по должности из числа представителей региональных органов власти. Однако, после расстрела парламента, Ельцин получил возможность действовать в свободной от институтов среде, и, не будучи скован обязательствами (в том числе – и по отношению к своим политическим сторонникам), он решил вынести проект Конституции на референдум, совместив его проведение с выборами в обе палаты парламента – как нижнюю, Государственную Думу (450 депутатов), так и верхнюю, Совет Федерации (178 депутатов, по 2 от каждого из регионов страны). Новые выборы проходили по правилам, которые победители смогли навязать побежденным. Некоторые из оппозиционных партий и политиков коммунистической и националистической ориентации к участию в них не были допущены, часть оппозиционеров во главе с Российской коммунистической рабочей партией (РКРП) выступили за бойкот выборов, а их более умеренные союзники – Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) – хотя и добились снятия наложенного Ельциным запрета на ее деятельность, но вела кампанию весьма вяло, не без оснований опасаясь угрозы повторного запрета. Выборы также не были справедливыми с точки зрения равенства доступа кандидатов к предвыборной борьбе. Государственные средства массовой информации предоставляли минимальные возможности для бесплатных выступлений кандидатов и партий, и при этом не ограничивали возможности платной рекламы. Новостные программы ТВ и радио и публикации газет были полны скрытой рекламы в пользу двух проправительственных партий: «Выбор России» и (в меньшей степени) Партии российского единства и согласия (ПРЕС). Лидеры этих партий вели кампанию, используя ресурсы членов правительства и сотрудников администрации президента, а региональные лидеры, большинство из которых баллотировалось в Совет Федерации, использовали свои административные ресурсы для собственного избрания – благо Совет Федерации, в отличие от Думы, должен был работать на непрофессиональной основе. Наконец, избирательные комиссии всех уровней формировались по распоряжению органов исполнительной власти и обладали в силу этого дополнительными возможностями для контроля над ходом кампании [72].

Но важнейшей особенностью «учредительных выборов» 1993 года стало совмещение их проведения с конституционным референдумом. Фактически, проект новой Конституции был

призван закрепить победу Ельцина и максимизировать его власть, в то время как полномочия парламента в проекте были значительно урезаны. Прежде всего, парламент был лишен возможности определять состав и курс правительства, а президент обладал довольно широкими возможностями по роспуску Думы в случае ее нелояльности. В то же время, хотя конституция содержала довольно обширный перечень прав человека и гражданина, ориентированный на самые лучшие зарубежные образцы деклараций гражданских и политических свобод, она не только не содержала каких-либо механизмов их реализации, но фактически отдавала их воплощение в жизнь на откуп президенту страны, который получал символический статус «гаранта конституции». В свою очередь, президент, согласно конституции, обладал возможностями делать все то, что ему непосредственно не запрещалось законами, а одна из ее статей прямо указывала, что президент определяет основные направления внутренней и внешней политики страны [73]. Сам Ельцин накануне референдума по принятию конституции сравнил устанавливавшийся ею политический строй с российской монархией периода 1907–1917 годов [74], а позднее высказал свой взгляд на роль главы государства более чем лапидарно: «кто-то должен быть главным в стране: вот и все» [75]. Фактически единственным ограничением президентской власти в тексте новой конституции была норма, запрещающая занимать пост главы государства свыше двух сроков подряд.

С этой точки зрения, значение выборов было вторичным по отношению к референдуму. Неудивительно, что распределение мест в парламенте не было приоритетной целью для Ельцина, и он отказался от публичной поддержки даже лояльных по отношению к нему партий – прежде всего, «Выбора России», сосредоточив основные усилия на проведении конституционного референдума. Когда некоторые оппозиционные партии выступили с критикой проекта Конституции, Ельцин потребовал от них «не трогать» Конституцию, а первый вице-премьер правительства (и по совместительству один из лидеров «Выбора России») потребовал исключить эти партии из участия в выборах. Результаты голосования 12 декабря оказались весьма противоречивы [76]. В выборах и референдуме приняло участие 54 % избирателей, при этом в двух регионах России (Татарстан и Чечня) недовольные политикой Центра местные власти организовали бойкот голосования, бойкотировала выборы и референдум и часть

радикальных противников Ельцина. По официальным данным, Конституция была принята незначительным большинством голосов – за принятие проекта проголосовало чуть более 58 % избирателей (почти тот же показатель, что и уровень поддержки Ельцина на референдуме в апреле 1993 года). Но результаты выборов и референдума так и не были опубликованы в полном объеме. Когда спустя несколько месяцев после голосования в прессе появились публикации, ставившие под сомнение официальные результаты голосования и обвинявшие власти в фальсификации его итогов, по поручению Центральной избирательной комиссии все бюллетени, использованные в ходе голосования по выборам и референдуму, были уничтожены по всей стране [77]. Скорее всего, истинных итогов голосования декабря 1993 года так никто никогда и не узнает, но, тем не менее, конституция России считалась принятой.

Таким образом, исходом конфликта элит в «критический момент» осени 1993 года стало политическое решение по принципу «победитель получает все» [78] – избавившись от конкурентов, Ельцин смог максимизировать свою власть и навязать стране наиболее выгодные для него «правила игры». Новая конституция России, хотя и задала основные рамки политического устройства страны, содержала весьма существенный авторитарный потенциал, лишней раз подтвердив справедливость тезиса Адама Пшеворского о том, что «поскольку любой порядок лучше любого хаоса, любой порядок и устанавливается» [79]. Порядок, установившийся в 1993 году, во многом задал и всю траекторию последующего политического развития России.

«Загогулины»: Борис Ельцин и другие

Казалось бы, новые «правила игры», навязанные в 1993 году в результате разрешения конфликта элит по принципу «победитель получает все», позволяли Ельцину в отсутствие институциональных ограничений полностью монополизировать власть и применять стратегию подавления любых своих оппонентов (подобно тому, как вел себя Александр Лукашенко в Беларуси после 1996 года). Но на деле, вопреки вроде бы открывавшимся институциональным возможностям для неограниченного произвола, Ельцин после 1993 года вынужден был отказаться от монопольного господства. Напротив, вплоть до самого завершения своего президентства Ельцин никоим образом не выглядел неким единолично доминирующим на политической сцене страны жестким диктатором, да и в целом вел себя отнюдь не как «самый главный в стране». Скорее, он вынужден был вступать в самые разные неформальные альянсы и коалиции, стремясь удержать свою власть. В эти годы российская политика переживала весьма неожиданные повороты, которые сам Ельцин в присущей ему манере обозначал словом *загогулины*. В чем же причины такого развития событий?

Ограничения, с которыми после 1993 года столкнулся российский политический режим, носили не столько институциональный, сколько политический характер. Проще говоря, они были связаны не с «правилами игры», а с тем, что ни Ельцин, ни другие игроки не могли играть по этим правилам так, как им хотелось бы, – их ресурсы были ограничены, а выбор стратегий носил вынужденный характер. Во-первых, глубокий и длительный спад в экономике повлек за собой снижение массовой поддержки Ельцина и политического режима в целом, а списывать издержки непопулярного политического курса было уже не на кого. И элиты, и общество в целом воспринимали Ельцина как неэффективного руководителя и как не вполне адекватного лидера (особенно в свете таких его выходов, как попытки в нетрезвом виде дирижировать военным оркестром в Германии). Во-вторых, на фоне экономического спада все более явственной становилась слабость российского государства как механизма принуждения ^[80]. Центральное правительство (далее – Центр) не могло эффективно контролировать управление регионами, и в особенности республиками, настаивавшими на своем «суверенитете» по

контролю над природными ресурсами и финансовыми потоками. Правоохранительные органы в России переживали упадок и коммерциализацию, и функции поддержания правопорядка и отправления правосудия порой брали на себя «силовые предприниматели» из состава криминальных группировок. В таких условиях многие решения, принимавшиеся в Кремле, попросту оставались на бумаге. В-третьих, наконец, сложившаяся в ходе конфликта с парламентом «выигрышная коалиция» вокруг Ельцина оказалась слишком рыхлой и разнородной – она включала в себя и различные заинтересованные группы соискателей ренты, и часть бюрократического аппарата, и идейных либералов-рыночников, которые, впрочем, вскоре после 1993 года оказались отстранены от принятия ключевых решений. По сути, коалиция сторонников Ельцина распалась на несколько конкурирующих клик.

В таких условиях для Ельцина вопрос о подавлении своих реальных и потенциальных оппонентов уже не вставал – скорее, проблема заключалась в обеспечении политического выживания главы государства. С одной стороны, у Ельцина было недостаточно ресурсов для того, чтобы одержать верх над своими потенциальными противниками на всех аренах. Но и у его потенциальных противников, да и у всех других акторов, не было ни стимулов, ни ресурсов для взаимной устойчивой кооперации по принципу «негативного консенсуса» – хотя на парламентских выборах в декабре 1993 года оппозиционные партии различных оттенков смогли получить около половины мест в Государственной Думе. Но благодаря избранию в парламент большого числа независимых депутатов, состав Думы оказался в большей или меньшей мере подконтролен президенту и правительству. Несмотря на две попытки голосования вотума недоверия правительству (октябрь 1994 и июнь 1995 года), устойчивое антипрезидентское и/или антиправительственное большинство в парламенте сформировано не было. Основным механизмом принятия решений в Думе стало создание неустойчивых коалиций *ad hoc* (здесь – для данного случая) по поводу конкретных законопроектов ^[81]. Неустойчивость состава и численности думских фракций способствовали партийной фрагментации и политическому предпринимательству депутатского корпуса, в то время как стимулы к коалиционной политике оказались подорваны. В результате сложившееся после 1993 года частичное и неэффективное

равновесие политических сил в стране поддерживалось «по умолчанию».

В этих условиях Ельцин вынужден был сменить свою стратегию и пошел на кооперацию с подчиненными акторами, включая и часть своих бывших противников, что значимым образом отразилось на неформальных «правилах игры» в российской политике. Начиная с 1994 года, лагерь Ельцина инициировал серию явных и неявных договоренностей с частью элит на манер «картельных соглашений» элит. Ряд региональных лидеров, которые были готовы «присягнуть» на лояльность Ельцину, подписали двусторонние договоры с Центром, предоставившие им многочисленные привилегии в части налогов и прав собственности (исключением оказалась лишь Чеченская республика, пережившая кровавые конфликты с Центром: две «чеченские войны» 1994–1996 и 1999–2001 годов) [82]. Оппозиционные партии и политики были включены в рамки нового режима, не создавая при этом угрозы его подрыва. Даже в 1995–1999 годах, когда КПРФ обладала почти что большинством в Государственной Думе, она предпочитала политическое маневрирование и компромиссы с исполнительной властью, а не конфронтацию с правящей группой. [83] Ну а представители нарождавшегося российского крупного бизнеса стали ключевыми бенефициариями в ходе «залоговых аукционов» [84] – правительство России передало контрольные пакеты акций крупнейших предприятий в нефтяной отрасли, металлургии и ряде других отраслей в залог представителям российских банков в обмен на прямую выплату ими денег, которыми правительство могло распоряжаться по своему усмотрению. Фактически, российские власти передали контроль над рядом активов произвольно отобранным и тесно связанным с ними представителям отечественного бизнеса, которые со своей стороны, помимо выплаты денег, гарантировали правительству свою политическую поддержку в преддверии намеченных на лето 1996 года президентских выборов. Такие меры позволили Ельцину поддерживать статус-кво, однако общественные настроения и расстановка сил складывались не в его пользу.

На состоявшихся в декабре 1995 года выборах в Государственную Думу второго созыва почти половину мест в палате получили представители КПРФ и ее союзников, в то время как проправительственный блок «Наш дом – Россия» во главе с Черномырдиным смог набрать лишь чуть более 10 % голосов

избирателей. По сравнению с «чрезвычайной» избирательной кампанией 1993 года, прошедшей после роспуска Съезда, выборы 1995 года носили в целом справедливый характер. Хотя проправительственные партии и кандидаты и использовали административные ресурсы в свою поддержку, но в условиях открытой конкуренции это мало повлияло на исход кампании, и результаты голосования в основном отражали волю избирателей. Несмотря на то, что оппозиция добилась контроля над Думой, она не могла сформировать правительство или повлиять на его курс, а их инициативы блокировались президентом и правительством. Но поскольку результаты парламентских выборов продемонстрировали слабость позиций проправительственных партий и относительно высокую популярность оппозиции, то президентские выборы полгода спустя, казалось бы, неизбежно должны были завершиться избранием на пост президента оппозиционного кандидата и сменой политического курса правительства. Однако, к удивлению многих наблюдателей, летом 1996 года Ельцин одержал вполне убедительную победу над своим главным конкурентом – лидером КПРФ Геннадием Зюгановым.

Накануне президентской кампании уровень массовой поддержки Ельцина не превышал 5 %, будучи подорван и затяжным спадом в экономике, и непрекращающейся войной в Чечне. Поражение на выборах и приход к власти оппозиции исключали его выживание не только в качестве политического лидера, но и в смысле гарантий личной безопасности. Цена президентских выборов была слишком высока, чтобы Ельцин и его союзники могли пойти на такой риск. Следовательно, дилемма возможной отмены выборов или объявления их результатов недействительными в случае поражения Ельцина приобрела актуальность для правящей группировки в течение всего хода кампании. Такие варианты не просто обсуждались частью команды Ельцина, но его окружение даже приступило к роспуску Думы, намереваясь запретить КПРФ и отменить выборы ^[85]. Однако цена отказа от существующих «правил игры» и выживания правящей группы посредством подавления оппозиции (и отказа от выборов) была слишком высока. Это могло расколоть элиты еще глубже, чем в 1993 году, привести к окончательной утрате Ельциным контроля над ситуацией в ряде регионов и в стране в целом, да и легитимность Ельцина и всего политического режима в результате подобного государственного переворота оказалась бы под угрозой. Таким образом, в

«критический момент» в марте 1996 года выбор в пользу проведения выборов оказался неизбежным. Но о справедливости этих выборов говорить не приходилось.

Избирательному штабу Ельцина во главе с Анатолием Чубайсом удалось мобилизовать в его поддержку практически все доступные ресурсы, что позволило добиться сплочения и расширения коалиции его сторонников и среди элит, и в обществе в целом. Задействовав административные рычаги, штаб использовал государственный аппарат в Центре и в регионах для ведения кампании, в том числе посредством контроля над СМИ. Используя большие денежные вливания, включая кредиты Международного валютного фонда, удалось купить лояльность большинства социальных групп, в том числе обеспечив выплату части государственных долгов по пенсиям и заработной плате военным и сотрудникам бюджетных отраслей. С рядом влиятельных региональных лидеров Ельцин заключил новые договоры о разграничении полномочий, а война в Чечне сменилась перемирием. Интеллигенция была запугана нагнетанием ужасов в случае возврата к власти коммунистов. Артисты на бесплатных концертах по всей стране призывали молодежь голосовать за Ельцина под лозунгом «Голосуй, а то проиграешь!» Некоторые конкуренты Ельцина были «включены» в его кампанию (как генерал Александр Лебедь, после первого тура выборов открыто перешедший на сторону Ельцина); другие, как лидер партии «Яблоко» Григорий Явлинский, подвергались давлению и дискредитации. В свою очередь, главный конкурент Ельцина Зюганов подвергся публичной обструкции в средствах массовой информации. Несмотря на довольно значительное число «твердых» сторонников, Зюганов в ходе выборов не смог создать достаточно широкой коалиции из числа противников статус-кво и оказался в политической изоляции. Не имея возможностей заручиться поддержкой необходимого для победы на выборах большинства избирателей, после первого тура выборов он фактически отказался от дальнейшей борьбы. Наблюдатели оценивали кампанию Зюганова как весьма бледную и маловыразительную, вплоть до того, что выдвигали предположения о сговоре между правящей группировкой и оппозицией ^[86]. Немалую роль сыграло также административное давление на избирателей в ходе голосования, свидетельством чего стало резкое изменение результатов голосования за Ельцина и за Зюганова в первом и втором туре выборов в ряде регионов. На отдельных территориях было

документально зафиксировано немалое количество фальсификаций в пользу Ельцина, хотя и нет свидетельств того, что они обусловили исход голосования. Несправедливые выборы, впрочем, не встретили отпора со стороны хоть сколько-нибудь значимых политических акторов, включая и оппозицию, признавшую их итоги. Более того, проигравшая на выборах КПРФ сменила тактику, объявив лозунг «врастания во власть», и позднее уже никогда не представляла сколько-нибудь значимой угрозы для правящей группы [87].

В итоге предвыборная кампания КПРФ, наряду с другими факторами, сыграла не последнюю роль в успехе Ельцина, одержавшего победу над Зюгановым в первом туре выборов (35 % против 32 %) и по итогам второго тура (53 % против 40 %). Но этот успех Ельцина оказался своего рода «пирровой победой» – 65-летний пожилой человек, организм которого был подорван злоупотреблением спиртным и перенесенным инфарктом, не выдержал жесткого ритма кампании. В промежутке между первым и вторым турами выборов Ельцин перенес сердечный приступ и до дня голосования не появлялся на публике. А после переизбрания ослабленный Ельцин оказался не в состоянии управлять своим окружением. В результате процесс «дележа добычи» по итогам выборов свелся к вознаграждению постами участников кампании. Чубайс возглавил администрацию президента, Лебедь на некоторое время занял пост секретаря Совета Безопасности (хотя через три месяца был отправлен в отставку), несколько влиятельных постов получили также крупные предприниматели, спонсировавшие кампанию Ельцина. Черномырдин, сохранив за собой пост главы правительства, был при почти полной поддержке оппозиционной Думы вновь утвержден на своем посту. В свою очередь, в правительстве было создано 10 должностей вице-премьеров, представлявших разные политические группировки и клики. Сам же Ельцин осенью 1996 года вынужден был подвергнуться тяжелой операции на сердце. Длительная болезнь вывела президента из строя более чем на полгода, и он уже никогда не смог восстановить былого физического здоровья и политического влияния. Так или иначе, президентские выборы 1996 года сыграли ключевую роль в поддержании механизма «картельных соглашений» и сохранении статус-кво. «Любой порядок» снова оказался лучше «любого хаоса» – хотя ни один значимый актор не был удовлетворен существующей ситуацией, никто не был способен односторонне изменить «правила

игры» в свою пользу. Неэффективное равновесие политических сил, однако, вскоре привело к весьма пагубным последствиям.

«Война за ельцинское наследство», эпизод 1-й

В 1997 году «выигрышная коалиция» вокруг Ельцина по-прежнему оставалась рыхлой и неустойчивой. С одной стороны, для физически и политически ослабленного Ельцина встала задача подбора «преемника», способного обеспечить гарантии безопасности ему и его окружению, с другой – общая неудовлетворенность положением дел в стране так или иначе вынуждали к смене правительственного курса и к более активной политике. В марте 1997 года Ельцин предпринял попытку использовать президентскую власть в целях проведения социальных и экономических реформ. Он провел реорганизацию кабинета Черномырдина, в котором ключевые посты первых вице-премьеров заняли «молодые реформаторы»: Чубайс и бывший нижегородский губернатор Борис Немцов, который рассматривался в качестве возможного «преемника» Ельцина на его посту. Но такое решение не устраивало ряд сегментов элиты. Прежде всего, за заинтересованные группы, извлекавшие ренту благодаря своей близости к власти и доступу к принятию решений, не желали лишаться привилегированного положения, и попытки правительства избавиться от «захвата государства» ^[88] представителями крупного бизнеса («олигархами») встретили с их стороны жесткое сопротивление. Конфликт вокруг приватизации некоторых предприятий вскоре приобрел более масштабный и публичный характер – телеканалы ОРТ и НТВ, контролируемые «олигархами», соответственно, Борисом Березовским и Владимиром Гусинским, начали кампанию дискредитации новых претендентов на лидерство. Влияние «молодых реформаторов», основанное почти исключительно на поддержке со стороны президента, оказалось подорвано, а их планы по проведению реформ налоговой системы, жилищно-коммунальной и социальной сферы, бюджетного устройства и отношений Центра и регионов оказались нереализованными. Чубайс и ряд его соратников были обвинены в получении крупных сумм в виде гонорара за еще не написанную ими книгу о приватизации в России и лишились своих ключевых постов ^[89]. Фактически внутри «выигрышной коалиции» возник раскол, обусловленный борьбой за передел сфер влияния и началом «войны за ельцинское наследство». В этот период российский политический режим все чаще стал обозначаться как *олигархия* ^[90] в

связи с той ролью, которую стремились играть «олигархи» в борьбе за власть. Другим ключевым словом при описании российской политики стала *семья*, которое в широком смысле обозначало не только непосредственно членов семьи Ельцина, но и все его окружение, символизируя неэффективность управления и коррупцию.

В преддверии цикла думских и президентских выборов 1999–2000 годов становилась все менее реальной перспектива избрания Ельцина на третий срок. Дело было не только в том, что конституция страны ограничивала президентские полномочия двумя сроками подряд – в конце концов, лояльные юристы могли попытаться обойти эти ограничения с помощью правовой казуистики. И даже здоровье Ельцина не являлось в этом плане совершенно непреодолимым препятствием. Но все понимали – вновь, как в 1996 году, добиться поддержки Ельцина избирателями теперь уже будет нереально. Уровень недовольства россиян и экономической ситуацией в стране, и политическим режимом, и лично главой государства был весьма высок на фоне многочисленных нерешенных экономических проблем, хронических задержек с выплатами пенсий и заработной платы, фактического выхода ряда регионов из-под контроля Центра и упадка правопорядка и законности в стране. Недовольство нарастало и среди элит, которым порядком надоели и «загогулины» главы государства, и неэффективность управления в целом. Но с учетом значимости поста президента сам вопрос о том, станут ли выборы механизмом смены власти в России и если да, то как именно этот механизм сработает, приобретал особое значение. Ни разу за всю историю страны ни один глава государства не покидал свой пост в результате выборов. Между тем не только оппозиционеры: Зюганов, Явлинский, Лебедь, но и прежде лояльные Ельцину политики, в том числе Черномырдин и мэр Москвы Юрий Лужков, заявляли о своем намерении участвовать в намеченных на 2000 год президентских выборах. Отсутствие координации претендентов усиливало неопределенность, в то время как ни один из них не мог дать необходимых гарантий политического, да и физического выживания элит. В марте 1998 года Ельцин, неожиданно для большинства наблюдателей, принял решение об отставке правительства Черномырдина. На пост главы правительства был выдвинут 35-летний министр топлива и энергетики Сергей Кириенко, всего лишь за несколько месяцев до этих событий занявший свой пост.

Отставка кабинета и назначение Кириенко были восприняты российскими элитами негативно. Дума утвердила кандидатуру Кириенко на посту главы правительства лишь после того, как Ельцин в третий раз представил его депутатам, угрожая в противном случае роспуском нижней палаты. Не связанный непосредственно ни с одной партией или группой интересов, Кириенко мог проводить в жизнь свои решения, опираясь лишь на президента. Его кабинет носил не политический, а чисто «технический» характер, будучи призван решать тактические задачи. Правительство было в очередной раз реорганизовано. Хотя Кириенко и пытался проводить курс реформ в духе Гайдара, но неблагоприятная конъюнктура мировых рынков и разразившийся финансовый кризис в Азии на фоне низких цен на нефть, помноженные на *фискальный кризис* (неспособность собирать налоги) в стране, не позволяли правительству удерживать контроль над развитием событий. Вскоре рост пирамиды государственного долга приобрел угрожающие масштабы. Правительство же действовало с запозданием, сталкивалось с сопротивлением в Думе и за ее пределами и не обладало должным кредитом доверия и политической поддержкой [91]. 17 августа 1998 года правительство и Центральный банк с согласия Ельцина вынуждены были объявить о девальвации рубля и о замораживании обязательств государства перед отечественными и зарубежными кредиторами. 23 августа Ельцин подписал указ об отставке правительства Кириенко. Экономический кризис, таким образом, перерос в политический [92].

Кризис не только обесценил сбережения граждан, породив волну массового недовольства. Он нанес сильный удар по российским элитам, увеличив уровень неопределенности. Не только «молодые реформаторы», но и в целом либеральные реформы оказались всерьез и надолго дискредитированы. Серьезные потери понесли некоторые группировки бизнеса, лишившиеся не только части своих активов, но и политического влияния, потеряв возможности для «захвата государства» [93]. Ряд региональных лидеров отреагировал на кризис требованиями большей самостоятельности от Центра по распоряжению ресурсами регионов. Партии и думские фракции, как левые, так и правые, возлагали вину за кризис на и без того крайне непопулярного Ельцина, который, в свою очередь, временно возложил исполнение обязанностей премьер-министра на возвращенного из отставки Черномырдина, вновь угрожая Думе

ропуском в случае отказа утвердить его на этом посту. Но такое развитие событий не могло устраивать российские элиты. Во-первых, Черномырдин был непопулярным среди населения политиком, и его перспективы на выборах не могли внушить оптимизма. Во-вторых, он, по мнению избирателей и элит, нес ответственность за экономический кризис. В-третьих, никто не верил в способность кабинета Черномырдина переломить негативные тенденции и снизить неопределенность. Наконец, в-четвертых, возвращение Черномырдина означало бы фактическое признание его преемником Ельцина, который в преддверии выборов мог получить контроль над государственным аппаратом, что не устраивало других потенциальных претендентов. В результате кандидатура Черномырдина была дважды провалена в парламенте. Ельцин оказался перед сложной дилеммой: представлять вновь кандидатуру Черномырдина и, следовательно, идти на роспуск Думы и новые выборы, или найти приемлемую для депутатов кандидатуру премьера. Внеочередные выборы на фоне масштабного кризиса могли привести к еще большей неопределенности, и оттого в их проведении не был заинтересован никто, кроме КПРФ и ее союзников. Поэтому Ельцин был вынужден пойти навстречу депутатам – на пост премьер-министра была предложена нейтральная кандидатура 69-летнего министра иностранных дел Евгения Примакова. Он не был связан ни с одной из конкурировавших за влияние группировок, ни с кризисом в экономике, ни с коррупционными скандалами. В сентябре 1998 года Примаков стал главой кабинета при поддержке подавляющего большинства депутатов нижней палаты.

Как сама фигура Примакова, так и связанный с его назначением компромисс элит рассматривались многими как временное и частичное решение. Согласно конституции, правительство не было самостоятельным, являясь не более чем командой наемников-профессионалов, ответственных лично перед президентом. Но правительству Примакова удалось, опираясь, в том числе, на согласие почти всех фракций парламента, добиться немалых успехов: ситуация в экономике стабилизировалась и после болезненного дефолта вскоре начался экономический рост, позднее принявший устойчивый характер. Между тем смена власти в Кремле в ходе предстоящего электорального цикла становилась неизбежной, и Примаков все чаще рассматривался как перспективный кандидат на пост главы государства. Он был

приемлемым для большинства партий, региональных лидеров, части экономических элит и общественного мнения. Но кабинет Примакова оставался заложником Ельцина – его независимая политика вступала в прямое противоречие с интересами «семьи» и связанных с ней группировок бизнеса. Это делало невозможным согласование интересов элит. Идея Примакова о заключении «пакта» между президентом, правительством и палатами парламента по поводу моратория на отставку правительства, роспуск Думы и импичмент президента до очередных выборов (то есть на временное статус-кво с последующим перехватом самим Примаковым позиции доминирующего актора) была отвергнута Кремлем.

Между тем в стране усиливались требования отставки Ельцина и проведения досрочных президентских выборов. Еще весной 1998 года Дума по инициативе КПРФ создала комиссию по подготовке импичмента президента на основании обвинения в ряде тяжких преступлений, включая роспуск СССР, расстрел парламента в 1993 году и ведение войны в Чечне. Ее деятельность долгое время служила лишь средством политического давления. Но в мае 1999 года большинство депутатов Думы (284 из 450) проголосовало за импичмент, обвинив президента в развязывании войны в Чечне. Данного числа голосов оказалось недостаточным для начала процедуры отстранения Ельцина от власти (по конституции необходимо не менее 300 голосов), но жертвой этого демарша оказался Примаков – накануне думского голосования Ельцин без каких-либо публичных объяснений отправил его в отставку. Главой кабинета стал прежний министр внутренних дел Сергей Степашин, который был безоговорочно утвержден на своем посту Думой в качестве «технического» премьера. Но Степашин, пытавшийся маневрировать между различными группировками элит и не имевший собственной политической повестки дня, не устроил «семью», и в августе 1999 года он столь же стремительно был заменен на своем посту главой Федеральной службы безопасности (ФСБ) Владимиром Путиным, которого Ельцин представил своим согражданам как будущего президента России. Казалось, что политический кризис в стране накануне выборов достиг своего предела.

«Война за ельцинское наследство», эпизод 2-й

Одновременно с назначением Путина на пост главы правительства Ельцин подписал указ о назначении новых выборов в Думу на декабрь 1999 года. В силу электорального расписания парламентская кампания рассматривалась ее участниками как увертюра президентских выборов 2000 года. Результаты думских выборов становились ориентиром для избирателей и элит в условиях высокой неопределенности – их победитель получал все козыри в борьбе за президентский пост.

К этому моменту конфликт между бывшими участниками «выигрышной коалиции» резко обострился на фоне всеобщего недовольства политической ситуацией в стране. Не только общественное мнение списало Ельцина почти со всех счетов и поддерживало его уход с политической сцены – «негативный консенсус» по отношению к существовавшему статус-кво был присущ и российским политическим и экономическим акторам. Формальные и неформальные «правила игры», которым они вынуждены были следовать, показали свою неэффективность в ходе кризиса 1998 года. Поэтому среди российских элит отмечался, с одной стороны, «запрос на рецентрализацию» государственного управления ^[94], а с другой – идеи усиления полномочий парламента, ограничения президентской власти и консолидации партийной системы (в частности, такие тезисы присутствовали в ходе думских выборов 1999-го в программах партий независимо от их ориентации) ^[95]. Этот критический фон определял настрой на перемены в стране в ходе выборов.

В преддверии электорального цикла 1999–2000 годов начала складываться довольно рыхлая коалиция региональных лидеров и «олигархов», стремившаяся к победе на выборах и последующему захвату позиции доминирующего актора. Основным создателем этой коалиции выступал Лужков, которому удалось привлечь на свою сторону некоторых влиятельных региональных лидеров под флагом сперва объединения «Отечество», а затем и созданного на его базе блока «Отечество – вся Россия» (ОВР). Однако для успеха в масштабах страны в целом этого было явно недостаточно – таскать каштаны из огня для московского мэра осторожные региональные лидеры не слишком стремились, а настрой представителей бизнеса по большей части был выжидательным. Позиции ОВР усилились

после того, как Лужкову удалось привлечь на свою сторону Примакова, популярность которого после отставки увеличилась. Лагерь потенциальных фаворитов выборов обрел лидера – предполагалось, что успех ОВР на думских выборах приведет к выдвижению на президентских выборах Примакова как единого кандидата, поддержанного различными сегментами федеральных и региональных элит. Примаков, с его успешным опытом руководства правительством, казался способным разрешить «дилемму лидерства», согласно которой потребность элиты в сильном лидере сочетается с угрозой, исходящей для нее от этого лидера [96]. Наблюдатели считали, что в случае участия Примакова в президентских выборах, он мог бы заручиться поддержкой и КПРФ. Лужков же рассматривался как потенциальный кандидат ОВР на пост премьер-министра.

Накануне кампании, стремясь дистанцироваться от непопулярного Ельцина, лидеры ОВР резко критиковали главу государства и его администрацию. Кремль, казалось бы, не мог противопоставить им ничего существенного в электоральной политике [97]. Лишь в ходе кампании был создан лояльный Кремлю избирательный блок «Единство» («Медведь»), возглавляемый министром по чрезвычайным ситуациям Сергеем Шойгу, но его шансы на первых порах выглядели весьма незначительными. Однако вскоре ситуация резко изменилась под воздействием событий, выходящих за рамки предвыборной борьбы.

Еще весной 1999 года федеральные силовые структуры начали подготовку к силовой операции против чеченских вооруженных отрядов. В августе 1999 года группы чеченских боевиков прорвались на территорию Дагестана, вступив в бои с местной милицией. Вступление в бой регулярных частей МВД и армейских подразделений позволило вытеснить боевиков в Чечню и начать их преследование. В начале сентября в Москве и в Волгодонске произошла серия взрывов жилых домов, которые унесли несколько сотен жизней. Эти события потрясли страну, превратив угрозы безопасности из весьма абстрактного политического термина в часть повседневности россиян. Спустя несколько дней в одном из домов в Рязани был обнаружен мешок со взрывчаткой, после чего представители ФСБ заявили, что проводили там контртеррористические учения, а мешок был наполнен сахаром. На основании этого выдвигались даже версии о причастности к взрывам российских спецслужб, но доказательств этому (как и

другим предположениям) не было представлено, и реальные виновники взрывов не установлены и по сей день.

Однако массовое сознание, в том числе и под воздействием политиков и средств массовой информации, было склонно возложить всю ответственность за взрывы на чеченских террористов. Это обусловило перелом в общественных настроениях по отношению к событиям в Чечне. Если во время первой чеченской войны 1994–1996 годов ее оценки и массами, и элитами были в основном негативными, то после взрывов в Москве требования возмездия стали всеобщими. В этой ситуации Путин продемонстрировал решительность и жесткое намерение уничтожить боевиков, и даже заявил в одном из интервью о намерении «мочить в сортире» террористов, если придется. В октябре 1999 года в Чечню были введены российские войска, что положило начало второй чеченской войне. Уже на первом этапе она принесла федеральным войскам видимые успехи – боевики были вытеснены из равнинных районов республики, а к концу 1999 года в руках федеральных сил оказалась столица Чечни – Грозный и большинство других населенных пунктов республики. Военная кампания позволила добиться мощного укрепления политического авторитета и влияния Путина [98]. Речь шла не только о его массовой поддержке, но и о смене настроений элит по ходу избирательной кампании.

Взрывы в Москве нанесли сильный удар по авторитету лидеров ОВР, подорвав веру элит в их способность обеспечить защиту в рамках «дилеммы лидерства». В ситуации, когда от претендентов на руководство страной нужна была демонстрация способности к решению внезапно возникших и ставших наиболее острыми проблем, ОВР, как «партия будущей власти», оказалась уязвимой. Примаков, не обладая властью, не имел возможности влиять на ход событий. Лужков же, ранее не без оснований гордившийся экономическим благополучием столицы, оказался под огнем критики в положении «завхоза, не способного обеспечить порядок в своем хозяйстве» [99]. На фоне укрепления позиций Путина эти обстоятельства были использованы администрацией президента в предвыборной борьбе против ОВР. По ходу кампании «Единство» все чаще ассоциировалось с поддержкой Путина. Сам популярный премьер объявил Шойгу одним из своих лучших друзей и заявил о том, что будет голосовать за список «Единства». Вскоре после этого уровень массовой поддержки «Единства» резко возрос. Это же

послужило сигналом для различных акторов (включая региональных лидеров), которые начали стремительно перебегать из лагеря поддержки ОВР на сторону потенциальных победителей. Исключение составили лишь те политики, которые были напрямую вовлечены в деятельность блока, но и они демонстрировали лояльность Путину.

Главным орудием предвыборной агитации стало телевидение, служившее для большинства избирателей основным источником информации о партиях и о кандидатах. Крупнейшие телевизионные каналы – ОРТ и РТР – в ходе кампании подвергли ОВР уничтожающей критике, вплоть до обвинений в адрес Лужкова о соучастии в убийстве, в то же время «продвигая» «Единство» с помощью косвенной рекламы и односторонней подачи новостей. В свою очередь, там, где местные телеканалы контролировались ОВР, картина новостей была прямо противоположной, но аудитория и пропагандистские ресурсы местных каналов явно уступали федеральным. «Информационные войны», по некоторым оценкам, оказали немалое воздействие на выбор избирателей, подорвав поддержку ОВР ^[100]. Но они сами по себе являлись лишь отражением конфликта элит, в ходе которого ОВР все более терял очки, причем быстрота разрушения его электоральной базы даже обгоняла темпы формирования электорального потенциала «Единства». Дефицит предложения на электоральном рынке восполнил Союз правых сил (СПС), созданный при активном участии либеральных политиков, входивших в состав прежних правительств, – так же, как и «Единство», он пользовался поддержкой президентской администрации и ведущих телеканалов.

Итоги выборов продемонстрировали новую расстановку сил. КПРФ с 24,3 % голосов вместе с союзниками получила 130 из 450 мандатов в Думе и не могла претендовать даже на роль «группы вето». Зато «Единство» с 23,3 % голосов стало главным победителем выборов, разгромив ОВР (13,3 %), что повлекло за собой распад последнего. Буквально сразу после выборов ряд региональных лидеров, входивших в ОВР, заявили о безусловной поддержке ими Путина и о том, что ОВР был исключительно предвыборным блоком. Часть депутатов, избранных от ОВР по одномандатным округам, даже не вошла в партийную фракцию в Думе.

Результаты парламентских выборов создали возможности для неожиданного для многих шага Ельцина. 31 декабря 1999 года он

выступил по телевидению с заявлением о своем уходе в отставку с поста президента России. Согласно Конституции, Совет Федерации назначил внеочередные президентские выборы на 26 марта 2000 года. До проведения выборов президентские полномочия исполнял премьер-министр Путин, первым же своим указом предоставивший гарантии неприкосновенности Ельцину и членам его семьи. Фактически Ельцин назначил Путина своим преемником, передав ему всю полноту президентской власти. Это решение было встречено благожелательно и общественным мнением, и элитами. Во-первых, Ельцин, утративший и популярность, и способность к управлению, наконец-то покинул свой пост. Во-вторых, этот пост занял фактический победитель парламентских выборов, которого элиты, да и общественное мнение, готовы были признать в качестве доминирующего актора. Выборы в этом плане играли роль инструмента легитимации уже принятого политического решения. Иначе говоря, режим пережил «критический момент» преемственности власти, избежав рисков конфликтов, подобных, например, случаю Украины в 2004 году.

На фоне и без того высокой популярности Путина его шансы на победу на внеочередных выборах были неоспоримы. Экономический рост, приобретающий все более уверенный характер, также усиливал поддержку нового лидера. Перед другими потенциальными кандидатами встал выбор между участием в выборах без серьезных шансов на победу и отказом от борьбы. Коалиция Примакова – Лужкова, по сути, распалась, а ее вчерашние участники и/или союзники предпочли кооптацию в состав теперь уже новой «выигрышной коалиции» вокруг Путина. Примаков вынужденно объявил о своем отказе от участия в выборах, а вскоре и ОВР объявил о поддержке кандидатуры Путина на президентских выборах. Сама кампания на фоне скандальных думских выборов проходила достаточно вяло. Путин в основном использовал свой ресурс как *инкумбента* (здесь – соискателя выборной должности, который занимает ее на момент выборов), опираясь на поддержку общественного мнения, значительно возросшую после его назначения исполняющим обязанности президента. По ходу кампании в лагерь сторонников Путина переходили все новые политические и неполитические организации и публичные деятели, не говоря уже о региональных лидерах и представителях экономических элит. Хотя все эти акторы серьезной роли в ходе кампании не играли, их позиции носили знаковый характер,

демонстрируя обществу консенсус, сложившийся вокруг фигуры популярного лидера. Его лидерство оказалось безоговорочным, и речь о каких-либо обязательствах Путина по отношению к союзникам даже не шла. Характерно, что Путин даже отказался представить свою предвыборную программу, заявив, что в этом случае она подвергнется критике со всех сторон.

Голосование продемонстрировало безоговорочную победу Путина – он набрал 52,9 % голосов избирателей, и эти результаты выборов не были оспорены никем из кандидатов. Их политический исход ни у кого не вызывал сомнений. 7 мая 2000 года Путин официально вступил в должность Президента России. «Война за ельцинское наследство» завершилась вместе с периодом «лихих» 1990-х годов приходом к власти нового главы государства.

1990-е: промежуточные итоги

Насыщенные острыми конфликтами и временными тактическими компромиссами элит 1990-е годы большинство специалистов расценивали как весьма неоднозначный и глубоко противоречивый с точки зрения период политического развития страны. В самом деле, задачи «тройного перехода» были решены лишь частично и далеко не должным образом. Если затянувшиеся и болезненные экономические реформы после кризиса 1998 года начали, наконец, приносить плоды, и глубокий и длительный трансформационный спад сменился весьма впечатляющим ростом экономики вплоть до 2008 года, то два других измерения российской трансформации демонстрировали масштабные патологии. Это касалось как решения проблем национально-государственного устройства страны, так и характеристик ее политического режима.

Казалось бы, несмотря на трагическое разрешение конфликта октября 1993 года, Россия, пусть и непоследовательно и неуверенно, но двигалась по пути демократизации. В самом деле, на референдуме была принята новая конституция (пусть даже и весьма далекая от идеалов демократии), сформированы основы избирательной системы, начал работать профессиональный парламент, избранный в условиях межпартийной конкуренции, созданы благоприятные условия для развития партийной системы. Но эти реформы были лишь частичными – они не создавали ни институциональных гарантий проведения честных выборов, ни

механизмов смены власти в результате конкуренции за голоса избирателей (то есть демократической подотчетности). Собственно, президентская кампания 1996 года развеяла иллюзии в отношении демократического потенциала политического режима в стране. Конкуренция группировок и клик среди российских элит, борьба региональных и общероссийских заинтересованных групп обуславливали фрагментацию «выигрышных коалиций» и поддерживали междоусобицу, внешне напоминая демократическую конкуренцию, но построенную на иных основаниях. Проще говоря, ни один из акторов в 1990-е годы не обладал достаточными ресурсами для монополизации власти, в том числе из-за того, что сами ресурсы были распылены, а возможности акторов по их изъятию и перераспределению наталкивались на слабость и фрагментацию государства. Поскольку политический плюрализм в стране поддерживался словно «по умолчанию», постольку и компромиссы российских элит носили временный и неустойчивый характер.

Эти компромиссы повлияли и на формальные и неформальные «правила игры» – многие принимавшиеся в 1990-е годы законы (включая и нормативные акты, регулировавшие экономическую политику, отношения Центра и регионов, деятельность органов власти, а также электоральную политику) были полны половинчатых формулировок, умолчаний и «дыр». Однако парадоксальным образом, в условиях отмечавшейся всеми наблюдателями слабости российского государства, эти «правила игры» поддерживали, по крайней мере на время, элементы демократического устройства. Но платой за такое поддержание статус-кво стал ряд глубоких патологий в политике и управлении. В части партийной системы России специалисты критиковали ее избыточную фрагментацию (из-за повышенного предложения во всех сегментах российского электорального рынка) и высокий уровень электоральной неустойчивости (из-за высокой эластичности спроса избирателей) ^[101]. В общенациональной и особенно субнациональной электоральной политике также отмечались ключевая роль непартийных политиков, опиравшихся на региональные и/или на отраслевые группы интересов, а также заведомо несправедливый характер выборов и на федеральном уровне, и в ряде регионов страны ^[102]. В части взаимоотношений Центра с российскими регионами наблюдалась спонтанная передача важнейших рычагов управления сверху вниз, к которым относились:

(1) правила регулирования (принятие региональных законов, ряд из которых противоречил федеральным нормам, а также систематическое неисполнение федеральных законов на уровне отдельных регионов) ^[103] ; (2) административные ресурсы, в том числе влияние регионов на назначение руководителей федеральных органов власти, включая силовые структуры (прокуратура, милиция), а в ряде случаев также и их переход в подчинение региональных политико-финансовых (а то и криминальных) группировок ^[104] ; (3) экономические ресурсы и особенно права собственности, которые в значительной мере переходили под контроль региональных администраций, игравших роль «группы вето» ^[105] в экономической политике, а также контроль над бюджетными средствами, субнациональная доля которых возросла в общем объеме российского бюджета в 1998 году до почти 60 % за счет сокращения доли средств, находившихся под управлением Центра. Утрата Центром рычагов воздействия на региональные политические процессы вела к превращению региональных элит в акторов, способных играть роль «группы вето» в ходе федеральных выборов, тем самым вынуждая Центр к новым уступкам. «Захват государства» группами бизнеса и вызванные им извлечение ренты и коррупция делали практически невозможным реализацию сколько-нибудь последовательного политического курса в различных сферах. Наконец, систематическое откладывание или замораживание принятия многих крайне необходимых решений сыграло немалую роль и в финансовом кризисе 1998 года ^[106] .

Суммируя, можно утверждать, что российское государство в 1990-е годы пребывало в состоянии глубокого упадка и фрагментации с точки зрения как своего силового, так и инфраструктурного потенциала. Хотя такое положение дел, наряду с фрагментацией элит, и препятствовало развитию авторитарных тенденций российского политического режима, но оно носило неустойчивый и неэффективный характер и рассматривалось многими участниками политического процесса и наблюдателями как временное и нежелательное. Все понимали, что в 2000-е годы политическое равновесие, сложившееся после 1993 года и поддерживавшееся «по умолчанию», ждут серьезные перемены, хотя никто не был уверен, окажутся ли они к лучшему. В конечном итоге, хотя спрос на перемены и был удовлетворен в 2000-е годы, но лекарство от патологий 1990-х годов оказалось опаснее самих болезней переходного периода.

Глава 4. 2000-е: «навязанный консенсус»

Представим себе наблюдателя за политическими процессами в России, который, подобно герою научно-фантастических романов, погрузился в летаргический сон в конце августа 1998 года и очнулся от него ровно десять лет спустя. Скорее всего, этот наблюдатель, по крайней мере на первый взгляд, мог бы не узнать страну, выступавшую предметом его интереса, и удивиться произошедшим переменам. На смену глубокому экономическому кризису пришли уверенный рост всех показателей и весьма успешное социально-экономическое развитие (впрочем, вскоре они сменились глубоким, хотя и краткосрочным спадом 2008–2009 годов). На смену междоусобице различных сегментов элит и слабости государства как в Центре, так и в регионах пришли иерархия системы управления страной, известная как «вертикаль власти», и доминирующее положение «партии власти» «Единая Россия» в федеральном и региональных парламентах. Прежнее глубокое недоверие общества к лидерам страны и к проводимому ими курсу сменилось высоким уровнем массовой поддержки статус-кво ^[107]. Наконец, за десятилетие в России дважды произошла смена главы государства в ходе президентских выборов – избранного в 2000 году на этот пост Владимира Путина после двух законных президентских сроков в марте 2008 года сменил 42-летний первый вице-премьер российского правительства Дмитрий Медведев.

Впервые увидевший эту картину наблюдатель, скорее всего, согласился бы с мнением тех своих коллег, кто утверждали, что Россия может служить примером «нормальной» демократической страны, преодолевающей со временем многочисленные болезненные патологии своего развития ^[108]. Возможно, ему даже пришлось бы по вкусу утверждения о том, что Россия «подымается с колен», а ее политический режим не только успешно развивается, но и вправе выступать образцом для ряда других стран. Однако после более пристального и внимательного анализа от взгляда наблюдателя не могли бы укрыться многочисленные фундаментальные дефекты российского политического режима и «правил игры», лежащих в его основании. Наблюдателю пришлось бы в полной мере оценить и несвободные и несправедливые выборы, сопровождающиеся многочисленными фальсификациями итогов голосования, и ставшие рутинной нормой злоупотребления в

использовании государством своих рычагов контроля над экономическими ресурсами, и политически зависимые и послушно штампующие спущенные «сверху» решения суды и, наконец, повсеместную коррупцию, представляющую собой не просто побочный продукт, но основное содержание государственного управления в России.

Многие из этих явлений были вполне знакомы наблюдателю еще во времена «лихих 1990-х», но степень и масштабы их распространенности в 2000-е годы весьма существенно возросли. Первоначальный оптимизм нашего наблюдателя, вероятнее всего, сменился бы, как минимум, скепсисом и заставил бы его сделать вывод о том, что за внешним «фасадом», казалось бы, успешного преодоления трудностей переходного периода 1990-х годов в России скрывались глубокие изъяны ее политического устройства. Более того, за десятилетие они не только не были исправлены, но, напротив, во многих отношениях даже усугубились.

В чем причины такого сочетания преемственности и изменчивости в российской политике 2000-х годов, и как они отразились на траектории политической эволюции нашей страны? Был ли этот период ее политической истории, который одни специалисты расценивали как «стабильность», а другие – как «застой», альтернативой турбулентному периоду «лихих» 1990-х либо, скорее, его логическим продолжением? Почему и как Путин и его соратники смогли монополизировать политическую власть в стране? Каковы были в этот период стимулы и стратегии российских лидеров для достижения их политических целей, какие факторы способствовали их успеху? И почему Путин, проведший огромную работу по строительству авторитаризма в России, передал пост главы государства своему преемнику Дмитрию Медведеву? Поискам ответов на эти и другие вопросы посвящена данная глава.

«Навязанный консенсус»: истоки и механизмы

Приход Владимира Путина к власти в 1999–2000 годах в известной степени стал итогом серии случайностей. Оказавшийся в нужное время в нужном месте и проявивший личную лояльность к своему патрону Ельцину, он казался именно тем человеком, который мог гарантировать безопасность прежнему президенту и членам его семьи, – не только с точки зрения угрозы преследований со стороны новых властей, но и в плане поддержания основ сложившегося в 1990-е годы политического режима и экономического строя. Эти задачи Путину удалось решить вполне успешно. Однако в историю России он вошел не столько как преемник Ельцина, сколько как лидер, в период правления которого страна пережила высокие темпы экономического роста, с одной стороны, и монополизацию политической власти – с другой. В этом плане президентство Путина представляло собой глубокий контраст по отношению к периоду правления Ельцина, характеризовавшемуся не только глубоким и длительным трансформационным спадом, но и политической междоусобицей, и острыми конфликтами элит.

С точки зрения формальных «правил игры» институциональное наследство, которое Ельцин оставил своему преемнику, казалось бы, позволяло эффективно монополизировать власть, опираясь на конституцию, предоставлявшую главе государства широкие и слабо ограниченные полномочия и как будто бы превращавшую его в доминирующего актора чуть ли не по умолчанию. Но на деле такому развитию событий препятствовали как минимум три обстоятельства. Во-первых, из-за слабости российского государства лидеры страны могли применять для поддержания своего господства как «кнут», так и «пряник», лишь в ограниченном масштабе. Во-вторых, фрагментация элит не позволяла эффективно и устойчиво поддерживать «выигрышную коалицию», крепко сплоченную вокруг главы государства. В-третьих, уровень массовой поддержки и лидеров, и режима в целом в 1990-е годы оставался весьма низким – на фоне спада в экономике он воспринимался как крайне неэффективный.

Таким образом, чтобы стать доминирующим актором не на словах, а на деле и соответствовать тому «идеальному типу» главы государства, который обрисовал Ельцин («кто-то должен быть главным в стране: вот и все») [\[109\]](#), Путину необходимо было

одновременно решить три взаимосвязанные задачи: (1) восстановить и резко укрепить силовой и распределительный потенциалы российского государства; (2) принудить различные сегменты российских элит к подчинению главе государства, минимизировав риски нелояльности с их стороны; (3) добиться устойчиво высокого уровня массовой поддержки режима. Если решение задач (1) и (3) требовало от Путина и его соратников успешных шагов по реорганизации государственного управления и по экономическому развитию страны, то решение задачи (2) носило прежде всего политический характер. Путину предстояло не просто показать российскому правящему классу «кто в доме хозяин» – ведь и Ельцин также время от времени увольнял высокопоставленных чиновников и даже порой применял силовые методы подавления конкурентов (как это произошло в октябре 1993 года и чуть было не случилось в марте 1996 года). Путину же необходимо было создать и поддерживать то сочетание негативных и позитивных стимулов для российских элит, которое обеспечивало их лояльность главе государства и режиму в целом безотносительно к особенностям «текущего момента». Иначе говоря, доминирующий актер должен был предложить своим подчиненным такое сочетание «кнута» и «пряника», которое не оставляло бы им иного выбора стратегии поведения, кроме безусловного подчинения – по доброй воле или вынужденно. Такой механизм координации среди элит далее обозначается как *навязанный консенсус* [110] – пожалуй, наиболее точная и краткая его характеристика содержится в высказывании из фильма «Крестный отец»: «предложение, от которого невозможно отказаться». Важно учесть ключевую особенность, отличавшую российский «навязанный консенсус» 2000-х годов от того подхода, который использовали для достижения своих целей персонажи «Крестного отца». Если клан Корлеоне и его противники опирались главным образом на насилие и/или угрозы его применения, то российский политический режим в целом не был репрессивным. Напротив, главным средством, поддерживавшим «навязанный консенсус», был отнюдь не «кнут», а «пряник». Лояльность по отношению к режиму и лично к Путину открывала различным сегментам российских элит доступ к тем или иным «кормушкам» – источникам ренты – в обмен на поддержку ими статус-кво. Такой механизм, основанный на коррупции, с одной стороны, открывал участникам «навязанного консенсуса» весьма широкие возможности для личного обогащения, а с другой – позволял в

любой момент избавиться от нелояльных подчиненных акторов, обвинив их в тех или иных злоупотреблениях. Хотя поддержание «навязанного консенсуса» с помощью этих средств, на первый взгляд, было крайне неэффективным и дорогостоящим, но его выгоды для поддержания режима намного превышали издержки. С одной стороны, Путин смог быстро сформировать «навязанный консенсус» и сделать его весьма устойчивым во многом благодаря своим успехам на фронтах экономического роста и государственного строительства. С другой стороны, опираясь на этот механизм, он смог переформатировать «правила игры» в российской политике, предприняв серию шагов по институциональному закреплению авторитаризма на нескольких важнейших аренах (разделение властей, партийная и избирательная системы, взаимоотношения Центра и регионов). В конечном итоге, эта стратегия российских лидеров во многом способствовала успешному достижению их политических целей.

Тем не менее, при всем различии средств для достижения своих целей: максимизации собственной власти, богатства и обусловленного ими престижного потребления в самых разных формах – подход Путина к строительству своей «выигрышной коалиции» имел много общего с методами Вито Корлеоне со товарищи. В основе этого подхода лежала опора на персональные связи патрона с его многочисленными разнородными клиентами, которые так или иначе были лично обязаны своему «крестному отцу», обеспечивавшему их благополучие, и безусловно ему лояльны. В отличие от Ельцина, который вынужден был на обломках рухнувшего прежнего режима в 1990-е спешно лепить свою «выигрышную коалицию» из того материала, что оказывался у него под рукой, Путин в условиях «постреволюционной» консервативной стабилизации в 2000-е [\[11\]](#) обладал запасом времени и ресурсов для последовательного и целенаправленного выстраивания «навязанного консенсуса». На протяжении этих лет он умело подбирал и расставлял на ключевые позиции верных соратников, находил и порой создавал безопасные ниши для случайных и нестойких «попутчиков» и изолировал нелояльных потенциальных конкурентов, способных бросить ему вызов. Такая перегруппировка сил позволила Путину сформировать совершенно иную структуру персональных связей в рамках «выигрышной коалиции».

Филипп Чапковский, сравнивавший изменения социальных связей российских элит в 2000-е годы, блестяще продемонстрировал достижения Путина на этом пути. В 2000 году, когда Путин только пришел к власти, персональные взаимосвязи членов правительства страны строились вокруг нескольких конкурировавших между собой «узловых» персонажей (включая видных деятелей эпохи Ельцина, таких, как Анатолий Чубайс). На этом фоне сам Путин выглядел не более чем первым среди равных (в журналистском сленге такая схема внутриэлитных взаимодействий получила название *башни Кремля*). Однако к 2008 году, когда Путин уступил на время президентский пост Медведеву, он оказался уже, по сути, единственным центром притяжения всех персональных взаимосвязей членов правительства – среди элиты попросту не оказалось тех, кто обладал независимым от доминирующего актора потенциалом влияния (такую схему взаимосвязей, скорее, можно уподобить своего рода *солнечной системе*) [112]. Конечно, группировки и клики в составе элит никуда не делись, но доминирующий актер смог если не полностью определять поведение тех или иных акторов и ключевые решения в политике, то, по меньшей мере, не допускать нежелательных ему действий.

Изначально у Путина на руках оказались два главных козыря, с помощью которых он смог переиграть всех своих реальных и потенциальных соперников. Во-первых, Путин обрел легитимность на поле электоральной политики. Его победа на президентских выборах, основанная на широкой массовой поддержке, представляла собой разительный контраст с переизбранием на второй срок Ельцина в 1996 году, состоявшемся лишь в результате негативного консенсуса элит. Если поддержка избирателями Ельцина в 1996 году была выбором *против* Зюганова, то в 2000 году она являлась голосованием *за* Путина, хотя выбор в его пользу был сделан и не ими [113]. Во-вторых, успеху Путина способствовала смена тенденций экономического развития страны после пережитого ею спада 1990-х годов и, особенно, кризиса 1998 года. Благоприятная конъюнктура мировых рынков (иначе говоря, высокие цены на нефть) позволила правительству России в относительно недолгие сроки решить проблемы финансовой стабилизации, укрепления национальной валюты, ликвидации задолженности по зарплатам и пенсиям, выплаты части внешнего долга и др. Последствия кризиса были преодолены, и это открыло дорогу для новых шагов на пути экономических реформ. Ключевые

посты в экономическом блоке правительства заняли либеральные экономисты, и вскоре правительство страны одобрило разработанную под их руководством программу экономической политики, выдержанную в духе либерального курса начала 1990-х годов, хотя условия для ее реализации были куда комфортнее, чем десятилетием ранее. Плоды успешного курса экономических реформ начала 2000-х (прежде всего, снижения налогов), безусловно, усилили позиции Путина ^[114], обеспечивая ему немалую «свободу рук» в политике, в том числе и благодаря высокой популярности в глазах россиян. В течение всего периода 2000–2008 годов никакие факторы и обстоятельства не смогли ослабить популярность Путина среди различных групп населения – по данным различных опросов уровень его массовой поддержки на протяжении этих лет никогда не опускался ниже 60–65 % ^[115]. Таким образом, претензии Путина на роль доминирующего актора в российской политике легли не просто на подготовленную, но и тщательно удобренную почву на уровне не только взаимодействий элит, но и взаимоотношений элит и масс.

Однако умелое выстраивание состава и композиции «выигрышной коалиции» служило хотя и необходимым, но недостаточным условием для успеха. В самом деле, Путину было необходимо не просто расставить лично лояльных ему деятелей на ключевые посты (хотя и эту задачу решить было нелегко), но и поменять формальные и неформальные «правила игры», которые достались ему в наследство и от советского периода, и от 1990-х годов. А это, в свою очередь, требовало от Путина и его соратников не просто весьма разнообразных и довольно длительных во времени усилий на разных фронтах, но и выбора ими оптимальной последовательности действий по успешному выстраиванию и поддержанию «навязанного консенсуса».

Первыми шагами на этом пути стали меры по принуждению к лояльности тех акторов, которые служили для Путина источниками определенных вызовов, – прежде всего: парламента, политических партий, региональных элит, «олигархов» и СМИ. Так, Путин начал свое президентство с решительных намерений восстановить и укрепить административный потенциал российского государства, как в силовом, так и в распределительном отношении. Его программные заявления содержали ключевое слово *государство*, употреблявшееся едва ли не в том же ключе, что слово «рынок» в выступлениях либеральных экономистов начала 1990-х годов или,

если угодно, что и слово «Бог» в религиозных текстах ^[116] . На практике достижению этой цели способствовали военные действия в Чечне и попытки использования сил служб безопасности в качестве инструмента внутренней и внешней политики. Хотя критически настроенные наблюдатели напрямую связывали такой способ «возрождения государственности» с прошлым Путина как сотрудника КГБ ^[117] , причины и следствия этих изменений были значительно глубже. Они означали не только усиление роли сегментов элит, связанных с вооруженными силами и службами безопасности (которые в российской политике после 1991 года были вытеснены на периферию принятия решений), но и использование вооруженных сил и, главным образом, правоохранительных органов как влиятельного политического инструмента в руках нового доминирующего актора.

Эта стратегия «возрождения государственности» в экономическом смысле была дорогостоящей. Но в итоге опора на силовые структуры как на основной ресурс государственного строительства оказалась для Кремля выигрышной. С одной стороны, Путин эффективно использовал его для восстановления и поддержания баланса сил между различными сегментами элит, с другой – лозунг «наведения порядка», преподнесенный российскому обществу как «диктатура закона», изначально был с энтузиазмом воспринят на уровне массовой поддержки нового главы российского государства. Однако вновь, как и ранее в 1990-е годы, в 2000-е годы в России оказался справедлив горький тезис Адама Пшеворского о том, что «поскольку любой порядок лучше любого хаоса, любой порядок и устанавливается» ^[118] .

Следующими шагами Путина и его команды стало первичное реформирование той «выигрышной коалиции», которая досталась им в наследство от предшественника. С момента прихода Путина к власти он стремился инкорпорировать в неконкурентную систему обмена ресурсами тех акторов, кто мог претендовать на политическую автономию. Те же, кто пытался претендовать на политическое влияние за пределами рамок «навязанного консенсуса», стали объектами атак со стороны государственного аппарата и/или вскоре перестали оказывать значимое воздействие на ход событий.

Первым знаковым событием в этой связи стало начало работы нового созыва Государственной Думы. Гели в 1993–1999 годах нижняя палата служила базой оппозиций различных оттенков (от

КПРФ до «Яблока»)), то после триумфа «Единства» сторонники Путина могли претендовать если не на большинство мандатов, то, по крайней мере, на роль «группы вето» ^[119]. Уже на первом заседании «Единство» и его союзники при поддержке президентской администрации достигли неформального соглашения с КПРФ о разделе между собой наиболее значимых постов в руководстве Думы и ее комитетов не пропорционально численности депутатов во фракциях (как это было ранее), а по принципу большинства ^[120]. Коммунисты сохранили за собой пост председателя палаты, а «Единство» и его сателлиты провели своих представителей в председатели ключевых комитетов Думы. В результате этого другие фракции (прежде всего, «Отечество») получили лишь ряд второстепенных постов и в итоге вынуждены были согласиться с подчиненным статусом. «Отечество» заявило о своем союзе с «Единством» на правах младшего партнера и вскоре было подвергнуто принудительной кооптации в состав созданной по инициативе Кремля новой партии – «Единая Россия» – по принципу «недружественного поглощения». «Единая Россия» и ее сателлиты создали в Думе коалицию в поддержку Путина, обладавшую 235 голосами депутатов. В свою очередь, обеспечив себе устойчивое лояльное парламентское большинство, Кремль организовал передел власти в Думе – весной 2002 года коммунисты и их союзники были поставлены перед выбором: либо лишиться постов руководителей палаты и ее комитетов, либо покинуть партию, после чего КПРФ окончательно и бесповоротно утратила влияние на деятельность парламента ^[121]. Таким образом, Кремль смог обеспечить безусловный контроль над принятием в парламенте основных законов, и правительство страны впервые за десять лет политики экономических реформ получило поддержку в парламенте, требуемую для принятия ряда необходимых и длительное время откладывавшихся им мер в области налогового, трудового, пенсионного, судебного законодательства. Политическое значение парламента оказалось, по сути, сведено к юридическому оформлению решений, уже принятых исполнительной властью ^[122].

Успех в обеспечении контроля над Думой помог Кремлю и в реализации плана по рецентрализации власти и ослаблению влияния региональных политических элит. В мае 2000 года Путин объявил о создании на территории России семи федеральных округов, каждый из которых включал в себя ряд регионов страны, и о назначении в них своих полномочных представителей с широким

и слабо очерченным набором полномочий. Президентские «наместники» должны были обеспечить контроль за соблюдением в регионах федеральных законов и за использованием федерального имущества, а также координировать действия территориальных служб федеральных органов исполнительной власти, прежде всего – силовых структур. Таким образом, власть региональных лидеров, многие из которых бесконтрольно распоряжались ресурсами своих «вотчин», оказалась частично ограничена ^[123]. Однако правовые основания для их господства создавали не только широкие и слабо определенные полномочия глав исполнительной власти регионов, но и порядок формирования верхней палаты парламента – Совета Федерации, который с 1996 года состоял из руководителей законодательных собраний и органов исполнительной власти регионов. Этот механизм повсеместно критиковался как неэффективный с точки зрения и законотворчества, и представительства интересов регионов в Центре. Путин предложил новый законопроект, направленный на то, чтобы лишить глав органов власти регионов мест в верхней палате парламента (и, таким образом, лишить их влияния на принятие решений в Центре, а заодно и депутатской неприкосновенности). Летом 2000 года лояльная Дума приняла закон, согласно которому к началу 2002 года их места в Совете Федерации были заняты профессиональными законодателями. Новые члены верхней палаты, однако, назначались на свои посты региональными органами власти. В новый состав верхней палаты вошли в основном профессиональные лоббисты, вполне лояльные Кремлю, но обладавшие весьма сомнительной легитимностью. Вскоре после этой реформы Совет Федерации утратил самостоятельное политическое значение и лишь послушно «штамповал» решения, принятые Кремлем и одобренные Думой ^[124].

Курс рецентрализации управления страной, получивший в широком обиходе название *укрепление вертикали власти*, преследовал цели усиления позиций главы государства за счет ослабления региональных элит по принципу «игры с нулевой суммой». Другой закон, одобренный Думой, дал президенту право распускать региональные законодательные органы и смещать с постов избранных населением глав исполнительной власти регионов в случае нарушения ими федеральных законов (в отдельных случаях – даже без решения суда). Несмотря на сопротивление Совета Федерации, эти законы были быстро

приняты с незначительными поправками, и большинство региональных лидеров вынужденно согласились со своим подчиненным статусом. Для тех же, кто не готов был играть по этим правилам, уроком послужил конфликт в ходе выборов главы администрации Курской области, когда действующий губернатор Александр Руцкой за день до голосования был исключен из предвыборной борьбы по решению суда из-за нарушений им закона о выборах в ходе кампании (хотя по этим мотивам можно было лишиться права быть избранным любого претендента, включая и Путина). Неудивительно, что вскоре никто из региональных лидеров уже не смел не то чтобы открыто возражать Путину, но и претендовать на политическую автономию от Кремля.

Одновременно, Кремль усилил давление на неподконтрольные ему средства массовой информации – и, прежде всего, на телевидение, имевшее наиболее широкую аудиторию и во многом способное повлиять на общественное мнение. Летом 2000 года, пользуясь контролем государства над 51 % акций первого канала телевидения, охватывавшего всю страну (компания ОРТ), Кремль добился смены политики канала, отстранив от рычагов управления «олигарха» Бориса Березовского, который ранее фактически управлял им как своей собственностью. Единственным общероссийским негосударственным телеканалом осталось НТВ, принадлежавшее другому «олигарху», Владимиру Гусинскому. НТВ поддержало «Отечество» на парламентских и Явлинского на президентских выборах и открыто критиковало политику Путина в Чечне. В мае 2000 года Генеральная прокуратура возбудила уголовное дело против Гусинского и возглавляемых им компаний, и вскоре Гусинский был арестован, хотя позднее выпущен на свободу и выехал за границу. После этого на НТВ стал претендовать его крупнейший кредитор – контролируемый государством концерн «Газпром», который в конце концов добился смены руководства компании и его редакционной политики. Часть журналистов НТВ, не согласных с этим решением, перешла на канал ТВ-6, контролируемый тем же Березовским. Но к концу 2001 года и ТВ-6 был закрыт по решению суда. Другие средства массовой информации, ранее занимавшие независимую позицию, после этого уже не решались проявлять нелояльность к Путину и его политике [125].

Развитие взаимоотношений между правительством и представителями крупного бизнеса («олигархами») проходило по

той же схеме «кнута» и «пряника» – то есть поощрения лояльных и наказания тех, кто претендовал на автономию. Уже летом 2000 года Путин на встрече с «олигархами», проходившей в его загородной резиденции, сделал ключевым лидерам российского бизнеса «предложение, от которого невозможно отказаться» – оно позднее получило неофициальное название *шашлычного соглашения* [126]. Суть его состояла в том, что государство не будет пересматривать права собственности и сохранит «равноудаленный» подход по отношению к «олигархам», в то время как Большой Бизнес должен сохранять лояльность по отношению к властям и не вмешиваться в процесс принятия важнейших политических решений. Лишь немногие «олигархи» не согласились с условиями этого неформального соглашения и подверглись наказанию – тот же Борис Березовский лишился части своих активов, вынужден был продать оставшиеся по заниженной цене и вслед за этим покинуть Россию. У остальных представителей российского бизнеса в такой ситуации уже попросту не оставалось выбора. С одной стороны, президентская администрация восстановила контроль над крупнейшими корпорациями. Наиболее ярким тому примером стала смена менеджмента крупнейшего газового монополиста – «Газпрома». С другой стороны, Генеральная прокуратура и налоговые органы предприняли ряд проверок и расследований в отношении некоторых компаний, обвиняя их в неуплате налогов и других нарушениях законов. Эти атаки четко обозначали намерение Кремля ограничить влияние групп экономических интересов на принятие значимых решений и минимизировать их политическую автономию путем включения в новую систему подконтрольности по отношению к государству. Сходные тенденции возобладали и в отношениях государства с некоммерческими общественными организациями «третьего сектора», получившими доступ к государственной поддержке в обмен на политическую лояльность. Неудивительно, что вскоре не только все лидеры бизнеса, но и почти все сколько-нибудь влиятельные общественные деятели страны оказались полностью лояльны Кремлю, по доброй воле или вынужденно согласившись на подчиненный статус.

Таким образом, уже в течение первых лет своего правления Путин добился важнейших успехов на пути монополизации власти. Выстраиваемый им «навязанный консенсус» российских элит был основан на следующих принципах. Во-первых, это согласие элит на отказ от открытой политической конкуренции (то есть, фактически,

табу на демократию как таковую). Во-вторых, это признание элитами господства доминирующего актора над всеми остальными (подчиненными) субъектами на условиях взаимного обмена ресурсами между ними. В-третьих, согласие элит с преобладанием неформальных и специфических «правил игры» (которые могли меняться в угоду доминирующему актору) над общими и едиными для всех акторов формальными нормами и «правилами игры» в регулировании политических отношений.

Последний принцип, казалось бы, противоречил идее «диктатуры закона», которую выдвинул Путин в центр своей политической программы. Но на деле путинская «диктатура закона» существенно отличалась от принципа *верховенства права* (rule of law). На практике она означала сугубо инструментальное использование правовых механизмов как орудия селективного применения санкций в рамках системы обмена ресурсами между элитами. В случаях конфликта вокруг НТВ или «казуса Руцкого» правовые нормы или обвинения в их нарушении использовались лишь для обслуживания текущих интересов доминирующего актора. Такого рода набор норм и правил, равно как и система их селективного применения государственным аппаратом, ставшие частью «навязанного консенсуса», способствовал не установлению единых «правил игры» как основы верховенства права, а служил своеобразным фасадом, или «дымовой завесой», для деформализации «правил игры» [127] и обеспечения *господства произвола* (arbitrary rule) [128]. Эти инструменты были еще более успешно использованы Кремлем на следующем этапе выстраивания и поддержания «навязанного консенсуса».

«Партия власти» и «вертикаль власти»: от конкуренции – к иерархии

Все правители в мире хотели бы управлять своими странами как можно дольше и безо всяких сдержек и противовесов. Однако в условиях стабильных политических режимов они сталкиваются с ограничениями, которые на них накладывают институты и другие политические акторы (как внутренние, так и международные). Неудивительно, что лидеры вновь возникающих государств порой более успешны в строительстве авторитарных режимов «с нуля», если они способны избежать этих ограничений и не допустить появления альтернатив создаваемым им режимам. После распада СССР постсоветские государства демонстрировали широкий спектр вариантов строительства персоналистских авторитарных режимов, некоторые из которых потерпели полный крах в ходе «цветных революций» 2003–2005 годов в Грузии, Украине и Кыргызстане. В этом плане Россия 2000-х годов отличалась использованием иной стратегии строительства авторитарного режима. В то время как российский режим 1990-х годов был сугубо персоналистским, несмотря на несколько (безуспешных) попыток Кремля по созданию «партий власти» [\[129\]](#), авторитарный поворот в России 2000-х годов сопровождался взлетом «Единой России», вплоть до настоящего времени доминирующей на парламентских и электоральных аренах национального и регионального уровней. В течение 2000-х годов Кремль предпринял ряд последовательных целенаправленных усилий по созданию доминирующей партии в целях закрепления стабильности и обеспечения преемственности складывавшегося в России нового авторитарного режима [\[130\]](#).

Почему Кремль обратился к этой стратегии в 2000-е годы? В известной мере такой выбор обусловлен уроками, которые российские лидеры извлекли из опыта России 1990-х годов и из опыта других постсоветских стран. Хотя политический режим 1990-х годов был довольно непопулярен среди российских граждан (главным образом, в силу своей низкой эффективности), Кремль все же обладал широким пространством для маневра благодаря эффективному использованию тактики «разделяй и властвуй». Но в целом такой подход в плане преемственности и стабильности режима был довольно рискованным, о чем говорит опыт ряда других постсоветских стран, в частности Украины [\[131\]](#). Да и в

России процесс смены главы государства в 1999–2000 годах спровоцировал подрыв лояльности прежде подчиненных региональных и отраслевых элит, создавших в преддверии парламентских и президентских выборов 1999–2000 годов рыхлую коалицию «Отечество – Вся Россия», представлявшую угрозу политическому (если не личному) выживанию Ельцина и его окружения. Хотя Кремль смог избежать такого развития событий благодаря успешной избирательной кампании [132], повлекшей за собой переход элит в лагерь сторонников «Единства», в 2000-е годы российские лидеры не хотели вновь наступать на те же самые грабли. Кроме того, первые годы правления Путина изменили и временной горизонт, которым оказался способен оперировать Кремль. В 1990-е годы предел времени, которым оперировали российские политики, составлял месяцы; в 2000-е ему на смену пришли уже не просто годы, но электоральные циклы общенациональных выборов. Таким образом, Путин мог планировать сохранение своего господства «всерьез и надолго» и потому, помимо краткосрочных соображений, стремился и к созданию долгосрочных оснований, способных обеспечить стабильность и преемственность политического статус-кво.

С этой точки зрения конфигурация авторитарного режима, сформированная в России в начале 2000-х годов, служила не слишком полезным инструментом достижения целей Кремля. При этом российские лидеры вынуждены были выбирать между двумя возможными стратегиями строительства авторитарного режима. Одним из вариантов мог стать «жесткий» вариант персоналистского авторитаризма (подобного режиму в Беларуси, если не в Туркменистане), поддерживающего лояльность элит и масс путем интенсивного использования репрессий. Но такая стратегия стала бы для Кремля слишком затратной – помимо необходимости масштабных инвестиций в аппарат подавления, способный пресечь угрозу неповиновения, режим мог бы столкнуться с вызовами международной изоляции, оставаясь при этом неспособным решить проблему преемственности. Более того, поскольку в рамках «жестких» авторитарных режимов шансы представителей элит оказаться жертвами репрессий гораздо выше, чем у обычных граждан, то российская «выигрышная коалиция» не имела стимулов для столь рискованного предприятия. Альтернатива в виде форматирования «мягкого» авторитарного режима, опирающегося на доминирующую партию, выглядела намного привлекательнее как

для Кремля, так и для различных сегментов элит. Такой режим мог служить эффективным инструментом правящей группы, поскольку позволял: (1) повысить легитимность режима с помощью весьма эффективного политического патронажа и препятствования появлению альтернатив существующему статус-кво [\[133\]](#) ; (2) успешно и гибко реализовывать политический курс правящей группы благодаря неидеологической природе режима и доминирующей партии [\[134\]](#) ; (3) поддерживать консолидацию элит посредством взаимно усиливающих друг друга политических и административных механизмов. Однако, хотя выбор этой стратегии строительства авторитарного режима мог принести Кремлю крупные долгосрочные выгоды, она также требовала и значительных политических инвестиций, которые не сразу давали отдачу. Несмотря на то, что политическая среда 2000-х годов была крайне благоприятной для строительства авторитарного режима в силу начавшейся рецентрализации российского государства, беспрецедентного экономического роста и концентрации контроля над важнейшими экономическими активами в руках государственного аппарата, успешная реализация стратегии Кремля, наряду с организационными усилиями, потребовала и политической, и институциональной инженерии. Кремль должен был не просто исключить нелояльность подчиненных акторов путем достижения временного и тактического «картельного соглашения», но обеспечить их полномасштабную интеграцию в состав единого механизма политического управления, координируемого главным, если не единственным, значимым центром принятия решений. «Навязанный консенсус», достигнутый Путиным в начале 2000-х годов, служил хотя и необходимым, но явно недостаточным условием для решения этой задачи, актуальность которой стала особенно значима для Кремля после волны «цветных революций» 2003–2005 годов. Новая стратегия властей включала три компонента:

- ◆ кооптацию в единый общероссийский «эшелон» локальных «политических машин», контролируемых главами исполнительной власти регионов и городов [\[135\]](#) ;

- ◆ выстраивание подконтрольной манипулятивной партийной системы, обеспечивающей лояльность элит и масс существующему политическому режиму независимо от его эффективности и персонального наполнения властных позиций;

♦ возврат государственному аппарату «командных высот» в экономике, призванный, с одной стороны, максимизировать извлечение ренты чиновниками, а с другой – затруднить, если не полностью исключить, возможности альтернативной координации реальной и/или потенциальной политической оппозиции.

Хотя предпринятые в начале 2000-х годов реформы взаимоотношений Центра и регионов, получившие в российском политическом сленге название *федеральная реформа*, помогли восстановить контроль Кремля над региональными элитами, их результаты все же оказались неполными и частичными. Восстановление административного потенциала российского государства на основе укрепления рычагов контроля, повышение эффективности управления за счет сужения ресурсных баз региональных элит и подрыва «закрытых рынков» в регионах, в том числе путем захвата региональных рынков общероссийскими компаниями, рецентрализация бюджетно-финансовых потоков с помощью реформы налогового законодательства, служили «кнутом» в руках Центра, подкреплявшего его весьма сладкими «пряниками». Но, несмотря на политику рецентрализации (а отчасти даже и благодаря ей), большинство глав исполнительной власти регионов (губернаторов) в начале 2000-х годов сохранили и даже упрочили политический контроль над своими регионами благодаря кооптации и/или подавлению автономных политических и экономических акторов. По данным, которые проанализировал Григорий Голосов, если в 1995–1999 годах действующие главы исполнительной власти регионов побеждали на губернаторских выборах в 45 из 88 регионов, то в 1999–2003 годах они сохранили свои посты на 59 из 88 региональных выборов, причем потерпели поражение лишь в 16 регионах, и еще в 13 выборах не принимали участия ^[136].

Неудивительно, что в ряде случаев, не имея шансов самостоятельно добиться контроля над политической и экономической ситуацией в регионах, Кремль прибегал к выборочному индивидуальному «торгу» с влиятельными главами регионов. Исходом такого «торга» становилось либо сохранение статус-кво на уровне руководства регионом в обмен на требуемый Центру исход федеральных выборов (как произошло в 2003 году в Башкортостане), либо, напротив, уход неугодного Центру главы региона на высокий пост в Москве с последующим перераспределением власти и/или собственности в пользу Кремля. Так произошло в Якутии, глава которой отказался от участия в

выборах на новый срок в обмен на пост вице-спикера Совета Федерации, после чего Центр добился избрания главой Якутии своего кандидата и восстановил контроль над алмазной отраслью республики, в 1990-е годы фактически превратившейся в «вотчину» якутских этнических элит. Сходным путем губернаторы Приморского края и Санкт-Петербурга, критиковавшиеся за неэффективность, покинули свои посты с повышением в должности (перешли в ранг федеральных министров), а на их место пришли кандидаты, поддержанные на выборах Кремлем ^[137].

В условиях почти повсеместного нарушения в регионах федеральных законов и низкой эффективности регионального управления такие методы управления регионами, как селективность санкций и индивидуальный «торг» с губернаторами, были логичными решениями, которые позволяли Центру успешно добиваться желательных для него результатов, минимизируя при этом собственные издержки контроля. Эти меры в целом лежали в русле стратегии «диктатуры закона» – восстановления потенциала российского государства при отсутствии гарантий верховенства права – охватывавшей все сферы российской политики в 2000-е годы ^[138], и политика рецентрализации здесь отнюдь не была исключением.

Однако в дополнение к административным механизмам Центр все активнее использовал и политические институты – партии и выборы – для устранения регионализма из политической жизни страны и вертикальной интеграции всех политических процессов в регионах России под своим контролем. Принятый в 2001 году закон «О политических партиях» запретил регистрацию региональных партий, по большей части являвшихся «политическими машинами» региональных элит. Начиная с 2003 года, по инициативе президентской администрации, на выборах региональных законодательных собраний была принудительно введена смешанная избирательная система, призванная закрепить влияние в регионах федеральных партий и, прежде всего, главного орудия Кремля – «Единой России». Но эта мера с точки зрения усиления контроля Центра над региональными и местными лидерами дала лишь ограниченный эффект. Напротив, в 2003–2004 годах «Единая Россия» добивалась успехов на региональных и местных выборах лишь там, где отделения этой партии сами находились под контролем губернаторов или мэров городов. Те же, в свою очередь, не имели стимулов «класть все яйца в одну корзину» и

распределяли поддержку между разными партиями и блоками, созданными находившимися под их контролем локальными отделениями общенациональных партий. Вместе с тем, «Единой России» в большинстве регионов удалось создать влиятельные фракции в региональных законодательных собраниях, определявшие их повестку дня и процесс принятия решений. В целом, воздействие этих реформ на региональные политические режимы в России можно было описать замечанием Петра Панова: «авторитарные регионы становятся еще более авторитарными, а конкурентные – еще более конкурентными» ^[139]. Такое стимулирование межпартийной конкуренции само по себе расширяло набор политических альтернатив на региональном уровне, что в длительной перспективе могло бы способствовать подрыву губернаторских региональных «политических машин». Но подобное развитие событий едва ли входило в планы руководителей страны, которые были заинтересованы, прежде всего, в удержании собственной власти в ходе федеральных выборов 2007–2008 годов. А такой исход мог быть обеспечен лишь при включении локальных «политических машин» в состав общенациональной партийной системы.

На этом фоне решение об отказе от всеобщих выборов глав исполнительной власти регионов, хотя и принятое осенью 2004 года в силу ситуативного стечения обстоятельств, стало логическим завершением рецентрализации. Центр минимизировал политическую неопределенность в регионах, вызванную непредсказуемостью исхода конкурентных выборов, заодно снижая тем самым свои издержки. Унификация «правил игры» в регионах заметно сузила рамки различий региональных политических режимов. Если в 1990-е годы они простирались, по словам одного из аналитиков, «от вольных орд до ханской ставки» ^[140], то в 2000-е годы регионы пережили бюрократическую рационализацию за счет единообразной регламентации правил и процедур. Но это единообразие было достигнуто, скорее, не повышением открытости и прозрачности политики и управления в наиболее печально известных регионах типа Башкортостана или Калмыкии, а путем навязывания новых «правил игры» во всех без исключения регионах, независимо от результатов инноваций. По экспертным оценкам, снижение качества политических институтов (и, прежде всего, качества выборов) в регионах России в 2001–2005 годах произошло именно из-за уменьшения средних показателей в

регионах, ранее являвшихся наиболее открытыми и конкурентными. Вместе с тем, отмена губернаторских выборов вела к укреплению позиций «Единой России» в регионах. Свидетельством тому стало принятое осенью 2005 года решение о номинации кандидатов на посты глав регионов по предложению партий – победительниц региональных выборов – при том, что «Единая Россия» к 2007 году завоевала большинство практически во всех региональных законодательных собраниях.

Но на персональном уровне в отношениях Центра и регионов изменилось немного – в большинстве регионов на посты глав исполнительной власти в 2005–2007 годах были назначены прежние руководители. Такой политический курс был вызван не только дефицитом у Центра кадрового резерва региональных управленцев, но прежде всего тем, что Центр стремился к минимизации рисков и потому к сохранению статус-кво в своих взаимоотношениях с регионами, при этом возлагая на назначенных глав исполнительной власти полноту ответственности за положение дел на вверенной им территории и – самое главное – за результаты выборов. Так или иначе, если «вывести за скобки» неразрешимые проблемы политики по отношению к этническим республикам Северного Кавказа, остальные регионы России оказались полностью подчинены Центру политически, экономически и административно.

С точки зрения переформатирования партийной системы, новая «партия власти» «Единая Россия» (ЕР), обладавшая большинством мест в Думе, уже с момента своего создания могла претендовать на парламентское доминирование ^[141]. На думских выборах 2003 года, хотя список ЕР получил лишь 37,6 % голосов, закулисная коалиционная политика в одномандатных округах и последующие изменения думского регламента привели к формированию «сфабрикованного сверх-большинства» – ЕР стала обладателем более чем 2/3 думских мандатов ^[142]. В результате не только парламентское доминирование ЕР укрепилось, но и любые возможные альтернативы ему утратили смысл, а парламент, по словам председателя Думы и формального руководителя ЕР Бориса Грызлова, превратился в «не место для дискуссий», послушно одобряя все законопроекты, предложенные президентом и правительством.

Введение фактического назначения глав исполнительной власти регионов, по сути, означало новый раунд «торга» Центра с локальными лидерами, который решал проблему взаимных

обязательств элит, ранее препятствовавшую превращению «Единой России» в доминирующую партию в масштабах страны в целом. Институциональные изменения также определяли новые стимулы к поведению локальных лидеров, вынуждая их быть лояльными «Единой России» и при этом не оставляя им прежних возможностей для диверсификации политических инвестиций в различные партии и непартийные образования. Поэтому не стоит удивляться тому, что на думских выборах 2007 года 65 из 85 глав исполнительной власти регионов вошли в список «Единой России», хотя еще на думских выборах 2003 года в список ЕР входило менее половины региональных лидеров.

В свою очередь, Центр готов был сохранять у власти прежних региональных лидеров лишь в обмен на их способность приносить Центру голоса избирателей ^[143]. Способность контролировать локальный электоральный процесс любыми средствами, достигнутая порой даже в ущерб эффективности регионального и местного управления, обеспечивали выживание ранее назначенных Центром региональных лидеров и в ходе федеральных выборов 2007–2008 годов. Политический компромисс между ними и Центром по принципу «монопольное сохранение власти в обмен на „правильные“ результаты голосования» стал важнейшей составной частью российского политического режима. ЕР, в свою очередь, смогла сформировать большинство почти во всех региональных законодательных собраниях и к концу 2007 года достигла своего регионального доминирования – за отдельными исключениями, в регионах почти не осталось значимых политических альтернатив «Единой России».

Начиная с 2003 года, Кремль инициировал новую волну институциональных изменений, направленных на дальнейшее сужение поля межпартийной конкуренции. К ним следует отнести повышение барьера для прохождения списков в Государственную Думу (и в большинство региональных законодательных собраний) с 5 до 7 % и принятие новой редакции закона о политических партиях, ужесточившего организационные требования и требования членства при регистрации политических партий (50 000 членов) на фоне перерегистрации ранее созданных партий на новых условиях. Это настолько повысило входной барьер на российском рынке партийной политики, что создание новых партий стало крайне затруднительным, а численность партий, допущенных к думским выборам 2007 года, сократилась до 15 по сравнению с 46 на

предыдущих выборах. Кроме того, запрет на создание предвыборных блоков сделал крайне затруднительным выживание малых партий. Наконец, реформа избирательной системы на парламентских выборах (замена смешанной системы голосованием за закрытые партийные списки) не только повысила партийную дисциплину внутри ЕР и лояльность ее депутатов Кремлю [144], но позволила «партии власти» достичь электорального доминирования по итогам думских выборов 2007 года, когда ЕР получила 64,3 % голосов. Успеху ЕР способствовало немало факторов, начиная от высокого уровня массовой поддержки Путина как лидера списка ЕР и заканчивая несправедливым характером выборов, но вместе с тем, ни одна иная партия не способна была представить значимую альтернативу «партии власти».

Большинство политических партий в мире создаются политиками для завоевания власти посредством получения голосов избирателей. Генезис российских «партий власти» был совершенно иным – ЕР, как и ее предшественники, была создана высшими чиновниками для максимизации своего контроля над политическим процессом. Это различие определило основные характеристики российской «партии власти» в трех ключевых аспектах: партийная организация, партийная идеология и роль партии в политическом управлении. Партийная организация ЕР развивалась по принципу «внешнего управления» со стороны Кремля. В то время как официальное руководство ЕР в основном отвечало за рутинный менеджмент в рамках партии, кремлевские руководители выступали как ее внешние акционеры, контролирующие принятие стратегических решений. Таким образом, «партию власти» следует уподобить фирме, чьи активы принадлежат не ее менеджерам, а более крупному многоотраслевому холдингу, нанимающему менеджеров и исполнителей и заменяющему персонал время от времени. Так, накануне парламентских выборов 2007 года более трети бывших членов думской фракции ЕР (главным образом, депутаты-одномандатники, имевшие длительный опыт парламентской деятельности) не были включены в партийный список и утратили свои посты независимо от исхода голосования. «Внешнее управление» быстро превратило ЕР в высоко дисциплинированную и централизованную организацию – в ней полностью отсутствует внутренняя оппозиция или фракции, а все дискуссии в рамках партии строго регулируются Кремлем.

Генезис «партии власти» также повлек за собой отсутствие у нее четкой идеологии. Высшие чиновники нуждались в ЕР как в инструменте для сохранения статус-кво, но не как в инструменте изменений. Поэтому ЕР целенаправленно демонстрировала лояльность российскому политическому режиму и его лидерам, в то время как позиция партии по ключевым вопросам оставалась размытой и неопределенной. Примером здесь может служить главный лозунг ЕР в думской кампании 2007 года: «Голосуй за план Путина!», без расшифровки содержания этого «плана». Хотя критики утверждают, что идеология необходима для партий с точки зрения долговременности их существования ^[145], но в краткосрочной перспективе, «неидеологичность» ЕР служила, скорее, активом партии, нежели ее бременем, внося свой вклад в успех «партии власти». На фоне снижения политической неопределенности в России 2000-х годов спрос на идеологии как продукт на российском электоральном рынке резко снизился. Отсутствие идеологии оставляло ЕР широкое пространство для политического маневра, которое было недоступно раздробленной оппозиции.

Наконец, генезис «партии власти» обрекал ее на подчиненную роль в процессе выработки и реализации политического курса – предельно огрубляя, Кремль нуждался в ЕР как в послушном исполнителе, а не как в автономном партнере. Это привело к значительной асимметрии в процессе политического управления – в то время как ключевые федеральные и, особенно, региональные чиновники вступали в ряды ЕР, сами члены партии (включая даже партийных депутатов) лишь время от времени вознаграждались второстепенными постами в исполнительной власти, в основном, благодаря своим персональным качествам, а не в силу принадлежности к партии. За пределами парламентской и электоральной арен роль «партии власти» оставалась весьма ограниченной, несмотря на претензии лидеров ЕР. Присутствие ЕР в кабинетах министров было чисто символическим, а те члены правительства, которые принадлежали к ЕР, были обязаны своим положением президенту страны, а отнюдь не «партии власти», и едва ли оказывали партийное влияние на курс правительства. Напротив, «партия власти» проводила курс правительства в Думе и вынуждена была принимать на себя издержки непопулярных решений, подобных монетизации льгот в январе 2005 года (после

этой реформы уровень голосования за ЕР на выборах региональных законодательных собраний значительно снизился).

Сугубо технократический подход к политическому управлению и принятию решений, присущий эпохе Путина, оставлял мало места для партийной политики. Такие характеристики ЕР как доминирующей партии: «внешнее управление», неидеологичность и второстепенная роль в управлении страной – вытекали из самой логики функционирования политического режима в России. По контрасту с советским опытом господства КПСС, который принято обозначать как «партия-государство», доминирование ЕР можно было обозначить как «государство-партия» – «партия власти» неформально служила как бы подразделением президентской администрации, да и вся партийная политика в России в целом играла ту же роль ^[146].

Однако Россия 2000-х годов демонстрировала примеры активного участия Кремля не только в строительстве доминирующей партии, но и в создании лояльных и/или фиктивных альтернатив ей. Эти кремлевские «проекты» служили двум не исключаящим друг друга целям: (1) страхование «партий власти» путем формирования своего рода «резерва» или суррогатного заменителя по принципу «не класть все яйца в одну корзину» (особенно в условиях неопределенности исхода выборов) и (2) ослабление оппозиции путем разбиения ее голосов партиями-«спойлерами» (не имеющими шансов победить, но оттягивающими на себя часть голосов). Примерами первого рода могут служить отдельные союзники «партий власти» в ходе думских выборов (например, «Народная партия Российской Федерации» в 2003 году). Что до многочисленных примеров второго рода, то здесь Кремль использовал самые разные технологии: от поддержки диссидентских фракций внутри оппозиционных партий с тем, чтобы они формировали собственные партийные списки, до недружественного поглощения ранее автономных от Кремля партий (как «Демократическая партия России», выступавшая на думских выборах 2007 года под лозунгом вступления России в Европейский Союз и стремившаяся раздробить электорат либеральных партий).

В 2000-е годы Кремль, столкнувшись с повышенным предложением среди потенциальных партий-сателлитов, был весьма активен во возвращении «управляемой оппозиции». Под его патронажем накануне думских выборов 2003 года был создан блок «Родина», который объединил мелкие левые и националистические

партии и возглавлялся популярными политиками Дмитрием Рогозиным и Сергеем Глазьевым. Агрессивная и щедро финансировавшаяся кампания «Родины» протекала под популистскими и националистическими лозунгами и имела целью уменьшение доли голосов за КПРФ. Но итоги голосования превзошли все ожидания – «Родина» получила 9,1 % голосов, сформировала собственную думскую фракцию и вскоре вышла из-под контроля Кремля. Сперва Глазьев против воли президентской администрации принял участие в президентских выборах 2004 года и вскоре был исключен из рядов партии. Затем агрессивная националистическая кампания «Родины» во главе с Рогозиным повлекла за собой отмену регистрации ее партийных списков на выборах ряда региональных законодательных собраний. В конечном итоге Рогозин был вынужден покинуть пост лидера партии – его заменил полностью лояльный Кремлю бизнесмен Александр Бабаков [\[147\]](#).

Взлет и падение «Родины» побудили Кремль к запуску нового «проекта», призванного решать две задачи: служить резервом «партии власти» и отнять голоса у коммунистов. В 2006 году по инициативе Кремля было проведено слияние трех ранее созданных партий-сателлитов: «Партии жизни» во главе с председателем Совета Федерации Сергеем Мироновым, пост-рогозинской «Родины» и «Партии пенсионеров» (руководство которой было сменено из-за того, что прежний лидер партии Валерий Гартунг вышел из-под контроля Кремля). Создание новой партии «Справедливая Россия» (СР), которая декларировала левые программные позиции и активно эксплуатировала социалистическую риторику, было воспринято как шаг на пути создания «управляемой» двухпартийной системы в России. Политический стратег президентской администрации Владислав Сурков даже заявлял, что хотя ЕР останется основной опорой Кремля, его «правой ногой», СР должна выступать ее возможной заменой, или «левой ногой», на случай, «если правая нога затечет». Дебют СР на выборах региональных законодательных собраний в 2006–2007 годах оказался относительно успешным в тех регионах, где партия смогла привлечь на свою сторону влиятельные сегменты региональных элит, хотя при этом СР и не завоевала голоса сторонников КПРФ. Накануне думских выборов 2007 года опросы говорили о значительном потенциале поддержки СР, и партия «левой ноги» превратилась в своего рода «Ноев ковчег» для многих

политиков, ранее входивших в различные партии от КПРФ до «Яблока».

Среди партий-сателлитов наиболее ценным активом Кремля оставалась ЛДПР. С самого начала своей парламентской деятельности партия успешно сочетала националистическую и популистскую риторику с полной лояльностью Кремлю. Тем самым она одновременно играла две роли. Во-первых, партия поддерживала основные предложения Кремля в Думе, при этом блокируя инициативы оппозиции (такие, как попытка процедуры импичмента президента в 1999 году). Во-вторых, она создавала имидж фиктивной националистической партии, привлекательной для многих избирателей, но не создававшей угрозу нарушения статус-кво. На фоне парламентского доминирования ЕР, Кремль более не нуждался в услугах ЛДПР в Думе. Но присутствие партии на электоральной арене оставалось значимым в силу определенного спроса на национализм среди российских избирателей и возможности использования ЛДПР как инструмента негативных кампаний против избранных Кремлем «мишеней» (будь то «олигархи», коммунисты или кто-либо иной). Помимо ЛДПР (как фиктивных националистов) к услугам Кремля всегда были фиктивные левые, равно как и фиктивные либеральные партии.

Российский опыт строительства партий-сателлитов, впрочем, был не уникален. Помимо некоторых постсоветских государств (в частности, Украины времен Леонида Кучмы) можно вспомнить ряд коммунистических режимов в странах Восточной Европы, создававших лояльные крестьянские, христианские и прочие партии (например, в Польше и ГДР) в качестве каналов политического контроля над теми или иными социальными средами. Да и авторитарный режим в Мексике, сталкиваясь с организованным сопротивлением, предпочитал кооптацию подавлению оппонентов и также использовал различные приемы умножения числа партий-сателлитов с целью разбиения голосов реальной оппозиции, особенно в период упадка доминирующей партии PRI в 1980—1990-е годы. В России упадок партийной конкуренции создавал дополнительные стимулы для партий-сателлитов – партийным политикам, которые не входили в ЕР, предстоял тяжелый выбор между подчинением Кремлю и (относительной) автономией от него, что на деле означало выбор между выживанием и политическим упадком и деградацией. Кризис, который в 2000-е годы пережили либеральные партии: «Союз правых сил» (фактически исчезнувший

в 2008 году) и «Яблоко», утратившее свое представительство в Думе и региональных органах власти, служил наиболее ярким тому подтверждением.

Наконец, взаимоотношения государства и бизнеса после достижения «шашлычного соглашения» также претерпели существенные изменения. На первый взгляд, достигнутое в начале 2000-х годов равновесие было взаимовыгодным. С одной стороны, российское государство сделало шаги навстречу «олигархам», создавая благоприятные условия для бизнеса. С другой стороны, Большой Бизнес, хотя и не отказался от лоббирования своих интересов в российском парламенте и в региональных органах власти, все же не мог открыто диктовать свои условия российскому государству, подобно периоду 1996–1998 годов. Он принимал «правила игры», выработанные политиками, активно поддерживал ряд шагов главы государства, в том числе политику децентрализации государственного управления, разрушавшую локальные барьеры на пути развития бизнеса и направленную на становление единого общероссийского рынка. Президент и правительство страны признали крупнейшие объединения российских предпринимателей в качестве своих официальных младших партнеров. По оценкам некоторых наблюдателей, такой баланс сил оказывал в период 2000–2003 годов благоприятное воздействие на курс экономических реформ и на сохранение в России политического плюрализма.

Однако такое равновесие было обусловлено лишь ситуационной расстановкой сил и не опиралось на формальные «правила игры». Поскольку «шашлычное соглашение» являлось лишь тактической сделкой, постольку его условия легко можно было односторонне пересмотреть при изменении политической и экономической конъюнктуры. К такому пересмотру российские власти подталкивали как политические, так и экономические факторы. В экономическом плане рост мировых цен на нефть и повышение доходов от ресурсной ренты подталкивали российские власти к огосударствлению экономики и к пересмотру «правил игры» во взаимоотношениях с бизнесом, да и в целом к экономическому курсу, в основе которого лежит государственный контроль над экономикой. А в политическом плане идея ревизии итогов приватизации 1990-х и восстановления государственного контроля над экономикой пользовалась значительной поддержкой в российском обществе. Пересмотр прав собственности, прежде

всего, в нефтегазовом секторе, в этой связи выглядел весьма логичным решением, особенно в ходе кампании парламентских выборов 2003 года.

25 октября 2003 года основной владелец и глава крупнейшей частной российской нефтяной компании «Юкос» Михаил Ходорковский был арестован по обвинению в уклонении от уплаты налогов и позднее осужден на длительный тюремный срок. По мнению ряда наблюдателей, наиболее вероятные мотивы его ареста носили, прежде всего, политический характер. Они были связаны со стремлением Ходорковского лоббировать свои интересы в парламенте и его поддержкой на выборах различных партий, в списки которых были включены его ставленники, а также и с его намерениями продать свой бизнес в «Юкосе» американским нефтяным компаниям (в качестве возможных покупателей назывались *Shevron* и *Conoco Phillips*) и заняться политической деятельностью. Арест Ходорковского вскоре повлек за собой и крах «Юкоса» – основные активы компании были проданы в счет уплаты ее долгов. При этом российские власти, используя непрозрачные механизмы и действуя через подставные посреднические структуры, обеспечили переход принадлежавших «Юкосу» добывающих и перерабатывающих предприятий под контроль государственной нефтяной компании «Роснефть», совет директоров которой возглавлял ближайший соратник Путина Игорь Сечин. Активы «Юкоса» оказались приобретены «Роснефтью» по цене, которая была намного ниже рыночной.

Андерс Ослунд и Вадим Волков, анализировавшие судьбу российских «олигархов» в начале XXI века в сравнении с американскими «баронами-разбойниками» в начале XX века, в этой связи обращали внимание на фундаментальные отличия логики развития событий в российском случае. В результате «дела Юкоса» исходом конфликта между бизнесом и российским государством стало не просто преследование и разорение преследуемого властями «олигарха» (как было, например, в случае *Standard Oil* в США), но фундаментальный пересмотр прав собственности, получивший развитие в последующие годы ^[148]. Собственно, «дело Юкоса» стало поворотным моментом во взаимоотношениях российского государства и бизнеса, обозначило переход к политике «захвата бизнеса» российским государством и становлению в России «государства-хищника», фактически ориентированного на извлечение ренты чиновниками, прямо или косвенно

контролирующими экономических агентов и в той или иной мере «кормящимися» за их счет. «Дело Юкоса» спровоцировало волну передела собственности и «ползучей национализации» прибыльных активов и в других секторах экономики, а ключевыми бенефициарами (получателями выгод) этого процесса оказались ближайшие соратники главы государства ^[149].

Резюмируя, можно утверждать, что стратегия реформирования политического режима в 2000-е годы принесла российским властям ощутимые выгоды. Уже к 2007 году в стране практически не осталось ни одного значимого политического актора, способного оказать сколь-нибудь значимое явное сопротивление правящей группе. Оппозиционные партии были загнаны в крайне узкие «ниши», в значительной мере напомиавшие политическое «гетто» – некоторые наблюдатели даже характеризовали их как «вымирающий вид». Их символическое присутствие в национальном и/или региональных парламентах, слабый мобилизационный потенциал и низкий уровень массовой поддержки демонстрировали глубокий упадок оппозиционной политики. Хотя эти тенденции провоцировали рост непартийных протестных акций, некоторые из которых порой оказывались заметным явлением российской политики, но такой активизм носил локальный характер и никак не мог успешно заменить межпартийную конкуренцию.

«Олигархи», напуганные «делом Юкоса», сами готовы были по первому зову Кремля отдать свои активы в обмен на личное благополучие и сторонились любых несанкционированных политических шагов, хотя при этом вполне успешно развивали бизнес, будучи связаны общими интересами, а подчас, и личными узами с чиновничеством в Центре и регионах.

Ключевые СМИ (прежде всего, телевидение) находились под прямым или косвенным контролем Кремля, в то время как независимые (а тем более, оппозиционные) издания и интернет-ресурсы оставались «нишевым» явлением, которое привлекало внимание ограниченной политизированной аудитории. «Вертикаль власти», успешно выстроенная на уровне регионов России, вскоре достигла и нижнего «яруса» на уровне местного самоуправления, особенно после отмены всеобщих выборов мэров в ряде городов страны и ряда других изменений муниципальной политики, направленных на фактическое удушение местной автономии: как политической, так и экономической.

Но какие же изменения принес стране российский авторитаризм в 2000-е годы?

Операция «преемник»: ошибка президента?

На первый взгляд, результатом российских политических преобразований 2000-х годов стало воплощение мечты кремлевских политических стратегов о воссоздании «хорошего Советского Союза». Иначе говоря, российский политический режим отчасти напоминал политическую монополию правящей группы советской эпохи, при этом будучи лишен тех дефектов, которые были имманентно присущи коммунистическому режиму. В самом деле, на смену автономии тех или иных политических акторов пришла управляемость из единого кремлевского центра власти. Неопределенность электоральной конкуренции оказалась исчерпана в условиях несправедливого характера выборов. Региональные органы власти оказались встроены в общероссийскую иерархию «вертикали власти», а рынки во многом стали частью управляемых государством вертикально интегрированных корпораций во главе с «Газпромом». Политический статус и управленческие функции глав исполнительной власти многих регионов России к концу 2000-х годов, скорее, соответствовали статусу и функциям первых секретарей обкомов КПСС советского периода – как и 30–40 лет назад, российские регионы и города управлялись чиновниками, де-факто назначенными из Центра, но при формальном одобрении локальных элит. Да и тенденция к выстраиванию взаимоотношений органов власти и экономических агентов по модели *государственного корпоративизма*, отмеченная исследователями [\[150\]](#), не так далека от картины, наблюдавшейся в СССР еще в 1960–1980-е годы. И хотя «Единая Россия» не являлась реинкарнацией господства КПСС, роль корпораций во главе с «Газпромом» мало чем напоминала диктат прежних общесоюзных ведомств, а губернаторы и мэры так и не стали «постсоветскими префектами», однако неконкурентный характер политического режима и монополизация экономики, ныне основанная не на централизованном планировании, а на извлечении ресурсной ренты, позволяли проводить немало параллелей. Но за внешним сходством скрывались и принципиальные различия. Они были связаны с самой природой нового российского режима и теми принципами, на которых были основаны его массовая поддержка и легитимность, то есть публичная санкция общества на власть.

В самом деле, политическому режиму советской эпохи были присущи фиктивные «выборы без выбора», то есть безальтернативное голосование граждан за единственного кандидата, не имевшее существенного политического значения. В этом смысле советский режим мало чем отличался от других образцов «классической» модели авторитаризма, примером которой на постсоветском пространстве может служить, например, Туркменистан. Российский режим, однако, не только не мог обойтись без выборов, но напротив, опирался на них как на основание своей легитимности – Путин (как и до него Ельцин) использовал тот мандат, который он получал от избирателей. Более того, выборы стали неотъемлемым атрибутом политической жизни страны, и их результаты во многом отражали как расстановку сил внутри элиты, так и политические предпочтения масс. Но российские выборы не предполагали демократической неопределенности, то есть такого исхода голосования, который не мог быть предreshен заранее правящей группой в свою пользу. Напротив, основной исход выборов всех уровней был заведомо предопределен, и в этом смысле голосование избирателей служило лишь оформлением решений, ранее принятых правящими группами. Поскольку победители этих выборов были назначены заранее, постольку на избирательных участках не принималось значимых решений ни с точки зрения их воздействия на политический режим и политический курс правительства – российский режим служил примером не «классического», а электорального авторитаризма, в основе которого лежало проведение несправедливых выборов с заведомо неравными условиями предвыборной борьбы (включая злоупотребления при голосовании и подсчете голосов).

По мнению Эндрю Уилсона, такое развитие событий в постсоветских политических режимах (он обозначал его термином *виртуальная политика*) оказывалось возможно в силу четырех ключевых условий: (1) монополия на власть элит, способных сосредоточить в своих руках контроль над ресурсами; (2) пассивность электората; (3) возможность контроля над информационными потоками; (4) отсутствие международного вмешательства в электоральные процессы в стране ^[151]. Все эти условия характеризовали российскую политику 2000-х годов в гораздо большей мере, нежели чем в 1990-е.

Вместе с тем, ограничения конкуренции существенно различались для разных режимов электорального авторитаризма.

Можно выделить два типа ограничений: (1) «жесткие» – селективное исключение отдельных оппозиционных политических партий или кандидатов из предвыборной борьбы (отказ в регистрации или ее отмена в ходе кампании под тем или иным предлогом) и/или заведомо недостоверный подсчет голосов (то есть фальсификация выборов); (2) «мягкие» – заведомо неравный доступ кандидатов и партий к освещению кампании в средствах массовой информации и к финансированию кампаний в сочетании с использованием государственного аппарата для обеспечения победы правящей группы. Хотя и в том, и в другом случае выборы носят заведомо несправедливый характер, но их последствия могут быть различны. Применение «жестких» ограничений электоральной конкуренции – весьма рискованная стратегия, поскольку при таком развитии событий растут и шансы на подрыв легитимности режима в том случае, если правящей группе не удастся соблюдение описанных ранее четырех условий. В случае возникновения массового протеста это грозит перерастанием в полный коллапс режима, если издержки подавления оппозиции (как на стадии подготовки выборов, так и после их проведения) окажутся слишком высоки. Массовые фальсификации итогов голосования в Сербии (2000), Грузии (2003), Украине (2004) и Кыргызстане (2005) стали детонатором краха режимов на фоне массовой мобилизации оппозиции. В то же время, «мягкие» ограничения электоральной конкуренции, хотя и требуют от правящей группы существенных издержек в ходе подготовки и проведения избирательных кампаний, позволяют ей минимизировать риски делегитимации режимов, не говоря уже о рисках потери власти по итогам выборов. Неудивительно поэтому, что режимы электорального авторитаризма при прочих равных условиях склонны предпочитать «мягкие» ограничения электоральной конкуренции «жестким».

Российский режим 2000-х годов не представлял исключения из этого общего правила электорального авторитаризма. Хотя фальсификации итогов голосования, по мнению ряда экспертов, получали все больший масштаб, а их географический ареал со временем расширялся, эти аспекты электоральной политики представляли собой всего лишь верхушку айсберга. Гораздо большее значение для хода избирательных кампаний имели иные институциональные и политические факторы. К ним относились: (1) запретительно высокие входные барьеры для участия в выборах партий и кандидатов; (2) одностороннее и пристрастное освещение

избирательных кампаний в средствах массовой информации (прежде всего, государственных); (3) прямое и косвенное финансирование избирательных кампаний проправительственных партий и кандидатов за счет средств государства на фоне неформального контроля чиновников над финансированием всех иных партий и кандидатов; (4) систематическое использование государственного аппарата для ведения кампании правительственных партий и кандидатов и в целях препятствования кампании оппозиционных партий и кандидатов; и, наконец, (5) пристрастное рассмотрение споров между участниками выборов в пользу правительственных партий и кандидатов. Эти аспекты российских выборов стали неотъемлемым атрибутом российского политического режима, типичными элементами «меню манипуляций», характерного для ряда режимов электорального авторитаризма во многих странах третьего мира ^[152] .

Некоторые специалисты склонны были расценивать голосование в условиях российского электорального авторитаризма даже не как выборы (пусть даже и несправедливые), а как заведомо манипулятивные «события электорального типа», не имеющие отношения к выборам как таковым ^[153] . Но независимо от оценок, следует признать, что несправедливые выборы были полезны российским правящим группам с нескольких позиций. Во-первых, они выполняли функцию политической легитимации статус-кво, подобно президентским выборам 2004 года, на которых Путин набрал свыше 71 % голосов в отсутствие значимой конкуренции. Во-вторых, они позволяли правящей группе легитимно проводить любой политический курс независимо от предпочтений избирателей. В-третьих, наконец, они служили механизмом частичной смены политических элит, хотя и не на основе свободной конкуренции, а путем назначения победителей будущих выборов еще до голосования (подобно президентским выборам 2000 и 2004 годов, а также – позднее – и 2008 года). Такие «события электорального типа», отличаясь как от «выборов без выбора» советского периода, так и от демократических свободных и справедливых выборов, казалось, могли обслуживать политический режим настолько долго, насколько российские элиты были способны поддерживать свой «навязанный консенсус», а формальные и неформальные «правила игры» – обеспечивать сложившееся равновесие. В преддверии нового цикла думских

выборов 2007 года и президентских выборов 2008 года эти условия оставались благоприятными для подобного развития событий.

Однако главная интрига электорального цикла 2007–2008 годов в России была связана не столько с голосованием избирателей как таковым, сколько с перспективами смены главы государства по его итогам. Она была обусловлена конституционным ограничением сроков пребывания президента страны на своем посту двумя четырехлетними периодами. Таким образом, перед Владимиром Путиным, чей второй президентский срок истекал весной 2008 года, стояла нелегкая дилемма. Он мог обойти установленные прежде конституционные нормы, либо изъяв из конституции страны ограничение сроков президентских полномочий, либо предложив принять новую конституцию страны «с нуля», либо, в конце концов, вообще отказаться от конституции как набора формальных «правил игры» в российской политике, перейдя от провозглашенного еще Ельциным принципа «кто-то должен быть главным в стране: вот и все» к принципу, который открыто декларировал назначенный в 2007 году на пост председателя Центральной избирательной комиссии России Владимир Чуров: «Путин всегда прав». Именно по такому пути пошли авторитарные режимы некоторых постсоветских государств: от Беларуси до Казахстана, а за пределами постсоветского региона примером такого рода мог служить Египет времен правления Хосни Мубарака. Альтернативой этому развитию событий был подбор лояльного Путину преемника на посту главы государства с его последующей легитимацией посредством всенародного голосования.

По сути, «дилемма Путина», стоявшая на повестке дня в преддверии электорального цикла 2007 годов, означала выбор в пользу одного из двух вариантов эволюции режима электорального авторитаризма в России: либо украшения демократического «фасада», призванного замаскировать политический монополизм, либо ничем не прикрытого и не связанного формальными ограничениями авторитарного правления. Схема назначения преемника предполагала движение по пути первого варианта, в то время как избрание Путина на третий срок так или иначе означало бы поворот российского авторитаризма ко второму варианту, который, по сути дела, не слишком отличался бы от «классической» модели. Публичные дискуссии вокруг этих вариантов продолжались на протяжении второго президентского срока Путина, с 2004 по 2007 год, но, в конечном итоге, интрига была разрешена лишь после

думской кампании в декабре 2007 года – после того, как ЕР получила, по официальным данным, 64,3 % голосов избирателей и успешно обеспечила себе 315 из 450 думских мандатов, Путин публично объявил о своем решении. По его инициативе кандидатом на пост президента России был выдвинут Дмитрий Медведев, чье имя ранее неоднократно называлось в качестве возможного преемника Путина на посту главы государства. Не встретив сколько-нибудь заметного сопротивления ни со стороны элит, ни со стороны российских граждан, в ходе голосования в марте 2008 года Медведев, по официальным данным, получил свыше 70 % голосов избирателей, в то время как Путин, по заранее объявленной договоренности со своим преемником, занял пост председателя правительства России, сохранив ряд ключевых рычагов влияния на политический процесс в стране. Примечательно, что хотя, по оценкам ряда экспертов, выборы 2007–2008 годов в России сопровождались беспрецедентными по масштабам злоупотреблениями, вместе с тем, восприятие их итогов россиянами оказалось совершенно иным. Согласно данным одного из массовых опросов, большинство избирателей в общем и целом воспринимали выборы как «честные», а одна из участниц фокус-групп наивно (или, наоборот, цинично?) заметила: «все было честно, но на 50 % результаты были подтасованы» [\[154\]](#).

Скорее всего, мы никогда не узнаем всех деталей кремлевской политики 2000-х годов и едва ли сможем дать ответ на вопрос о том, почему Путин и его окружение предпочли не сохранять все рычаги власти в собственных руках «раз и навсегда» (что предполагалось в случае отказа от ограничения сроков президентских полномочий), а передать – по крайней мере, на время – часть ресурсов и полномочий лояльному преемнику. Справедливости ради, отметим, что такая схема сулила немалые риски для Путина, поскольку поведение его преемника, наделенного большим объемом конституционных полномочий, заведомо предугадать было невозможно. По итогам своего маневра Путин мог разделить участь не мексиканского диктатора Диаса, который в ходе своего правления (в общей сложности длившегося 34 года) безболезненно уступал пост главы государства своим лояльным преемникам и позднее без проблем возвращал себе всю полноту власти, а нигерийского президента Обасанджо, который после передачи власти лояльному преемнику на президентском посту был обвинен в коррупции и вынужденно покинул страну [\[155\]](#). В конечном итоге эти риски

оказались несущественными, и нелояльность со стороны Медведева на протяжении всех последующих четырех лет Путину не угрожала.

В 2007 году проблема, скорее, лежала в иной плоскости. Поворот российского политического режима от электорального авторитаризма, плохо замаскированного демократическим фасадом, к ничем не прикрытой монополии Путина и его команды, если бы он состоялся, мог повлечь за собой довольно высокие издержки для российских элит. Во-первых, легитимность режима, как внутри страны, так и, в особенности, за ее пределами, могла бы оказаться весьма сомнительной. Для российских лидеров, которые были чрезвычайно чувствительны к своему международному статусу (некоторые критически настроенные наблюдатели даже говорили в этой связи о «статусной игле», сравнивая этот синдром с наркотическим), оказаться в мировой политике в одном ряду с Лукашенко или лидерами стран Центральной Азии было бы, как минимум, болезненной неприятностью. Во-вторых, и это, пожалуй, важнее, риски сомнительной международной легитимности российского режима создавали бы проблемы и для легализации доходов, и собственности российских элит за рубежом. Этот феномен, возможно, также сыграл не последнюю роль в стратегическом выборе, который в конце 2007 года анонсировал Путин. Но не стоит исключать и простой житейской логики такого выбора, который может быть суммирован суждением «от добра добра не ищут». Проще говоря, поскольку закамouflированный электоральный авторитаризм, несмотря на немалые издержки по его поддержанию, в целом удовлетворял Кремль, то стимулы для того, чтобы пойти на кардинальный пересмотр «правил игры», оказывались явно недостаточными.

В такой ситуации сохранение статус-кво, скорее всего, представляло собой выбор «по умолчанию» – Путин и его окружение, как и многие наблюдатели, вероятно, исходили из ожиданий того, что вся внешняя среда и внутривнутриполитические условия российского режима будут оставаться неизменными, по крайней мере, в краткосрочной перспективе периода президентства Дмитрия Медведева. Эти ожидания касались и высоких темпов экономического роста, и высоких цен на нефть на мировом рынке, и апатии и пассивности большинства российских граждан на фоне слабости оппозиции и отсутствия сколько-нибудь реалистических альтернатив статус-кво. Прогноз сохранения статус-кво в 2010-е годы, который в неявной форме лег в основу перехода

президентского поста от Путина к Медведеву при сохранении в России режима электорального авторитаризма, сбылся лишь отчасти. Но оказался ли этот прогноз и вызванные им политические риски, которые проявились в 2011–2012 годах, принципиальной ошибкой второго российского президента или же эти риски стали неизбежной и не столь уж высокой платой за сохранение власти правящих групп и поддержание политического статус-кво? Ответ на этот вопрос пока что неочевиден.

Глава 5. 2010-е: трещины в стене?

Субботний день 4 февраля 2012 года в Москве выдался солнечным, но морозным, – термометр показывал минус 22 градуса. На эту дату в столице, как и в некоторых других городах России, были назначены шествие и митинг под лозунгом «За честные выборы!», их оргкомитет составили оппозиционные политики и общественные деятели. Уже третья по счету массовая акция протеста стала ответом политически активных граждан на исход думского голосования 4 декабря 2011 года. В преддверии кампании практически все оценки строились на том, что «Единая Россия», опираясь на государственный аппарат на всех уровнях власти, на доминирование в СМИ и на поддержку достаточно популярных в глазах населения лидеров страны, без особого труда получит подавляющее большинство голосов и мест в Государственной Думе, тем самым открыв дорогу триумфальному возвращению Владимира Путина в кресло главы государства в марте 2012 года ^[156]. Однако эти ожидания не оправдались: в то время как, согласно официальным данным, ЕР набрала 49,3 % голосов избирателей, многочисленные прямые и косвенные свидетельства – от экзит-поллов (опросов граждан на выходе из избирательных участков после голосования) до сообщений наблюдателей – фиксировали разнообразные злоупотребления при подведении итогов голосования. Не было сомнений в том, что реальная доля поданных за ЕР голосов оказалась гораздо ниже. Вслед за голосованием по стране прокатилась волна акций протеста против его итогов, отмеченная невиданным для постсоветской России размахом массовой мобилизации.

Многие наблюдатели ожидали, что митинг 4 февраля не соберет большого числа участников, и отнюдь не только из-за погодных условий. Волна протестов, прокатившихся по стране по итогам думского голосования 4 декабря 2011 года, казалось, пошла на спад после прогремевших московских митингов на Болотной площади (10 декабря) и на проспекте Сахарова (24 декабря). Однако, несмотря на мороз, оппозиционные шествие и митинг в Москве собрали наибольшее число участников протестных акций за всю постсоветскую историю России – по различным оценкам в этот день в колоннах от Якиманки до Болотной площади, где состоялся митинг, прошли от 70 до 100 тысяч граждан страны.

Хотя изначально лозунгом, объединившим протестующих, был призыв «За честные выборы!», возникший как реакция на многочисленные злоупотребления в ходе и по итогам голосования 4 декабря, но участников митинга, собравшихся под знаменами различных политических и неполитических организаций, объединяло, скорее, иное. По сути, главное, витавшее в воздухе над Болотной площадью, требование звучало как «Долой Путина!». Речь шла даже не только лично о бывшем президенте страны, планировавшем по итогам голосования 4 марта 2012 года вернуться на пост главы государства, сколько в целом о том политическом режиме, который связывался с его именем. Приподнятое настроение протестующим придавало не только обилие вышедших на улицы граждан, требовавших демократических перемен, но и царившая в этот день творческая атмосфера, выраженная яркими и смелыми лозунгами собравшихся и поддержанная разносившимися на площади и – через интернет-трансляцию – по всей стране песнями популярных музыкантов, включая Юрия Шевчука.

Многие участники и наблюдатели проводили явные параллели между протестной акцией 4 февраля 2012 года и аналогичными по духу московскими шествием и митингом 22-летней давности. После того, как 4 февраля 1990 года на Манежной площади в Москве сотни тысяч тогда еще советских граждан потребовали ликвидации монополии КПСС на власть, дни коммунистического режима оказались сочтены, а месяц спустя на выборах на Съезд народных депутатов России и в местные Советы оппозиция нанесла КПСС тяжелый удар, вскоре завершившийся крахом всего прежнего режима. Но в одну реку нельзя войти дважды, и результат московских протестов 2012 года оказался совершенно иным. На президентских выборах 4 марта 2012 года властям удалось восстановить контроль и, используя все доступные способы, добиться необходимого исхода голосования. Согласно официальным данным, Владимир Путин набрал 63,6 % голосов избирателей на фоне многочисленных злоупотреблений в ходе кампании и при подведении итогов голосования. Предпринятое вслед за этим наступление властей на оппозицию было призвано вернуть ситуацию в стране к состоянию прежнего статус-кво. Но, тем не менее, российский авторитарный режим понес ощутимые потери, и хотя пока преждевременно говорить о полномасштабном кризисе российского авторитаризма, а тем более – о его скором падении, однако те вызовы, с которыми столкнулись власти в ходе

электорального цикла 2011–2012 годов, носят системный и неустранимый характер. Какова природа этих вызовов, были ли они неизбежными, почему они возникли «здесь и теперь», почему Кремлю удалось с ними справиться, и как эти события и процессы могут отразиться на дальнейшей траектории развития политического режима в России? Об этом пойдет речь в данной главе.

«Опрокидывающие выборы»: почему?

Событие, которое произошло в России в день думского голосования 4 декабря 2011 года и дало толчок волне политических протестов, справедливо расценивалось как поражение электорального авторитаризма. Но было ли это поражение «запрограммировано» заранее самой логикой эволюции политического режима или оно стало результатом действий ключевых политических акторов? Ответ на этот вопрос как минимум неочевиден. В самом деле, всякий раз выборы, в силу самой природы политической конкуренции, становятся для режимов электорального авторитаризма в разных регионах мира серьезным тестом на выживание [157]. Им приходится не просто добиваться победы в нечестной и неравной борьбе с иными партиями и кандидатами, но и прилагать немалые усилия для того, чтобы их победы были признаны внутри страны и за ее пределами, а обвинения в нечестности выборов имели не слишком значительный эффект [158]. Хотя многим режимам электорального авторитаризма удается решать эти задачи более или менее успешно, но протесты по итогам нечестных выборов могут создать для них вызовы, подчас несовместимые с выживанием, о чем свидетельствует недавний опыт «цветных революций» от Сербии (2000) до Молдовы (2009) [159]. Хотя российский политический режим (по крайней мере, пока) кое-как справлялся с этими вызовами и смог избежать летального исхода, цена выживания оказалась для него весьма высока, а уровень легитимации, достигнутый в ходе электорального цикла 2011–2012 годов, стал более чем сомнительным. Примечательно, что такой исход представлял собой разительный контраст с результатами предыдущего электорального цикла 2007–2008 годов, когда Кремль без особого труда решил стоявшие перед ним задачи, не спровоцировав хоть сколько-нибудь значимых

постэлекторальных протестов и избежав рисков того, что общество не признает результаты голосования легитимными.

Собственно, поражения авторитарных режимов в ходе несправедливых выборов – также явление отнюдь не новое. Еще Самуэль Хантингтон в своем анализе «третьей волны» демократизации (охватившей мир в период 1974–1991 годов) специально рассматривал феномен *опрокидывающих выборов* [160]. Этим термином он обозначал ситуацию, когда авторитарные режимы проводят выборы в целях закрепления своей легитимации, но в результате они оборачиваются поражением правящих групп и в ряде случаев (хотя и не всегда) открывают дорогу к последующей полномасштабной демократизации. Наиболее наглядным примером для Хантингтона послужили выборы на Съезд народных депутатов СССР в марте 1989 года. Хотя они не были ни свободными, ни справедливыми, но сам факт их проведения позволил тогдашним советским гражданам выразить массовое неприятие существовавшего в стране политического режима, а сами выборы на фоне массовой протестной мобилизации повлекли за собой последующее становление политической оппозиции и, в конечном итоге, стали поворотным моментом в крушении господства КПСС [161]. Однако причинам и механизмам этого явления специалисты уделяли недостаточно внимания. Объяснения, а их набралось изрядное количество, зачастую были пронизаны духом экономического, социологического или технологического детерминизма. В частности, общим местом стали утверждения, что когда благодаря экономическому росту той или иной стране удается достигнуть определенного «порогового» уровня социально-экономического развития, то это приводит к увеличению численности образованного городского среднего класса, который начинает предъявлять спрос на гражданские и политические права и постепенно выходит на политическую арену [162]. В то же время, развитие информационных технологий и особенно Интернета и социальных сетей резко ускоряет процесс политических коммуникаций, поскольку снижает контроль властей над информационными потоками и существенно облегчает задачу мобилизации и координации массового протеста [163].

Не отрицая значимости всех этих факторов в политическом развитии современных обществ, следует отметить, что ни по отдельности, ни даже в сочетании друг с другом они не способны объяснить, почему в конкретный «критический момент» нечестных

выборов одним режимам электорального авторитаризма удастся сохранять господство без особых потрясений, другие несут ощутимые потери, а третьи рушатся в ходе «опрокидывающих выборов». Существуют объяснения, в которых политический процесс рассматривается как «проекция» динамики спроса на политическом рынке, проявляющегося в виде колебаний общественного мнения. Они, в свою очередь, хотя и зависят от ряда параметров (таких, как массовые оценки положения дел в экономике) [164], но в условиях авторитарных режимов в целом не предсказуемы. Однако, как известно, «танго танцуют вдвоем», и было бы неверным, анализируя причины упадка электорального авторитаризма, ограничиваться лишь анализом спроса, игнорируя то предложение, которое на политическом рынке представлено правящими группами («режимом» в узком смысле) и их противниками (то есть оппозицией).

Неудивительно, что в последние годы, в особенности под воздействием волны «цветных революций», специалисты все чаще задавались вопросом о влиянии режима и оппозиции на упадок электорального авторитаризма. Одни авторы отмечали критическую роль массовой мобилизации в результате усилий оппозиции, при этом уделяя особое внимание кооперации различных групп противников режима и тактике оппозиционных сил [165]. По их мнению, сплоченная по принципу «негативного консенсуса» оппозиция, обладающая сильным организационным потенциалом и опирающаяся на широкую международную и внутривнутриполитическую поддержку, способна сокрушить авторитарный режим в результате протестов по итогам несправедливых выборов. Другие исследователи обращали внимание на уязвимость самих авторитарных режимов из-за их открытости воздействию со стороны Запада, а также слабости их государственного аппарата и/или доминирующих партий, которые не способны обеспечить полномасштабный контроль лидеров над политическим процессом в ходе и по результатам голосования [166]. Между тем, в спорах о том, «кто виноват» в провале электорального авторитаризма – режим или оппозиция – уделяется недостаточно внимания взаимодействию как внутри этих групп, так и между ними. Однако в политике, как и в игре в футбол, успех одной из сторон конфликта, как правило, зависит от действий соперника – ведь и гол может быть порой забит из-за неудачной замены игроков, неточного паса защитника или прометчивой игры вратаря. Точно так же и достижения

оппозиционеров могут стать результатом ошибочной стратегии правящей группы, а успехи режима подчас выступают оборотной стороной слабости оппозиции или ее неверных шагов.

Поражение электорального авторитаризма в России в декабре 2011 года может служить показательным примером такого рода. Действительно, с одной стороны, в 2000-е годы российские лидеры приложили немало усилий для закрепления политической монополии, опираясь при этом на иерархию государственного аппарата («вертикаль власти») и на доминирующую партию («Единая Россия») и ограждая внутреннюю политику страны от «тлетворного влияния Запада». С другой стороны, систематические действия властей, направленные на маргинализацию оппозиции, загнали ее в политическое «гетто». Искусно проведенное разделение оппозиционеров на «чистых» («системные» партии, официально зарегистрированные, но находящиеся под косвенным контролем со стороны Кремля) и «нечистых» («внесистемная» оппозиция, исключенная из политического процесса) еще более ослабляло разрозненные сегменты оппозиции.

Оказалось, однако, что сильная сторона конфликта – режим – была недостаточно сплочена и монолитна, ожидания лидеров режима строились ретроспективно и не учитывали изменений политического спроса, соотношение «кнута» и «пряника», которое режим предлагал своим согражданам, оказалось недостаточно сбалансировано, наконец, тактика думской кампании 2011 года была плохо продумана. В то же время кампания открыла «окно возможностей» (скорее, «форточку»), и через него начали проникать новые фигуры, которые привнесли ряд неожиданных для властей эффектов. Реакция властей на эти шаги не всегда оказывалась адекватной, и в результате режим с каждым шагом нес все более сильные и ощутимые потери, прежние методы уже не обеспечивали контроль над политическим процессом в стране, а уровень массовой поддержки статус-кво снижался. Оппозиции же удалось не только выйти из «гетто», но и даже, перехватив инициативу, продемонстрировать способность к кооперации друг с другом и к мобилизации масс против режима. Хотя эти шаги и не привели к смене режима, но создали для него серьезные угрозы и вынудили к смене тактики, в конце концов, позволившей режиму достичь требуемого результата. Вновь обратимся к футбольной метафоре: более сильная команда сама создала голевую ситуацию у своих ворот, но более слабая сторона все же не смогла забить мяч в сетку.

В итоге, более сильная команда перешла в контратаку и смогла удержать счет игры в свою пользу. Хотя еще рано делать выводы о том, как сложатся следующие матчи, но, по крайней мере, уже не приходится говорить о безусловном одностороннем преимуществе на поле сильных над слабыми. Для того чтобы понять, почему и как стал возможен этот результат, необходимо рассмотреть те шаги, которые предприняли режим и оппозиция в России в период президентства Дмитрия Медведева, их действия накануне и в ходе электорального цикла 2011–2012 годов, а также выявить те возможности и ограничения, которые определяют их шаги сегодня.

Авторитарная «модернизация»: утраченные иллюзии

Преимственность лидеров является «ахиллесовой пятой» многих авторитарных режимов в мире, в том числе и на постсоветском пространстве. Лишь немногим правителям удастся безболезненно осуществить династическое наследование власти (примером может служить Азербайджан), в то время как в условиях электорального авторитаризма сам подбор «преемников» и обеспечение легитимации передачи власти создает риски и серьезные вызовы выживанию соответствующего режима (как произошло в случае украинской «оранжевой революции») ^[167]. С этой точки зрения, проведенная в 2007–2008 году замена Владимира Путина Дмитрием Медведевым на посту президента России, казалось бы, заслуживала «пятерки с плюсом» на гипотетическом экзамене для диктаторов. Действительно, сценарий «обратной замены» Медведева на Путина в электоральном цикле 2011–2012 годов предполагался «по умолчанию», но имел непубличный характер, будучи частью той политической стратегии российских властей, которую Эндрю Уилсон называл «виртуальной политикой» ^[168]. В рамках этой стратегии главным инструментом доминирования правящих групп являлись информационные манипуляции в сочетании с покупкой лояльности элит и масс. Между тем, именно высокие издержки «обратной замены» как раз и оказались той стрелой, которая попала в «ахиллесову пяту» режима через четыре года после первой стадии операции «преемник».

Действительно, российский режим, как при Путине, так и при Медведеве, отличался низкой репрессивностью по отношению к политическим противникам (если речь не шла о «точечных» расправах из-за личной вражды и/или в целях захвата бизнеса, как в случае с Ходорковским) ^[169]. Вместо этого в 2000-е годы власти последовательно и систематически превращали оппозицию в «вымирающий вид» посредством выстраивания высоких входных барьеров на политическом рынке, умелого использования тактики «разделяй и властвуй», кооптации в качестве «попутчиков» режима одних политиков и исключения из истеблишмента других ^[170]. Почти безраздельное доминирование Кремля в ведущих СМИ на фоне высокой поддержки статус-кво в общественном мнении облегчало режиму решение этих задач. Хотя операция «преемник» в

ходе электорального цикла 2007–2008 годов сопровождалась злоупотреблениями в ходе подсчета голосов и жестким давлением на противников режима в духе «закручивания гаек», ее политические итоги не встретили сколь-нибудь заметного сопротивления в обществе (более того, в ряде исследований было зафиксировано, что избиратели скорее склонны оценивать выборы как «честные» и «справедливые») ^[171]. Но почему через четыре года немалая часть тех же избирателей взбунтовалась против статус-кво?

Для ответа на этот вопрос следует переосмыслить тот механизм власти и управления в России, который сложился в 2008–2011 годах и получил название *правлящий тандем*. Суть его сводилась к тому, что президент Медведев, будучи по факту не более чем ставленником и марионеткой Путина, выступал в роли «доброго следователя» – либерала и реформатора, призванного инициировать прогрессивные преобразования в стране, в то время как на ушедшего на время в тень «злого следователя» Путина ложились тяготы оперативного управления страной. Теоретически, такая схема могла бы работать более или менее эффективно лишь при условии, если бы она была лишь исключительно манипулятивной. Но на деле разделение ролей между участниками тандема оказалось нечетким, сигналы, которые они посылали элитам и обществу, – непоследовательными, а неопределенность в отношении планов «тандема» в преддверии выборов 2011–2012 годов порождала неуверенность, нараставшую по мере их приближения.

Напротив, Медведев пытался публично презентовать себя не как марионетку Путина, а как самостоятельного политика, в ряде случаев стремясь публично демонстрировать автономию от старшего партнера. В результате аппарат управления оказался дезориентирован и, как часто бывает в ситуации «слуги двух господ», все чаще выходил из-под контроля политического руководства на фоне довольно непродуманной реакции Кремля – Медведев так и не смог наладить более или менее эффективный контроль даже над собственным аппаратом, будучи лишен возможностей подбора кадров по своему усмотрению и не имея права увольнять даже очевидно некомпетентных и/или проштрафившихся чиновников.

Если до 2007 года президентская администрация систематически инвестировала ресурсы и в организационное укрепление ЕР, и в упрочение иерархии «вертикали власти», то

позднее ЕР окончательно приобрела черты электорального и законодательного придатка государственного аппарата, не обладавшего автономией от Кремля ^[172], а «вертикаль власти» подверглась весьма серьезной кадровой чистке. Многие главы исполнительной власти регионов, в том числе и занимавшие свои посты на протяжении ряда лет политические «тяжеловесы», в ходе президентства Медведева лишились своих постов, уступив место чиновникам, зачастую не имевшим публичного политического опыта и/или не пользовавшимся авторитетом у региональных элит и у жителей вверенных им территорий. Наконец, «слабое звено» «вертикали власти» – выборные мэры городов – все чаще заменялись наемными управляющими (сити-менеджерами), раздражавшими как местные элиты, так и горожан. В итоге проблемы *принципал-агентских отношений* (Кремль – наниматель, губернаторы – наемные работники) усугублялись по принципу «хвост виляет собакой», а «вертикаль власти» превратилась в инструмент, который должен был в дни голосования обеспечивать требуемые Кремлем показатели лояльности электората, но при этом не был связан с решением проблем регионов и городов страны ^[173]. Неудивительно, что масштаб злоупотреблений на региональных выборах существенно возрос и не раз вызывал громкие скандалы, в то время как внутри «Единой России» нарастали конфликты, выплескивавшиеся в форме конкуренции кандидатов от «партии власти» на муниципальном уровне ^[174].

Вместе с тем, Медведев в ходе своего президентства предложил стране позитивную повестку дня, которая, впрочем, так и не была реализована. Его приоритетом стал лозунг *модернизации*, сформулированный в ряде программных выступлений и серии указов и законов, однако на практике имевший более чем скромный эффект. Продвигавшийся Медведевым вариант модернизации носил весьма ограниченный характер. Ведь процесс модернизации включает в себя не только социально-экономическую (индустриализация, урбанизация, рост уровня образования, доходов и мобильности, распространение СМИ, уменьшение неравенства), но также и политическую составляющую (распространение политических прав и свобод, становление конкурентных выборов и партийных систем, разделение властей). Однако в России 2000-х годов даже сама постановка вопроса о политической модернизации страны представляла собой «табу» для Кремля – лозунг модернизации носил исключительно экономический характер и

предполагал развитие современных информационных технологий и высокотехнологичных отраслей экономики, более активную интеграцию страны в глобализирующийся мир и повышение качества управления при сохранении политического режима в России неизменным. Иначе говоря, политический курс Медведева был основан на представлениях о том, что экономическая модернизация в России вполне возможна в условиях авторитаризма, а, в свою очередь, авторитарное правление является необходимым условием для успешной модернизации страны [175].

Некоторые критически настроенные наблюдатели не без оснований утверждали, что риторика Медведева, содержащая многочисленные мантры о «модернизации», служила не более чем преднамеренным и явно демагогическим прикрытием (говоря простым языком, чем-то типа «бла-бла-бла») [176], призванным создать у части российской общественности иллюзию прогрессивных преобразований, в то время как на деле в стране сохранялось бы прежнее статус-кво. Хотя эти намерения, скорее всего, действительно во многом определяли шаги российского президента и его окружения, не следует полагать, что лозунги модернизации служили исключительно орудием политических манипуляций. В значительной мере они отражали и реальное стремление российских правящих групп к позитивным преобразованиям в экономике и в управлении страной. Неэффективность иерархической «вертикали власти» и неустранимо и неизбежно присущая ей чудовищно высокая коррупция, время от времени вспыхивающие конфликты между «башнями Кремля» за передел ресурсной ренты, чувствительные поражения на внешнеполитической арене – лишь некоторые характеристики политико-экономического управления в России накануне начавшегося в 2008 году экономического кризиса, который лишь усугубил эти проблемы. В этом отношении все разглагольствования о модернизации, привнесенные в российскую политическую риторику Медведевым, отчасти отражали глубокое разочарование подобным развитием событий и неудовлетворенность итогами путинского правления. Но его слова – в общем и целом, правильные и справедливые – были обречены оставаться лишь словами, не имея шансов на воплощение в сколь-нибудь серьезные дела. Причины здесь следует искать не только и не столько в текущей политической конъюнктуре и даже не в личных качествах и персональных и групповых интересах

группировок российских элит. Они обусловлены куда более глубокими дефектами программы авторитарной модернизации, которые препятствовали ее осуществлению в сегодняшней России.

Говоря о неудачах проектов авторитарной модернизации, часто ссылаются на тот факт, что у лидеров авторитарных режимов зачастую недостает стимулов для проведения последовательного курса социально-экономической модернизации – они редко склонны к радикальным преобразованиям, а порой и не способны к ним. Безусловно, Медведев ни по своему опыту и прежнему багажу, ни по качествам своего характера не годился на роль реформатора – слабость лидерского потенциала российского президента не отмечал разве что ленивый. На этом фоне многочисленные объяснения в духе того, что «хорошему» Медведеву препятствовали-де «плохой» Путин и его приближенные, превратившиеся в новых «олигархов», выглядели в лучшем случае «разговорами в пользу бедных». Но поставим вопрос иначе: допустим, что «модернизация» для российских лидеров – это не просто слова, но и реальные намерения создать в России современную экономику и эффективную систему управления страной. Но способен ли был российский авторитарный режим воплотить их в жизнь?

Преобразования в любой стране – авторитарные или демократические, экономические или политические – невозможно провести лишь по воле лидеров, какими бы намерениями они ни руководствовались. Их успех возможен лишь при умелом эффективном использовании тех инструментов, которые доступны лидерам для воплощения своих планов в жизнь. Набор политических инструментов для проведения курса авторитарной экономической модернизации в современных обществах довольно ограничен – лидеры режимов могут опираться на один из трех институтов: бюрократию, «силовиков» или доминирующую партию (в той или иной комбинации). Это различие соответствует трем основным типам авторитарных режимов: бюрократические, военные и однопартийные ^[177]. Беда состояла в том, что ни один из этих инструментов был непригоден для осуществления модернизации в условиях сегодняшней России.

Говоря о бюрократической авторитарной модернизации, обычно имеют в виду «вариант Ли Кван Ю» в Сингапуре – реформаторски настроенный лидер маленького государства (и, по совместительству, крупнейший собственник на его территории) смог успешно создать «с нуля» эффективный бюрократический аппарат и, опираясь на

него, «жесткой рукой» провел глубокие экономические преобразования, превратив город-государство в мировой финансовый и экономический центр. Однако такой сценарий авторитарной модернизации выглядит нереалистичным для государств, не способных создать для чиновничества подобные стимулы. Как минимум, он требовал довольно высокой автономии государства, то есть изоляции бюрократии от влияния со стороны групп специальных интересов, и высокого качества государственного управления, позволяющего успешно реализовать избранный политический курс. В государственном управлении России таких условий сегодня нет, да и не предвидится. Административный аппарат в нашей стране находился в состоянии глубокого институционального упадка еще к моменту распада СССР, и все последующие реорганизации 1990-х годов ситуацию в этом плане, как минимум, не улучшили [178]. В 2000-е годы, на фоне свертывания политической конкуренции и свободы слова, бюрократия попросту вышла из-под контроля руководства страны, в свою очередь, более заинтересованного в краткосрочной политической лояльности чиновников, нежели в долгосрочной эффективности их работы [179]. Результаты не заставили себя ждать – и Путин, и Медведев вынуждены были признать коррупцию чиновничества одной из самых серьезных неразрешимых проблем своего правления.

Превращению российской бюрократии в инструмент модернизации препятствовали не только низкая эффективность, но и стремление руководства страны повысить качество управления исключительно посредством усиления иерархического контроля в рамках «вертикали власти». Неудивительно, что в стране с огромной территорией, большой численностью населения и значительным по масштабам государственным сектором экономики, где роль бюрократии в жизни общества по определению высока, такой путь вел к повышению издержек контроля до запретительно высокого уровня. Проще говоря, вышестоящие звенья российского чиновничества оказывались неспособны эффективно контролировать его нижестоящие звенья, которые систематически дезинформировали руководство о положении дел. Такое усугубление принципал-агентских отношений было невозможно преодолеть одной только расстановкой на значимые посты «идейных» сторонников модернизации, лояльных по отношению к реформаторским лидерам, – их в любом случае не хватило бы на

всю страну [180]. Соответственно, в отсутствие политической подотчетности российская бюрократия могла быть заинтересована лишь в сохранении статус-кво, а не в модернизации. В период президентства Медведева ситуация в этом плане не только не улучшилась, но, напротив, оказалась неподконтрольна главе государства.

«Силовой» сценарий авторитарной модернизации зачастую ассоциируется с «вариантом Пиночета», которого в начале 1990-х годов часть российских либералов числила своим кумиром. Чилийский опыт, когда армия, придя к власти, успешно подавила оппозицию, предоставив при этом либеральным реформаторам свободу рук в экономике, во многом остается исключением, подтверждающим правило – «силовики» [181] очень редко оказываются успешными агентами модернизации. Как минимум, силовые структуры для этого должны возглавляться лидерами, которые убеждены в необходимости реформ, отличаться весьма высоким уровнем организационной автономии и идейной сплоченности, пользоваться поддержкой среди значительной части общества и при этом быть не слишком глубоко вовлечены в экономику. Сочетание таких характеристик в мире встречается нечасто, тем более, оно совершенно не присуще нашей стране. Еще с советских времен силовые структуры прямо или косвенно контролировали значительные экономические ресурсы (от ВПК до ГУЛАГа), находились в состоянии острой межведомственной конкуренции (которую провоцировали лидеры страны по принципу «разделяй и властвуй») [182], а их и без того ограниченная автономия к моменту распада СССР «скукожилась» до минимума. Поэтому в постсоветской России армия проявила пассивность и в 2000-е годы утратила роль значимого политического актора [183]. Что же до правоохранительных органов, то в 1990-е годы они подверглись весьма масштабной фрагментации и все в большей мере включались в занятия бизнесом на фоне ослабления механизмов политического контроля [184]. Поэтому неудивительно, что когда после 2000 года статус «силовиков» резко повысился, а их влияние существенно расширилось [185], они использовали новые возможности исключительно с тем, чтобы расширить участие в извлечении ренты, а вовсе не для того, чтобы реализовывать собственный модернизационный проект. По сути, главной целью и основным содержанием деятельности правоохранительных органов стало «крышевание» бизнеса, что, в свою очередь, провоцировало

конфликты между разными группировками в их среде, а отдельные попытки воспрепятствовать этим процессам оказались не слишком успешными [186]. Более того, некоторые исследования российских элит показывали, что именно «силовики» демонстрировали минимальное стремление к проведению курса модернизации [187]. Таким образом, говорить всерьез о возможности реализации в России «силового» сценария модернизации попросту не приходится. Напротив, создание взамен нынешних «силовых крыш» эффективных и подконтрольных обществу правоохранительных органов является для России одной из важнейших задач государственного строительства, которая, однако, в период президентства Медведева даже всерьез не ставилась главой государства в свою повестку дня.

Наконец, несостоятельными в российском случае выглядели и надежды на осуществление авторитарной модернизации с опорой на доминирующую партию. Казалось бы, опыт не только китайских реформ, но и ряда некоммунистических режимов (подобно Мексике в 1930—1980-е годы) [188] показывает, что иерархическая централизованная «партия власти» может быть способна не только обеспечить долгосрочное удержание господства, но и успешно провести социально-экономические преобразования. Однако «Единая Россия» едва ли годилась на роль, подобную Компартии Китая или мексиканской PRI («вариант Карденаса»). Скорее, сопоставление опыта их деятельности в 2000-е годы с российской «партией власти» заставляло говорить о том, что роль ЕР в политическом управлении страной была, мягко говоря, незначительна. Отчасти такое положение дел оказалось обусловлено не только сложившимся в России разделением властей (в условиях сильной президентской власти доминирующая партия была обречена на второстепенную роль), но и институциональным наследием советского периода. Хотя КПСС и была способна успешно контролировать государственный аппарат, и порой даже характеризовалась как «партия-государство», но явная неэффективность партийного руководства экономикой и государственным управлением в последние десятилетия СССР фактически закрыла дорогу к воссозданию этой модели. В превращении «партии власти» во влиятельный политический институт в России не были заинтересованы не только чиновничество, но и политическое руководство страны. В результате нынешний механизм взаимоотношений между

государством и «партией власти» – аппарат управления в нем играл ведущую роль, а «партия власти» выступала лишь ведомой, – поддерживался «по умолчанию». ЕР не обладала необходимой для успешного проведения политического курса автономией [189] от чиновничества и была лишена сколь-нибудь содержательной идеологии (если под таковой не понимать поддержку статус-кво). Примечательно, например, что «Единая Россия» так и не стала ключевым каналом рекрутирования в административную элиту [190] – в ее состав политики и чиновники попадали, скорее, по каналам своих персональных связей, чем по партийной линии. Поэтому, даже если предположить, что Кремль дал бы «Единой России» указания проводить курс модернизации через партийные структуры, то вскоре оказалось бы, что собственных рычагов влияния как на общественность, так и на административный аппарат у «партии власти» попросту не существовало. Проще говоря, такая политика модернизации, скорее всего, обернулась бы лишь очередной пропагандистской кампанией и показухой, но и не более того.

Таким образом, из-за отсутствия у российских властей эффективных инструментов для проведения авторитарной экономической модернизации, попытка, предпринятая в период президентства Медведева, оказалась изначально бессмысленной. Если вывести за скобки громкую риторику, включавшую в себя правильные, но пустые заклинания о верховенстве права и/или инновационной экономике, то на практике воплощение в жизнь этого курса в лучшем случае ограничилось поверхностным заимствованием технологических новшеств. Так, создание «электронного правительства» и внедрение «электронной демократии» в России свелось, соответственно, к компьютеризации документооборота ведомствами и к возможности записаться на прием к чиновникам и/или пожаловаться на их действия с помощью электронной почты и Интернета. Даже достижения в сфере правовых реформ, которые представляли предмет личной заботы Медведева, оказались сведены лишь к косметическим поправкам в законодательстве по типу фактического переименования милиции в полицию. В худшем же случае речь шла о «потемкинской модернизации», призванной создать благоприятный имидж руководства страны в глазах своих сограждан и зарубежного бизнеса и выступать элементом «престижного потребления» правящей группы (примером такого рода мог служить широко разрекламированный инновационный центр «Сколково»),

призванный стать ареной мирового саммита «большой восьмерки»). Неудивительно, что среди значительной части российских элит, да и общества в целом, довольно быстро возникло ощущение бесперспективности курса модернизации, которая во многом сводилась лишь к шагам, подобным сокращению в стране количества часовых поясов или отмене перехода на летнее время.

Между тем, главным событием президентства Медведева стал глобальный экономический кризис 2008–2009 годов, нанесший сильный удар и по экономике России. Обвал цен на нефть на мировом рынке (с \$147 за баррель летом 2008 года до \$35 за баррель в январе 2009 года) не только положил конец амбициозным надеждам российского руководства на лидерство страны как «мировой энергетической сверхдержавы», но и обусловил серьезные вызовы в решении текущих экономических проблем. Хотя созданные в предшествующие кризису годы золотовалютные запасы и средства Стабилизационного фонда позволили не допустить полного коллапса экономики России, ее спад оказался глубже, чем практически во всех странах «большой двадцатки» – почти 8,5 % в 2008–2009 годах. Даже несмотря на то, что кризис оказался не слишком длительным по времени, и российским властям в общем и целом, насколько возможно, удалось минимизировать его негативные эффекты, но косвенные эффекты кризиса носили не экономический, а социально-политический характер. В стране исподволь начало меняться общественное восприятие самой системы управления государством. Если ранее многие граждане считали ее пусть неэффективной и коррумпированной, но в целом более или менее приемлемой на манер «наименьшего зла», то после кризиса в общественном мнении наметился запрос на альтернативы статус-кво ^[191]. Эти тенденции первоначально развивались исподволь и фиксировались даже не столько на уровне массовых опросов, сколько в оценках участников проводившихся социологами фокус-групп ^[192], однако позднее они стали все более явными и отчетливыми.

В то время как механизм управления страной с трудом справлялся с перегрузками, а после экономического кризиса 2008–2009 годов проблемы лишь усугубились, «виртуальная политика» в период президентства Медведева перешла на новый уровень манипуляций – на смену виртуальному «закручиванию гаек» пришла столь же виртуальная «оттепель». Публичные заявления главы государства о либерализации («свобода лучше несвободы») и

т. д.) по большей части носили характер маскировки, призванной скрыть такие шаги режима, как внесение изменений в конституцию страны, продлевавших срок полномочий президента и Государственной Думы до 6 и 5 лет соответственно. На деле политическая либерализация оказалась лишь косметической правкой существующих «правил игры» (например, снижение барьера регистрации политических партий с 50 до 45 тысяч членов). Тем не менее даже *дискурсивная* (то есть «бла-бла-бла») либерализация режима имела и ряд побочных эффектов, которые вели к непреднамеренным завышенным ожиданиям как у части элит (заинтересованных в том, чтобы эти слова воплощались в дела) ^[193], так и у немалой части общества, а также к расширению свободы самовыражения, которая ранее во многом сдерживалась самоцензурой.

Риторика властей стимулировала нарастание спроса на либерализацию, верховенство права и повышение качества управления, но сами власти при этом не заботились о воплощении соответствующих лозунгов в жизнь, тем самым превращая их в «потемкинскую деревню», в украшение фасада, призванное скрыть авторитаризм, произвол и коррупцию. В результате в стране углублялся разрыв между общественным спросом и государственным предложением – хотя общество предъявляло все больший спрос на перемены, власти предлагали сохранение политического статус-кво. Этот разрыв повышал риски нелояльности, которые в полной мере проявились в ходе думского голосования в декабре 2011 года.

Виртуальная «оттепель» сопровождалась и другими непредвиденными последствиями. Прежде всего, власти, добившись политической монополии и более или менее успешно кооптировав «системные» партии в качестве лояльных попутчиков режима, предоставили «несистемную» оппозицию самой себе, по видимому, полагая, что она уже не выйдет за пределы отведенного ей «гетто». Действительно, все попытки создания новых партий успешно пресекались на стадии регистрации, полиция без труда разгоняла малочисленные акции политического протеста, а отдельные оппозиционные деятели часто подвергались дискредитации (а порой дискредитировали себя сами). Однако в период президентства Медведева ситуация стала меняться одновременно по нескольким направлениям. С одной стороны, в стране спонтанно возникали новые общественные движения,

выступавшие с требованиями защиты прав граждан от произвола со стороны чиновников [194]. Шла ли речь об охране природы (движение в защиту Химкинского леса), защите исторического и культурного наследия (борьба против башни «Газпром-сити» в Санкт-Петербурге) или же о нарушении правил дорожного движения высокими чиновниками («Синие ведерки») – во всех случаях основной линией конфликта на тех или иных аренах было противостояние гражданского общества и авторитарного государства. При этом «новая общественность», хотя и избегала политизации своих требований (отдавая себе отчет в том, что открытый политический конфликт с властями не поможет ей добиться целей, а лишь затруднит их достижение), тем не менее, она становилась потенциальным резервом мобилизации со стороны оппозиции и своего рода «школой» общественного участия граждан [195].

С другой стороны, с течением времени в лагере противников режима начался процесс смены поколений. Не секрет, что значительная часть российской оппозиции 2000-х годов наиболее точно характеризовалась презрительным эпитетом *демишиза*. В ее рядах было немало маргинальных и подчас даже не вполне адекватных персонажей, неспособных к созидательной политической деятельности и не имевших шансы на обретение поддержки обществом даже в случае конкурентного политического режима. Более того, в условиях российского электорального авторитаризма 2000-х годов даже прежние представители истеблишмента, оказавшись в оппозиции, переживали стремительную маргинализацию, порой растрачивая свой политический и профессиональный капитал почти до полного нуля (примерами могут служить Михаил Касьянов или Борис Немцов). Но постепенно на смену лидерам, пришедшим в общественную жизнь в эпоху перестройки, выдвигались те, кто сформировались и как личности, и как публичные деятели в 2000-е годы. Если первые воспринимали текущую ситуацию в стране по большей части как продолжение прежних политических баталий (подчас утративших былую актуальность), а общество справедливо или нет, но ассоциировало их имена с периодом «лихих 90-х», то вторые не без основания претендовали на то, чтобы сделать политическую карьеру уже в новых условиях. По сравнению со своими предшественниками молодые оппозиционеры (от Сергея Удальцова до Ильи Яшина и Владимира Милова) проявляли не только более

высокую склонность к риску, но и более высокую готовность к объединению различных сегментов оппозиции по принципу «негативного консенсуса» против статус-кво. Самым ярким проявлением обеих указанных тенденций стал феномен Алексея Навального, который успешно «раскрутил» громкую антикоррупционную кампанию в Интернете, стал заметной публичной фигурой и позиционировал себя одновременно как либерал и националист – немыслимое сочетание для прежнего поколения оппозиционеров.

Нельзя сказать, чтобы Кремль не замечал этих тенденций в стане своих противников, но противодействие новым явлениям было ориентировано на прежние реалии и велось прежними методами. Главным ограничением для властей здесь был курс на виртуальную «оттепель» – по мере расширения разнообразных движений и групп властям становилось все труднее перейти от «виртуальной политики» к реальному насилию. Иными словами, «оттепель» увеличивала издержки, связанные с подавлением противников режима [196]. Хотя в 2008–2011 годах власти по-прежнему неукоснительно пресекали протестные акции политического характера, но к публичной критике режима они относились более терпимо, вероятно, рассчитывая на эффект «выпускания пара». Прокремлевские молодежные движения, такие как «Наши» и др., призванные противостоять «цветным революциям», со временем превращались во все более бесполезных и алчных соискателей политической ренты и становились объектом насмешек со стороны оппозиции. Когда в некоторых случаях власть шла на уступки общественности по частным вопросам (например, отменив решение о строительстве башни «Газпром-сити»), это повышало ставки для активистов общественных движений, побуждая их выйти за рамки локального протеста. Но и жесткий отказ властей удовлетворить требования «новой общественности» лишь способствовал ее политизации, подталкивая активистов в объятия оппозиции. Попытки публичной дискредитации отдельных оппозиционеров (вместо жесткого силового подавления и/или запугивания критиков режима, ряды которых расширялись) били «мимо цели» – власти по-прежнему пытались использовать против своих противников компромат [197] там, где, возможно, им помогли бы заказные убийства. Немало преуспев в превентивной борьбе с мифической «оранжевой угрозой» в преддверии 2007–2008 годов, Кремль оказался не готов накануне 2011 года подавить в зародыше

потенциал будущей протестной мобилизации, пока он еще не превратился в ключевой фактор политического процесса.

Образно говоря, накануне кампании 2011–2012 годов российские власти по преимуществу заботились об украшении виртуального фасада «потемкинской деревни», не придавая достаточного значения тому, что в скрывавшейся за ним железобетонно-серой стене режима образуются все новые трещины. Видимо, расчет строился на том, что в ходе «обратной замены» в правящем «тандеме» демонтаж «потемкинской деревни» произойдет сам собой. Однако этот расчет не учитывал, что «потемкинская деревня» была населена гражданами страны, «демонтировать» которых вместе с «фасадом» (например, посредством массовых репрессий) власти полагали слишком рискованным предприятием, а убедить их по доброй воле переселиться за глухую серую стену (например, посредством покупки лояльности) – слишком дорогим и не таким уж обязательным средством. Таким образом, сочетание позитивных и негативных стимулов к массовому участию оказалось очевидно не сбалансировано.

Иными словами, российские власти пускали в действие «кнут» слишком селективно и слишком неэффективно, в то время как сладкие «пряники», которых (на фоне запредельной коррупции) и без того не хватало на всех, оставались по большей части виртуальными и не доставались гражданам страны в достаточной мере. Пагубная самонадеянность правящей группы была наказана итогами думского голосования 4 декабря 2011 года.

Время «Ч»: от 4 декабря 2011-го к 4 марта 2012-го

Накануне парламентской кампании 2011 года власти недооценивали риски «обратной замены» Медведева Путиным на посту президента страны, ориентируясь на инерционный сценарий – сохранение политического статус-кво «по умолчанию» в отсутствие каких бы то ни было реалистических альтернатив. В самом деле, в преддверии «обратной замены» политический фон как будто не таил в себе ничего неблагоприятного для Кремля. Все допущенные к думской кампании «системные» партии сохраняли лояльность и готовы были согласиться практически с любым ее исходом. Хотя уровень массовой политической поддержки режима, судя по данным опросов, плавно снижался, этот процесс никак нельзя было назвать критическим спадом, а отдельные «тревожные звонки», свидетельствующие о недовольстве имеющимся положением дел, не воспринимались всерьез. Наконец, экономика страны, если не демонстрировала впечатляющего роста, то, во всяком случае, до некоторой степени оправилась от кризиса 2008–2009 годов. Неудивительно, что в этих условиях власти делали ставку на: (1) административный ресурс во всех его проявлениях (от принуждения к голосованию до «рисования» фиктивных результатов); (2) поддержку статус-кво периферийной частью электората (пенсионеры-бюджетники-жители индустриальных центров, малых городов и сел); (3) апатию и пассивность «продвинутых» избирателей (образованные-молодые-успешные-жители крупных городов) ^[198]. Но из этих трех факторов в полной мере сработал лишь второй, в то время как третий обернулся своей противоположностью, а первый дал лишь частичные эффекты.

Исходя из таких ожиданий, кампания разворачивалась довольно вяло, и манипулятивная «драматургия» ^[199] в ее ходе была сведена к минимуму. Пожалуй, единственным заметным (и весьма важным) событием в кампании стала неудачная попытка Кремля реанимировать находившуюся в состоянии глубокого упадка партию «Правое дело». Ей была отведена роль лояльной «нишевой» партии, призванной собрать голоса части «продвинутых» избирателей. Но когда предложенный в качестве нового лидера партии миллиардер Михаил Прохоров предпринял несколько не согласованных с властями шагов, Кремль предпочел избежать рисков нелояльности

со стороны своей же креатуры и перед самым предвыборным съездом партии избавился от непредсказуемого Прохорова.

Прозвучавшее 24 сентября 2011 года на съезде «Единой России» объявление об «обратной замене» (Путин – будущий президент, Медведев – будущий премьер-министр и лидер думского списка ЕР) создало у властей и части их попутчиков ощущение свершившегося факта. Если накануне кампании в политическом классе страны ощущалась нервозность из-за неясности кадровых «раскладов» и скрытой конкуренции клик в правящей группе, то разрешение этой неясности успокоило почти что всех представителей элит ^[200]. Если до объявления о «рокировке» они активно занимались дележом будущей «добычи» по итогам электорального цикла (проявлением чего, в частности, стало формирование параллельно «Единой России» аморфной структуры Общероссийского народного фронта), то, как только новая конфигурация стала известна, они погрузились в инертность и апатию – как выяснилось, в самый неподходящий момент. Такое развитие событий внезапно открыло для оппозиции новое, пусть и узкое, окно политических возможностей.

Накануне кампании разрозненные ряды оппозиции не могли прийти к согласию по поводу тактики своих действий. Самые ортодоксальные противники режима призывали к бойкоту думского голосования, заявляя о его нелегитимности. Часть умеренных оппозиционеров склонялась к поддержке «системных» партий (от КПРФ до «Яблока»), рассматривая их как наименьшее зло по сравнению с ЕР. Другие политики предлагали портить бюллетени на участках для голосования (так называемая тактика «НаХ-НаХ»), хотя ранее, в ходе электорального цикла 2007–2008 годов, аналогичное электоральное поведение оказалось явно неэффективным.

В результате наиболее популярной и, в конце концов, самой успешной оказалась стратегия, активно продвигавшаяся Алексеем Навальным, – голосовать за любую партию, кроме ЕР. Ее эффективность была обусловлена сочетанием двух факторов. Во-первых, она идеально позволяла выстроить «негативный консенсус» против сохранения статус-кво, который объединил самые разные идейные течения, – не только среди самих оппозиционеров, но и в различных группах и средах избирателей, не оставляя режиму шансов для ответных шагов по принципу «разделяй и властвуй». Во-вторых, выбор ЕР в качестве единственной «мишени» протестного голосования оказался как нельзя более удачным –

партия, которая играла роль инструмента для оформления решений, принятых правящей группой, не представляла никакой идеологии, кроме поддержки статус-кво, а в глазах избирателей ассоциировалась исключительно с коррумпированным чиновничеством, – была очевидно непривлекательна для «продвинутых» избирателей сама по себе. Ситуацию усугубило и появление во главе списка ЕР Медведева, чья политическая беспомощность в процессе «обратной замены» стала особенно явной. Глава государства, еще вчера пытавшийся заручиться поддержкой «продвинутых» избирателей, привлекая их пустыми обещаниями либерализации и правового государства, вмиг превратился в объект многочисленных злых насмешек. Резкая критика уходящего президента, в которой рефреном звучал тезис о том, что Медведев смог доказать, что Россией может управлять даже полное ничтожество, звучала в этой связи как хотя и жестокий, но вполне оправданный политический приговор [201].

Другим важным ресурсом, который смогла успешно мобилизовать оппозиция, стал Интернет. Вопреки распространенному мнению ряда специалистов о преобладающей роли социальных сетей в ходе массового протеста по итогам нечестных выборов, российский случай демонстрировал куда более высокую значимость Интернета на стадии, предшествовавшей протестам, – как средства информирования и вовлечения в политику прежде пассивных избирателей в ходе кампании. Ключевым ресурсом здесь выступил Youtube, ранее привлекавший аудиторию Интернета в качестве источника развлечений. Благодаря творческому освоению этого и многих других сайтов, позволявших пользователям самостоятельно размещать материалы в Сети, негативная кампания против ЕР получила невиданный доселе размах. Видеозапись дискуссии между Навальным и депутатом Думы от ЕР Евгением Федоровым, в которой впервые прозвучало определение «партии власти» как «партии жуликов и воров», к марту 2011 года набрала в Интернете свыше 600 тысяч просмотров [202], а столь уничижительная характеристика ЕР вскоре превратилась в своего рода «бренд». Вслед за этим Сеть наводнили ролики, которые разоблачали, а чаще всего высмеивали манипуляции чиновников, стремившихся в ходе кампании любой ценой обеспечить высокий результат думского голосования за ЕР – количество таких роликов быстро достигло уровня «критической массы». Объявленный Навальным конкурс на лучший

агитационный материал против «партии жуликов и воров», спровоцировал взрыв творческой энергии. Мультфильмы и музыкальные клипы работали на подрыв статус-кво, пробуждая интерес к голосованию против ЕР среди тех граждан, кто прежде был далек от политики.

На фоне унылой официозной риторики в духе брежневского «застоя» оппозиционный креатив привлекал «продвинутых» избирателей, менее всего склонных поддержать статус-кво, – тех, кому к тому же явно не хватало своей «нишевой» партии. Фон кампании начал стремительно меняться, и вслед за «несистемной» оппозицией вскоре активизировались и «системные» партии, получившие прямую выгоду от стратегии «голосуй за любую партию, кроме ЕР». Ряд представителей «Справедливой России», КПРФ и, особенно, «Яблока» все смелее и громче поднимали голоса против «обратной замены» и режима в целом. В ряде случаев в день голосования эти партии предоставляли свою «крышу» для оппозиционно настроенных наблюдателей, численность которых, особенно в крупных городах, существенно возросла по сравнению с 2007–2008 годами.

Нельзя сказать, что режим не предпринимал усилий для противодействия оппозиции, но его шаги оказывались явно запоздалыми и лишь провоцировали нарастание протестных настроений. Многочисленные «накачки» в поддержку ЕР, проводимые нижними этажами «вертикали власти», сопровождались обещаниями раздачи «пряников» и слабыми угрозами применить «кнут», но ни в посулы, ни в угрозы, похоже, не верили даже сами местные чиновники. Информационная атака против ассоциации «Голос», которая вела мониторинг нарушений законодательства в ходе кампании и в день голосования, была предпринята властями лишь на последней неделе перед 4 декабря [203], и уже не смогла нанести ей ущерб, а лишь вызвала ненужный Кремлю скандал. Казалось, что власти стремятся не столько к максимизации результата голосования за ЕР, сколько к минимизации своих усилий по его достижению.

Планка ожиданий думского голосования у представителей режима по ходу кампании снижалась быстрее, чем плавно опускавшиеся рейтинги массовой поддержки «тандема» и ЕР. Если в сентябре-октябре чиновники заявляли, что ЕР получит 65 % голосов [204], то уже в конце ноября речь шла о 55 процентах [205]. Кроме того, «вертикаль власти», которая прежде рутинно и вполне

себе успешно использовала административный ресурс, на сей раз испытывала невероятное перенапряжение. Причиной тому отчасти стала массовая замена глав исполнительной власти в период президентства Медведева. Многие локальные «политические машины», призванные обеспечивать требуемые результаты голосований, выстраивались в течение долгого времени губернаторами и мэрами на основе персональных связей с так или иначе зависимыми от них местными заинтересованными группами, а новые назначенцы в целом ряде случаев оказались не способны управлять этими механизмами столь же успешно, как их предшественники. Еще одной причиной стало совмещение думской кампании с субнациональными выборами в ряде регионов, изначально призванное повысить долю голосов и мест ЕР в региональных и местных законодательных собраниях. В результате этого совмещения региональный и муниципальный чиновный люд стремился минимизировать усилия по обеспечению итогов думского голосования – ведь их собственное благополучие куда больше зависело от локальных «раскладов», нежели от итогов общероссийской кампании, победители которой заранее были назначены Кремлем. Наконец, высказывалось и предположение – не такое уж неправдоподобное – что организаторы кампании ЕР в ряде регионов попросту расхищали все деньги, предназначенные на подкуп избирателей [206].

Все эти тенденции в день голосования 4 декабря 2011 года слились воедино, придав первому этапу «обратной замены» характер, близкий к «опрокидывающим выборам». Помимо многочисленных и разнообразных злоупотреблений в день голосования, часть из которых оперативно фиксировалась и размещалась в Интернете наблюдателями и активизировавшимися избирателями, стоит отметить следующее: (1) повышенную явку на избирательные участки как раз тех «продвинутых» избирателей, на апатию которых рассчитывал режим; и (2) громадный разрыв между официальными итогами голосования и данными экзит-поллов (опросов избирателей на выходе с участков), опубликованными в день голосования лояльным Кремлю ФОМом (по Москве он достигал 20 % голосов) [207]. Хотя, согласно официальным данным Центризбиркома, ЕР получила 49,3 % голосов избирателей и 238 из 450 думских мандатов, на деле издержки формальной победы «партии власти» для режима намного превышали ее выгоды.

Напротив, оппозиция неожиданно для себя добилась максимально возможного успеха: (1) ЕР, при всех злоупотреблениях в ее пользу, не смогла заручиться поддержкой более половины избирателей; (2) режим глубоко дискредитировал себя в глазах «продвинутых» избирателей; (3) «негативный консенсус», стихийно сложившийся в ходе кампании, оказался упрочен по итогам выборов. Этот успех следовало развивать, и неудивительно, что сразу же после голосования в Москве и других городах страны прошли заметные акции протеста (хотя изначально и не слишком массовые, но намного превышавшие по числу участников протестные акции прежних лет). Демонстративный эффект «раскрутки» публичного неприятия результатов голосования оказал влияние и на общественное мнение, стремительно меняя прежде скрываемые массовые предпочтения и вовлекая в протест все новые группы граждан [208]. Страх и обман, которые вкупе с экономическим ростом обеспечивали лояльность граждан авторитарному режиму [209], уже не могли служить столь же эффективным инструментом для поддержания статус-кво.

Власти, похоже, были не готовы к такому развитию событий. «Контрреволюционеры» из числа прокремлевских молодежных движений оказались не слишком полезны при защите статус-кво от перешедших на сторону оппозиции граждан, а вскоре и вовсе ушли в тень, а то и попросту дезертировали с политической арены. Прибегнуть к массовому насилию в отношении протестующих на фоне упадка массовой политической поддержки режима казалось неоправданно рискованным шагом. Прежняя стратегия «виртуальной политики» (например, публикация прослушанных телефонных переговоров оппозиционеров) себя исчерпала и имела лишь эффект, обратный задуманному, еще более сплотив «негативный консенсус».

Власти же восприняли свой провал не как системный и неустранимый вызов, а как досадный «ляп», недоразумение, вызванное технологическими и управленческими ошибками. Казалось бы, после относительной неудачи ЕР у Путина открывались новые шансы для кооптации части оппозиции в качестве «попутчиков» режима с последующей сменой политического курса. Теоретически, Путин мог, например, предложить посты в новом кабинете министров представителям не только «системных» партий, но и «внесистемным» противникам режима, включить в состав своей новой команды те или иные

знаковые или просто новые фигуры. В конце концов, можно было бы даже убрать с политической сцены окончательно утратившего остатки репутации Медведева и призвать на пост премьер-министра бывшего министра финансов Алексея Кудрина, отправленного в отставку в сентябре 2011 года после его публичного несогласия с некоторыми шагами Медведева. Но такой подход мог быть воспринят частью правящей группы как проявление слабости лидера и повлечь за собой риски дальнейших размежеваний внутри элит. Поэтому, в конечном итоге, почти все кадровые перестановки свелись лишь к перетасовке прежней управленческой команды. Вместе с тем, резкие публичные выпады Путина в адрес оппозиционеров лишь усугубляли неприятие статус-кво и негативное отношение теперь уже лично к «национальному лидеру». От стадии «За честные выборы!» протест довольно быстро перерос в стадию «Долой Путина!».

Пассивность властей, как будто окончательно отказавшихся от «кнута», но упорно не желавших делиться с оппозицией «пряниками», в немалой мере способствовало диффузии протеста как «вширь», за пределы столицы, так и «вглубь» – численность участников акций оппозиции возрастала с каждым следующим митингом, а репертуар коллективных действий все более расширялся ^[210]. Наконец, после протестных акций в конце декабря 2011 года Медведев внес в Думу законопроекты, направленные на либерализацию правил регистрации политических партий и заявил о предстоящем возвращении к всеобщим выборам глав исполнительной власти регионов. Эти шаги были вынужденной реакцией режима на давление оппозиции, которая требовала отмены итогов думского голосования. Но подобная реакция властей уже не могла удовлетворить требования протестующих – запоздалые, половинчатые и/или растянутые во времени меры к тому же не были результатом диалога властей с общественностью, а выглядели как своего рода «подачки». Предложенные законодательные новации, касавшиеся и сохранения разрешительного порядка регистрации партий, и «муниципального фильтра» (барьера на пути кандидатов, выдвигаемых на выборах глав исполнительной власти регионов), выдавали явное стремление заблокировать участие в выборах нелояльных Кремлю фигур, а реформа избирательной системы, по сути, сводилась лишь к косметическим правкам. Но главное – все эти шаги, в лучшем случае, могли бы что-то изменить, будь то конфигурация политического устройства регионов или

партийной системы на уровне страны в целом, – не ранее следующих думских выборов.

Отдельные политики и общественные деятели (прежде всего, Кудрин) предпринимали попытки «навести мосты» между режимом и оппозицией, призывая обе стороны конфликта к переговорам. Однако эти шаги, направленные на достижение «соглашения элит» о поэтапном мирном пересмотре «правил игры» в российской политике и последующем постепенном демонтаже режима, не имели успеха, и отнюдь не только в силу робкого и закулисного характера несостоявшихся переговоров. В самом деле, успешные «соглашения элит» (или «пакты») в тех или иных странах (например, «круглый стол» 1989 года в Польше или «пакт Монклоа» 1977 года в Испании) обычно становились следствием длительного острого и масштабного противостояния различных сегментов элит и общества в целом. Они достигались тогда, когда издержки продолжения конфликтов становились для участников слишком велики, а прежний опыт их разрешения по принципу «игры с нулевой суммой» (как в 1981 году в Польше или в 1939 году в Испании) рассматривался обеими сторонами конфликта как явно неприемлемый [\[211\]](#).

В России зимы 2011–2012 годов режим рассчитывал добиться легитимного возвращения Путина на пост президента по итогам голосования в марте 2012 года посредством минимального латания трещин в стене прежнего статус-кво. Между тем оппозиция еще не успела создать устойчивую массовую базу, не говоря уже об организационной консолидации (для сравнения: в 1981 году польская «Солидарность» насчитывала свыше 9 миллионов участников). Поэтому, не без оснований опасаясь обмана со стороны правящей группы, оппозиция настаивала на максимально скором и публичном пересмотре не только итогов думского голосования, но и «правил игры» в политике в целом. В таких условиях стимулы к поиску согласованных решений для каждой из сторон конфликта оказались явно недостаточными, и в итоге переговоры попросту не состоялись. Возможно, для них еще не пришло время, но нельзя исключить, что этот механизм (который не так часто приводил к успешной демократизации авторитарных режимов) вообще не будет востребован в нашей стране. Так или иначе, но режим и оппозиция двинулись к новому раунду голосования параллельными курсами.

Неудачные результаты ЕР в ходе думского голосования 2011 года свидетельствовали об исчерпанности стратегии «виртуальной

политики» как основного средства поддержания статус-кво. Неудивительно поэтому, что главный идеолог и политтехнолог российского режима, заместитель руководителя президентской администрации Владислав Сурков, который в течение десяти с лишним лет систематически выстраивал конструкцию электорального авторитаризма, был вскоре смещен со своего поста. Его место занял куда менее склонный к изощренным манипуляциям Вячеслав Володин. Проблема для режима состояла в том, что выбор альтернативных стратегий поддержания своей политической монополии оказался довольно сильно ограничен. Силовое подавление протестов было исключено – масштабы протестной мобилизации переросли технические возможности разгона митингов, а массовое применение силы могло оказаться самоубийственным для теряющего популярность режима ^[212].

Опережающая и более полноценная политическая либерализация грозила Кремлю потерей власти в не слишком отдаленном будущем – Путин, на глазах которого на рубеже 1980–1990-х годов произошел крах коммунистического режима в ходе его демократизации, был явно не готов открыть «ящик Пандоры» и перейти к открытой политической конкуренции. По-видимому, по сходным причинам для него оказалось неприемлемым и честное проведение президентских выборов с двумя турами голосования. Дело не только в тяжелых воспоминаниях о поражении патрона Путина Анатолия Собчака во втором туре выборов губернатора Санкт-Петербурга в июне 1996 года – необходимость второго тура демонстрировала бы очевидную слабость «национального лидера», создавала бы риски усиления «негативного консенсуса» и, как следствие, повышала вероятность проигрыша любому конкуренту.

«По умолчанию» доминирующей (то есть не зависящей от шагов противника) стратегией режима стало обеспечение любой ценой 50 % голосов за Путина в первом туре. Выбор средств для достижения этой цели также не отличался избыточной изобретательностью. По большей части были использованы прежние приемы, которые не принесли режиму успеха в декабре. Но на сей раз масштаб и интенсивность их применения резко возросли, а прежняя расслабленность Кремля и его службы вскоре уступила место агрессивному напору. Следствием этого стала массивная информационная кампания в поддержку режима и против оппозиции, запугивание избирателей «оранжевой угрозой», исходящей от «раскачивающих лодку» агентов «тлетворного

влияния Запада», а также гораздо более целенаправленное и систематическое применение административного ресурса. Частным проявлением последнего стала масштабная замена нижних звеньев «вертикали власти», не способных обеспечить требуемый исход голосования (от губернаторов до председателей и членов участковых избирательных комиссий). В ответ на уличные акции оппозиции к этим шагам добавили также массовые мероприятия в поддержку Путина, проведенные в разных городах страны по принципу «лобового противостояния», превзошедшие по численности все акции оппозиции и отличавшиеся невиданной агрессией режима по отношению к противникам. Продолжая параллели с футболом, эту стратегию можно было сравнить с агрессивной и грубой игрой на удержание победного счета в ожидании истечения времени матча.

В свою очередь, оппозиции удалось поддерживать «негативный консенсус» с помощью прежней стратегии мобилизации под лозунгом «Ни одного голоса Путину!» и призывов к избирателям голосовать за кого угодно, кроме «национального лидера». Однако основные вызовы для противников статус-кво крылись в отсутствии у оппозиционеров единой позитивной альтернативы. По понятным причинам, трудно было ожидать, что либералы, левые и националисты, которые плохо переносили друг друга и имели весьма различные политические и экономические воззрения, сумели бы выработать сколько-нибудь сходные программы. Наглядным проявлением пределов и ограничений «негативного консенсуса» стало заявление Навального о том, что вся его экономическая программа сводилась лишь к борьбе с коррупцией. Однако жесткий отказ властей от диалога с оппозицией и использование тактики «лобового противостояния» сделал почти невозможное – хотя с программной точки зрения для каждого отдельного сегмента оппозиции гипотетический приход к власти идейных противников являлся неприемлемым и тем самым сохранение статус-кво как будто должно было стать наименьшим злом, к февралю 2012 года среди оппозиции в целом и ее сторонников возобладала точка зрения, что нынешний режим представлял собой зло, безусловно большее. Разногласия с режимом, похоже, оказались сильнее, чем программные расхождения, не только для оппозиции, но и для ее социальной базы – «продвинутой» части электората. Опыт падения самых разных электоральных авторитарных режимов (от PRI в Мексике ^[213] до Милошевича в Сербии ^[214]) говорит о том, что

«негативный консенсус» оппозиционеров служит необходимым, хотя очевидно и далеко не достаточным, условием для успешной демократизации.

Однако в преддверии голосования 4 марта 2012 года все острее давали о себе знать как организационная, так и стратегическая слабость оппозиции. Прежде всего, противники режима опирались не на политические или неполитические оппозиционные организации (сколько-нибудь влиятельных организаций такого рода в России попросту не было), а на «слабые связи» сетевой мобилизации через Интернет ^[215]. Такие связи оказались легко активизировать на эмоциональном подъеме, подобном наблюдавшемуся после думского голосования в декабре 2011 года, но полагаться только на них, как на основной инструмент мобилизации, было явно недостаточно. Слабость оппозиции проявилась в том, что по-настоящему крупномасштабные протестные акции так и не вышли за пределы Москвы и отчасти Санкт-Петербурга и охватили лишь сегмент «продвинутых» избирателей.

В то же время немалая часть «периферийного» электората могла вполне рационально расценивать сохранение статус-кво как менее неприемлемый вариант по сравнению с возможным падением режима, которое сулило им немалые издержки при любом развитии событий. Кроме того, все партии «системной оппозиции» сохранили прежнюю лояльность режиму и, по большей части, не рисковали перейти на сторону протестующих, справедливо полагая, что в случае полного поражения правящих групп их шансы на политическое выживание резко снизились бы ^[216]. Вдобавок, хотя корпус новых наблюдателей за ходом голосования 4 марта, рекрутированных оппозицией из числа своих сторонников, составлял несколько тысяч человек, этого не хватало для избирательных участков даже в крупных городах страны. Стратегия оппозиционеров ограничивалась лишь подготовкой очередных протестных акций – они оказались не способны заглядывать хотя бы на шаг вперед, в то время как их противники уже перешли в контратаку. Наконец, отсутствие на президентских выборах кандидатов, приемлемых для большинства даже «продвинутых» избирателей (не говоря уже о многочисленном «периферийном» электорате), резко снижала привлекательность призыва «Голосуй за кого угодно, кроме Путина!» и вносила разлад в ряды оппозиционеров. Творческая оригинальность оппозиционных

лозунгов, еще вчера так привлекавшая новых союзников, к марту 2012 года уже не могла подменить собой ни организационный потенциал, ни стратегическое планирование.

Возможно, если между парламентскими и президентскими выборами прошло бы не три месяца, а значительно большее время, оппозиция могла успеть хотя бы частично преодолеть эти слабости. Но стремительность развития событий оказалась на руку режиму, который сумел не просто испугаться протестов, но перехватить инициативу и эффективно ответить на вызов оппозиции с помощью всех доступных ему ресурсов и средств. В конце концов, 4 марта 2012 года властям удалось: (1) с помощью комбинации угроз и посулов мобилизовать сторонников статус-кво не только из числа периферийного электората; (2) в полном объеме задействовать локальные «политические машины», 4 декабря кое-где крутившиеся на «холостом ходу»; (3) максимально эффективно и успешно использовать весь арсенал злоупотреблений в ходе голосования и при подсчете голосов ^[217]. Хотя оппозиции, главным образом усилиями наблюдателей, удалось добиться относительно невысокого показателя голосования за Путина по Москве (официально 47 % голосов против 63,6 % по стране в целом) ^[218], силы были все же слишком неравны. Режим смог отпраздновать свою убедительную победу и даже не слишком огорчаться тому, что протестное голосование за единственного зарегистрированного независимого кандидата – Михаила Прохорова – составило свыше 20 % избирателей в Москве и свыше 15 % в Санкт-Петербурге (при почти 8 % по стране в целом) – в конце концов, ни один из включенных в бюллетень кандидатов не мог создать для режима риска потери власти. «Системная» оппозиция и большинство ее сторонников по доброй воле или вынужденно смирились с возвращением Путина.

Для «несистемной» оппозиции 4 марта 2012 года стало днем унижения и деморализации, с одной стороны, и прощания с иллюзиями скорого успеха – с другой. Часть оппозиционеров потратили немало сил на попытки убедить общественность и самих себя в том, что Путин при честном подведении итогов голосования набрал бы менее 50 % голосов избирателей (хотя, говоря спортивным языком, куда важнее то, употреблял ли спортсмен допинг вообще, а не то, какие результаты он показал бы без применения допинга). Другая часть оппозиционеров совершила отчаянную попытку мобилизовать своих сторонников на

запрещенные акции, которые были жестко пресечены в Москве и Санкт-Петербурге. Неудивительно, что вскоре после 4 марта 2012 года численность участников протестных акций пошла на спад (хотя последующие протестные выступления в Москве в мае-июне 2012 года вновь стали заметным явлением), а действия самой оппозиции подверглись критике со стороны ряда ее сторонников и активистов [219].

В известной мере, российская оппозиция оказалась в весьма уязвимой ситуации, типологически сходной с судьбой белорусских оппозиционеров после победы Александра Лукашенко на президентских выборах 2010 года и последующего силового подавления послевыборного протеста правящей группой [220]. В случае Беларуси, унижительное поражение и без того слабой и раздробленной оппозиции привело к ее дальнейшему упадку и маргинализации [221], рискам такого рода ничуть не в меньшей мере оказались подвержены и многие российские оппозиционеры. Часть активных участников протестных митингов вскоре ушли с политической сцены, другие вернулись к прежним не слишком успешным формам оппозиционной деятельности, и лишь немногие готовы были продолжать борьбу на новых аренах.

В свою очередь, режим по итогам голосования 4 марта 2012 года достиг поставленных целей при не столь уж больших издержках, что было для Кремля особенно значимо после относительного поражения ЕР в декабре 2011 года. Режиму удалось не допустить явного раскола элит и удержать в орбите своего влияния почти всех лояльных попутчиков. Более того, на фоне упадка протеста после президентских выборов Кремль смог частично отыграть назад уступки, изначально обещанные по итогам декабрьских митингов (в частности, ужесточив правила будущих выборов глав исполнительной власти регионов и максимально растянув по времени их сроки в ряде регионов). Избранная Кремлем стратегия отказа от компромиссов и агрессивной игры на «удержание счета» принесла свои плоды. Однако возвращение Путина на пост главы государства все же принесло как минимум два тревожных для режима побочных эффекта. Во-первых, сделав ставку прежде всего на «периферийный» электорат, режим утратил (возможно, что и навсегда) шанс вернуть поддержку статус-кво со стороны ряда «продвинутых» избирателей. Во-вторых, победа, достигнутая такими средствами, ставила под сомнение легитимность режима. Проще говоря, представление, что возвращение Путина на пост

президента было нечестным, в глазах части избирателей имело куда большее значение, чем фактический масштаб злоупотреблений при голосовании [222]. Таким образом, победа режима по итогам электорального цикла 2011–2012 годов вполне может оказаться пирровой – независимо как от реальных, так и от официальных итогов голосований, трещины в стене статус-кво становятся замазывать все сложнее, и с течением времени риски потери власти для правящей группы, скорее всего, будут возрастать.

Предварительные итоги

Последствия «опрокидывающих выборов» 2011 года и провал, пусть даже и частичный, российского электорального авторитаризма во многом определяет как сегодняшнюю, так и завтрашнюю повестку дня российской политики. Этот провал вовсе не был неизбежен и заранее предопределен, напротив, он стал следствием стратегических ошибок правящей группы. Неоправданно переоценив на основе прежнего опыта 2000-х годов эффективность «виртуальной политики» и увлекшись украшением фасадов, режим явно недооценил риски «обратной замены» руководителей государства, которые и повлекли за собой активизацию «продвинутых» избирателей. Оказалось, что известный тезис американского политолога Валдимера Орландо Ки «избиратели – не дураки!», широко цитируемый при анализе выборов в демократиях, имеет немалый смысл и при анализе выборов в условиях электорального авторитаризма [223]. Тезис Ки в нынешнем российском контексте восходит к знаменитому высказыванию Авраама Линкольна о том, что можно долго обманывать немногих или недолго обманывать многих, но нельзя всегда обманывать всех. Вероятно, российские избиратели могли бы еще некоторое время сохранять прежнее безразличное отношение к манипуляциям и злоупотреблениям со стороны режима, если бы не действия оппозиции, которая смогла вовремя умело воспользоваться ошибками правящей группы и применить эффективные средства активизации и мобилизации своих сторонников. Тем не менее ресурсный потенциал режима оказался достаточно велик, так что власти не успели растерять большинство сторонников, и в конечном итоге, хотя и не без труда, в марте 2012 года смогли удержать свое господство. Но означает ли итог электорального цикла возвращение к статус-кво, имевшему место до выборов? Ответ на этот вопрос

зависит, в частности, и от того, какие выводы из недавнего опыта сделают и режим, и оппозиция, и российские граждане.

Для российского режима (как и для других авторитарных режимов в мире) главным уроком на будущее, скорее всего, может стать вывод о том, что либерализация, пусть даже частичная и «виртуальная» [224], представляет опасность для сохранения статус-кво, а значит, для удержания власти следует вовремя «закручивать гайки». Этот курс уже был анонсирован Путиным сразу после президентских выборов, и нет оснований сомневаться в серьезности его намерений [225]. Вместе с тем, трудно сказать, сможет ли режим и далее успешно использовать такие институты, как политические партии и парламент, в целях кооптации «системной» оппозиции, и удастся ли ему успешно изолировать оппозицию «внесистемную» [226]. Что же до оппозиции, то стоящие перед ней вызовы несоизмеримо серьезнее. Удерживать «негативный консенсус» в течение длительного времени, а тем более воплотить его в организационную консолидацию по принципу «гражданское общество против враждебного государства» (определявшего систему координат, скажем, в случае польской «Солидарности») [227], российским оппозиционерам будет крайне тяжело – особенно с учетом того, что режим не преминет прибегнуть к тактике «разделяй и властвуй» в отношении своих противников.

Распространение новых идей, продвижение новых лидеров и становление новых организаций займет некоторое время, в то время как потенциал поддержки со стороны части «продвинутых» избирателей может оказаться ослаблен. И, тем не менее, опыт протестной мобилизации 2011–2012 годов в любом случае не пройдет зря и для самой оппозиции, и для десятков, если не сотен тысяч, их участников и куда большего числа сторонников перемен. Семена, посеянные зимой 2011–2012 годов на Болотной площади и проспекте Сахарова в Москве и на площадях других городов страны, обязательно дадут свои всходы, хотя, возможно, и не в ближайшем будущем. На руку оппозиции играет и тот факт, что настроения «продвинутых» избирателей по прошествии времени могут передаваться и части периферийного электората, расширяя, таким образом, потенциальную базу ее сторонников. Иначе говоря, спрос граждан на альтернативы статус-кво, скорее всего, будет возрастать так или иначе, и вопрос заключается в том, сумеет ли нынешняя российская оппозиция или, возможно, иные политические игроки удовлетворить его в ближайшие годы.

Скорее всего, можно ожидать, что электоральный авторитаризм в России после 2012 года ждут новые перемены. Пока преждевременно обсуждать возможные механизмы и темпы этих изменений – слишком многое здесь зависит не только от действий режима и от шагов оппозиции на различных политических аренах, но и от ряда других факторов. Поскольку, по всей вероятности, статус-кво будет становиться все более хрупким, режим станет давать все новые трещины, и риск быть погребенными под его обломками для правящей группы и для оппозиции будет возрастать, то в условиях сужения временного горизонта дальнейшее развитие событий в стране может становиться все менее предсказуемым. И все же обсудим возможные сценарии дальнейшей трансформации политического режима в России – этому будет посвящена заключительная глава книги.

Глава 6. Повестка на завтра

Для специалистов в области социальных наук, пожалуй, нет более востребованной и более сомнительной деятельности, нежели прогнозирование будущих событий и процессов. От экономистов широкая публика ожидает, прежде всего, сообщений о перспективах цен на нефть и валютных котировок, от социологов – предсказаний результатов голосований на будущих выборах, а от политологов – прогнозов политической ситуации в стране и в мире. Те специалисты, которым успешно удастся предугадать будущее, порой получают публичное признание, даже независимо от того, насколько содержательно обоснованы их прогнозы. Так, французский историк Элен Каррер д'Анкосс еще в далеком 1978 году написала книгу о грядущем распаде СССР. При этом она предполагала, что причиной распада станет бунт в советских республиках Средней Азии ^[228], который произойдет под радикальными исламскими лозунгами с целью обретения независимости от союзного Центра. Хотя ничего подобного на практике не произошло, а Советский Союз распался по совершенно иным причинам, но Каррер д'Анкосс была избрана в состав Французской Академии и сейчас занимает пост ее секретаря, несмотря на то, что научная ценность ее прогноза оказалась нулевой (или, возможно, как раз именно благодаря этому факту).

На самом деле, проблема заключается отнюдь не в том, что политические прогнозы тех, кого принято считать экспертами, не намного чаще оказываются фактически верными, да и содержательно обоснованными, нежели предположения интересующихся политическими новостями дилетантов, подобных «пикейным жилетам» из романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок». Ведь практически все прогнозы политического развития – исходят ли они от специалистов или от «пикейных жилетов» – строятся как проекция в будущее ситуации, существующей в настоящее время, с теми или иными поправками. Реальное же развитие событий подчас подчиняется иной логике, понять которую не всегда возможно, особенно с учетом влияния неожиданных и зачастую непредсказуемых факторов, резко меняющих все возможные сценарии. Иногда участникам прогнозов удается предугадать эти факторы, но чаще всего – нет, и тогда политическое

прогнозирование превращается в вариант даже не тотализатора, а игры в лотерею.

Тогда зачем нужны всевозможные научные и наукообразные рассуждения о будущем и мира политики в целом, и российской политики в частности? Думается, это занятие все же имеет немалый смысл. Стоит согласиться с мнением Даниэля Трейсмана, полагающего, что «если мы не можем определить, какой из путей выберет история, размышления над их конфигурациями, развилками и пересечениями все равно полезны. Это, по меньшей мере, даст возможность быть готовыми быстро интерпретировать реальное развитие событий. Вместе с тем попытки „систематизировать“ будущее формируют определенную перспективу мышления и привычку видеть перспективу, что полезно и при осмыслении настоящего. Вы волей-неволей начинаете думать о том, как сочетаются друг с другом разные аспекты действительности» [229] .

Итак, мы начнем с характеристики нынешнего положения дел в российской политике (по состоянию на июнь 2012 года) и тех тенденций и ограничений, которые препятствуют кардинальным преобразованиям, с одной стороны, и способствуют сохранению статус-кво, с другой. Затем, рассмотрев вариант закрепления этого положения дел в более или менее длительной перспективе (*загнивание*), обсудим возможные альтернативы такому развитию событий: варианты «закручивания гаек», предполагающего установление в России репрессивного авторитарного режима (*жесткая рука*), быстрого и внезапного коллапса нынешнего режима, и наконец, его постепенной («ползучей») демократизации и связанных с ней как шансов, так и реальных либо мнимых опасностей. Некоторые общие суждения о закономерностях политического развития нашей страны станут логическим завершением этой главы и книги в целом.

Диагноз: «институциональная ловушка»

К началу лета 2012 года, казалось, в России восстановилось политическое равновесие по образцу того порядка вещей, который был присущ стране в предшествующее десятилетие. Путин вернулся на пост президента, распределив ключевые позиции и источники ренты («кормушки») среди участников своей «правлящей коалиции». «Попутчики» режима в лице «системных» оппозиционных партий, представителей бизнеса, да и значительной части «прогрессивной» общественности, то ли по доброй воле, то ли вынужденно смирились с сохранением статус-кво. Волна массовых протестов в Москве и других городах после серии стычек с полицией выродилась в хотя и не малочисленные, но безопасные для властей хэппенинги. Уступки, которые Кремль сделал общественности, – такие, как возвращение к всеобщим выборам глав исполнительной власти регионов, – оказались выхолощены до того предела, за которым они уже не могли нанести урон правящей группе. Экономика страны росла, хотя и не слишком впечатляющими темпами. Наконец, уровень массовой поддержки властей россиянами, судя по данным опросов, если и не вернулся к временам «золотого века» первого президентства Путина, то, по крайней мере, явно далек от критического спада конца 2011 года.

Поэтому, в общем и целом, можно утверждать, что российские правящие группы смогли достичь своих целей, обеспечив становление и последующую консолидацию важнейших институтов – формальных и неформальных «правил игры» в российской политике, своего рода институционального «ядра» российского политического режима [230]. К этим «правилам игры» относятся:

- ◆ монопольное господство главы государства в сфере принятия ключевых политических решений (персонализм);
- ◆ отсутствие открытой электоральной конкуренции элит на фоне несвободных и несправедливых выборов (электоральный авторитаризм);
- ◆ и де-факто иерархическая соподчиненность региональных и местных органов власти и управления («вертикаль власти»).

Эти «правила игры» явно несовершенны, поскольку им имманентно (неизбежно и неустранимо) присуща неэффективность, проявлениями которой служат крайне высокий уровень коррупции (которая, помимо прочего, создает и стимулы к лояльности почти

всех сегментов элит); скрытая, но весьма жесткая борьба заинтересованных групп («башен Кремля») за доступ к ренте и за передел ресурсов; и, в конечном итоге, неспособность правящих групп к проведению реформ, которые могут нарушить сложившееся равновесие (что объясняет и неэффективность попыток авторитарной модернизации страны). Тем не менее, нынешние правила игры, говоря словами Дугласа Норта, если и не полностью служат «интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил» [\[231\]](#), то, по крайней мере, на сегодняшний день позволяют эти интересы не ущемлять.

Но за внешними контурами восстановления политического равновесия в России кроется глубокое разочарование и нарастающее недовольство тем порядком вещей, который вновь претендовал на свою безальтернативность как на нечто само собой разумеющееся. Это недовольство фиксировали не только массовые опросы и фокус-группы с участием представителей различных социальных групп в разных городах и регионах стран, но и опросы и социологические интервью с участием представителей российских элит. Еще в 2008 году исследование элит, проведенное под руководством Михаила Афанасьева, продемонстрировало, что большинство российского правящего класса поддерживало демократизацию страны, выступая за проведение свободных выборов, конкуренцию партий, ограничение власти президента – но, однако, при этом весьма значительный по численности сегмент «силовиков» в российских элитах жестко выступал против любых демократических начинаний [\[232\]](#). На фоне «опрокидывающих выборов» и протестов зимы 2011–2012 годов размежевания в элитах и в обществе и рост неприятия статус-кво лишь усилились.

На первый взгляд, нарастание спроса на перемены в различных группах российского общества при продолжающемся предложении все той же прежней «стабильности» со стороны российских властей грозит стать источником политической напряженности в стране и повлечь за собой смену режима. Однако такой вывод был бы преждевременным и необоснованным. Ведь на практике политическое равновесие может поддерживаться не только благодаря привлекательности действующего порядка вещей, но и в силу того, что альтернативы ему выглядят непривлекательными или мало реалистическими, а главное – в силу того, что издержки перехода от одного порядка вещей к другому представляются за пределами высокими (сравнимыми с теми, которые пришлось

заплатить российскому обществу в ходе «тройного перехода» 1990-х годов). Как говорится в известной песне: «и уж если откровенно, всех пугают перемены», особенно на фоне недавнего опыта «лихих 1990-х», который воспринимается весьма негативно. Представители бизнеса опасаются рисков нового передела собственности, работники предприятий отраслей, зависящих от государственных заказов, боятся структурных реформ и вызванной ими безработицы, умеренно лояльные властям «системная» оппозиция и «прогрессивная» общественность полагают, что в случае смены режима они не просто окажутся на периферии влияния, но и будут отодвинуты от выделенных им нынешними властями «кормушек». Иначе говоря, для многих из тех, кого не устраивает нынешнее положение дел в стране, сохранение статус-кво оказывается меньшим злом по сравнению с кардинальными политическими преобразованиями.

Не случайно, например, что протестная волна зимы 2011–2012 годов не встретила широкой поддержки со стороны тех слоев российского общества, которые весьма критически оценивали деятельность российских властей [\[233\]](#). И до тех пор, пока издержки такого равновесия для российских правящих групп и для общества в целом не превышают его текущие выгоды, оно может поддерживаться многими заинтересованными акторами. Хотя продолжение такой политики и может усугубить проблемы страны, но стимулы для нарушения этого равновесия сегодня невелики. Можно утверждать, что в российской политике укоренилась *институциональная ловушка*, – устойчивое, но неэффективное равновесие, в нарушении которого мало кто заинтересован [\[234\]](#).

Многочисленные примеры такого рода «институциональных ловушек» хорошо знакомы нам из повседневного опыта. Мы можем наблюдать супругов, которые давно надоели друг другу, и в мечтах, возможно, хотели бы строить свою жизнь вместе с иными партнерами, но понимают, что шансы успешно создать новую семью для них чем дальше, тем больше становятся сомнительными, а издержки, связанные с разводом и разделом имущества, велики и все более возрастают. Или школьного «твердого троечника», который ни шатко ни валко справляется с текущими учебными заданиями и по инерции переходит из одного класса в другой, но не имеет ни внешних стимулов, ни внутренних позывов к тому, чтобы кардинально улучшить свою успеваемость, – хотя и ухудшить, впрочем, тоже. В истории нашей страны наиболее известным и

впечатляющим примером «институциональной ловушки» может служить период правления Леонида Брежнева (1964–1982), известный как *застой*. По сути, почти два десятилетия у власти бессменно находилась «выигрышная коалиция», заинтересованная лишь в поддержании политического статус-кво и не имевшая стимулов для проведения экономических реформ, в то время как спрос на перемены со стороны советского общества оставался латентным и по большому счету так и не был предъявлен. В конечном итоге, время было упущено, потенциал преобразований советской системы оказался растрочен впустую, а политика перестройки, начатая лишь после прихода к власти Михаила Горбачева, оказалась непродуманной и непоследовательной и завершилась полным крахом и политического режима, и всего советского государства. Параллели между нынешним российским политическим режимом и позднесоветской практикой 1970-х – начала 1980-х годов, ставшие в 2000-е – начале 2010-х годов общим местом в отечественной публицистике [\[235\]](#), говорят о возможных пагубных последствиях «институциональной ловушки» для нашей страны сегодня.

Сформировавшееся в России к началу 2010-х годов политическое равновесие грозит оказаться самоподдерживающимся – не только из-за отсутствия или слабости значимых акторов, способных создать вызовы режиму, но и в силу инерции, задаваемой, в том числе и «правилами игры», сформированными в 1990-е и особенно в 2000-е годы. Проще говоря, по мере сохранения в стране текущего положения дел преодолеть его становится все сложнее. И по мере дальнейшего упрочения нынешнего режима и предлагаемой им институциональной «стабильности» Россия попадает в «порочный круг», чем дальше, тем больше снижая шансы страны на успешный выход из возникшей «институциональной ловушки». И хотя как многие исследования, так и опыт протестной зимы 2011–2012 годов говорят о глубокой неудовлетворенности и российских элит, и российского общества положением дел в стране, их коллективным действиям, направленным на изменения статус-кво, сегодня препятствует не только довольно сильная фрагментация акторов, но и институционально закрепленные барьеры. В самом деле, сложившееся равновесие фактически способствует тому, что стремление к сохранению любой ценой статус-кво в системе власти и управления («стабильность» режима) из средства его

поддержания становится для правящих групп самоцелью. Кроме того, неэффективность политических институтов сужает временной горизонт всех без исключения значимых акторов, вынуждая их жертвовать долгосрочными целями во имя получения краткосрочных выгод «здесь и теперь». Поэтому даже если предположить, что те или иные группы в руководстве страны когда-либо сами захотят провести преобразования, ориентированные на повышение эффективности управления страной, то благие намерения почти неизбежно натолкнутся на риски непреднамеренного ухудшения их собственного положения, превосходящие возможные выгоды таких преобразований для самих правящих групп и для страны в целом.

Что уж говорить о гипотетической демократизации ее политического режима? Ведь, пожалуй, главный урок, который извлекли нынешние российские лидеры из опыта горбачевской перестройки, состоит в том, что политики, которые начинают реформы, сопровождающиеся политической либерализацией, рискуют потерпеть полное поражение и лишиться власти – а, следовательно, на этом пути необходимо повесить знак «кирпич». В итоге Россия оказывается в ситуации, когда даже осознание элитами, да и обществом в целом, острой необходимости перемен в стране и кардинального пересмотра приведенных ранее политических институтов не только не создает стимулов к преобразованиям, но и также наталкивается на представление о невозможности реализовать их «здесь и теперь» без существенных потерь для тех, кто рискнет эти перемены воплотить в жизнь.

Возможен ли, и если да, то каким именно образом выход России из «институциональной ловушки» – отказ от нынешних политических институтов неэффективного электорального авторитаризма и выработка новых, более устойчивых и успешных демократических «правил игры»? Ответ на этот вопрос сегодня совершенно неочевиден, по крайней мере в краткосрочной перспективе. И дело не только в том, что пока что условия для такого рода преобразований в России попросту отсутствуют (никто из нынешних акторов не способен, да и не склонен к их проведению). Проблема лежит в иной плоскости – опыт многих стран говорит о том, что выход из «институциональных ловушек» чаще становится побочным следствием мощных внешних (экзогенных) шоков. Речь идет о влиянии войн, этнических конфликтов, революций, природных и техногенных катастроф,

экономических кризисов и коллапсов. Однако не только сколь-нибудь обоснованное предсказание такого развития событий, но и попытка предугадать их возможное воздействие на поведение акторов и общества в целом, – задача заведомо неблагодарная.

Скажем, некоторые специалисты полагают, что сохранение стабильности российского политического режима либо его изменение выступают не более чем побочными продуктами экономического развития нашей страны [236]. Отсюда и ожидания того, что возможный спад в экономике, вызванный глобальными процессами (от кризиса в зоне евро и замедления темпов роста в Китае до снижения спроса на нефть и газ в силу технологических перемен в мире), может спровоцировать крушение политического статус-кво в России – например, повлечь за собой подрыв «навязанного консенсуса» и переход к открытой конкуренции акторов, что способствует пересмотру важнейших «правил игры». Не отрицая вероятности такого развития событий, следует иметь в виду, что авторитарные режимы далеко не всегда реагируют на экономические кризисы подобным образом, и зачастую остаются ими не затронуты, а то и «сворачиваются» вовнутрь, утрачивая способность к переменам на долгий срок. Кроме того, стимулы к преобразованиям этих режимов, по мнению ряда исследователей, зависят даже не столько от глубины экономического спада, сколько от его продолжительности. Краткосрочные шоки (подобные экономическому кризису 2008–2009 годов в России) подчас либо не успевают непосредственно сказаться на политических режимах, либо оказывают на них ограниченное воздействие [237].

Столь же неочевидным является и альтернативное предположение – о том, что длительный, устойчивый и относительно быстрый экономический рост в России как бы сам собой повысит спрос на демократизацию страны со стороны численно разросшегося городского среднего класса и потому неизбежно повлечет за собой политические реформы [238]. Хотя логика такого рода рассуждений вполне обоснованна и подкрепляется ссылками на опыт целого ряда стран, из нее напрямую не следует ни то, что этот спрос непременно будет предъявлен в тот или иной «критический момент» российской истории, ни уж тем более то, что реакцией со стороны правящих групп режима на этот спрос непременно окажется соответствующее адекватное предложение. Поэтому в последующих рассуждениях мы попробуем вывести за скобки перспективы анализа внешних

шоков для России и возможных механизмов их влияния по принципу «если случится А, то произойдет В». Не то чтобы вся экономическая и международная среда в обозримом будущем останется примерно такой же, что и сейчас (очевидно, что это практически невозможно). Но поскольку политический процесс в любой стране (а уж тем более в России) – это не просто проекция социальных, экономических и международных условий, а более или менее автономная сфера жизни общества, то не будет слишком уж большой натяжкой постараться объяснить варианты преемственности и/или изменчивости российского политического режима преимущественно влиянием внутривнутриполитических факторов, привлекая альтернативные объяснения в качестве фона, на котором разворачиваются политические процессы, и не более того (но и не менее). Исходя из этого подхода, мы обсудим несколько базовых вариантов относительно краткосрочной (в перспективе не более 5–7 лет) эволюции российского политического режима. К ним относятся:

- ◆ сохранение в России нынешнего политического статус-кво (говоря языком советского периода, дальнейшее «загнивание» российского режима);

- ◆ реакция российских правящих групп на вызовы своему господству и/или попытки преодоления низкой эффективности режима путем ужесточения авторитарных тенденций (механизм «жесткой руки»);

- ◆ внезапный коллапс нынешнего режима под воздействием того или иного стечения обстоятельств (которое может отнюдь не обязательно возникнуть в силу глубоких внешних шоков);

- ◆ пошаговая и, скорее всего, непоследовательная демократизация политического режима под давлением спроса со стороны российского общества.

Хотя вероятность каждого из этих вариантов поддается оценке с трудом, каждый из них отнюдь не исключен. Более того, все они представляют собой своего рода «идеальные типы», а реальная практика российской политики может представлять собой ту или иную комбинацию нескольких этих вариантов или последовательное либо непоследовательное чередование их элементов. Но мы попробуем по очереди сменить оптику анализа с тем, чтобы не только оценить варианты политического развития, но и понять возможности и риски потенциальных преобразований.

«Загнивание»: на политическом фронте без перемен?

Многочисленные российские, а тем более зарубежные, обозреватели российской политики склонны рассматривать те или иные изменения в политической жизни страны не более чем как следствие закулисной борьбы неких сил в ее руководстве, выступающих на стороне добра или зла (или, в предельном варианте – разных групп, выступающих на стороне противостоящих друг другу сил зла), а сохранение статус-кво – как следствие своего рода баланса во взаимоотношениях между ними. Подобные суждения основаны на уверенности, что неудовлетворенность правящих групп существующим положением дел в стране почти по умолчанию задает стимулы к политическим переменам в том или ином направлении. В предыдущих главах книги было показано, что это далеко не так – и в мире политики в целом и в российской политике в частности. Скорее, логика политического развития, предполагающая сохранение статус-кво в качестве самоцели правящих групп, может быть объяснена даже не поговоркой «от добра добра не ищут», а простой житейской логикой – не искать новых приключений на свою голову.

В самом деле, если та среда, в которой функционирует российский политический режим, в обозримом будущем не претерпит кардинальных перемен, если соотношение сил ключевых акторов и их возможности по извлечению и перераспределению ренты останутся более или менее, что и сейчас, если давление на режим со стороны оппозиции и протестных движений удастся «сбить» до уровня, ненамного превышающего тот, что наблюдался до начала электорального цикла 2011–2012 годов, то не стоит ожидать, что российские правящие группы пойдут на односторонний пересмотр базовых «правил игры», на ревизию институционального «ядра» политического режима. Инерционное развитие событий, предполагающее сохранение нынешних политических институтов России с отдельными, не слишком существенными изменениями, в этом случае выглядит куда более предпочтительным для российских элит по сравнению как с демократизацией режима, так и с поворотом к более репрессивному авторитаризму.

Однако поддержание неэффективного политического равновесия не может происходить само собой – напротив, оно потребует от российских правящих групп немалых усилий. Речь идет не только

об умелом сочетании «кнута» и «пряника», сбалансированность которого оказалась нарушена в преддверии выборов 2011–2012 годов. Властям почти неизбежно придется, с одной стороны, прибегать к «точечным» и строго дозированным репрессиям по отношению к своим радикальным оппонентам и проводить политику «разделяй и властвуй» по отношению к противникам умеренным, а с другой – корректировать формальные и неформальные «правила игры», с тем, чтобы не просто сохранить, но и в какой-то мере укрепить институциональное «ядро» политического режима.

Примерами такого рода могут служить те шаги, которые предпринял Кремль по завершении волны протестов зимы 2011–2012 годов. Жесткий разгон протестных акций (таких, как «Марш миллионов» в Москве или уличные лагеря оппозиционеров в Москве и Санкт-Петербурге) и ужесточение санкций за нарушения правил проведения митингов сопровождались и двумя существенными институциональными изменениями: реформой законодательства о политических партиях и возвратом к практике всеобщих выборов глав исполнительной власти регионов, которые были анонсированы в декабре 2011 года. Однако в обоих случаях пересмотр «правил игры» и отказ от их наиболее антидемократических элементов ставил целью, скорее, закрепить и упрочить статус-кво, пусть и в новом обличий.

Возврат губернаторских выборов отчасти был призван снизить недовольство граждан и локальных элит практикой фактических назначений региональных руководителей, многие из которых не пользовались общественной поддержкой во вверенных им «вотчинах». Но отчасти он также стал реакцией на неспособность ряда назначенных Центром чиновников выполнять главную часть своего неформального контракта с Кремлем – любой ценой доставлять голоса избирателей в ходе федеральных и региональных электоральных кампаний. При этом, по ходу подготовки закона, в документ была внесена норма о «муниципальном» фильтре для выдвижения кандидатов, которая фактически блокировала возможности для выдвижения на выборах кандидатов, не пользующихся поддержкой Кремля, равно как и региональных властей, и оставлявшая возможности для участия в выборах лишь лояльным и не представлявшим никаких угроз для властей представителям «системной» оппозиции.

Аналогично, реформа законодательства о партиях (снижавшая норму численности членов партий с 45 000 до 500 человек) была призвана понизить наиболее одиозные барьеры на пути партийного строительства, которые подталкивали даже часть умеренных и вполне лояльных «попутчиков» режима в ряды «несистемной» оппозиции. Но поскольку все другие элементы регулирования электоральной политики сохранялись неизменными, а механизм регистрации партий оставался разрешительным (на усмотрение властей), то, по большому счету, такая реформа сама по себе не создавала вызовов для Кремля, а при необходимости позволяла ему формировать те или иные коалиции в поддержку статус-кво и лично Путина с участием ЕР и других партий, в том числе вновь созданных.

Как отмечал в этой связи Григорий Голосов, целью подобных политических реформ является «не демократизация, а консолидация авторитарного порядка путем придания ему более эффективной институциональной формы», то есть своего рода работа над ошибками и исправление некоторых эксцессов прежнего этапа строительства авторитаризма в России ^[239]. В самом деле, и недавняя замена «сверхбольшинства» ЕР в Государственной Думе простым большинством, и создание условий для «управляемой» электоральной конкуренции на региональных и местных выборах, и вероятная замена абсолютного большинства ЕР в региональных законодательных собраниях относительным, и возможное расширение полномочий законодательных собраний (например, согласование с большинством депутатов кандидатур на посты федеральных и региональных министров), и другие шаги такого рода в общем и целом лишь позволяют правящей группе кооптировать реальных и потенциальных автономных акторов вместо того, чтобы подавлять их, но, по большому счету, не смогут подорвать ее господство.

Можно ожидать, что курс на «загнивание», предполагающий дальнейшую консолидацию и перегруппировку авторитарного режима, не только не сможет решить никаких проблем нынешнего политического порядка в России, а, скорее всего, лишь обострит их. Вероятно, в этом случае произойдут дальнейшее усугубление проблем принципал-агентских отношений между Центром, региональными и местными органами власти и управления, нарастание коррупции на всех уровнях и перманентные всплески (периодически «разруливаемых») конфликтов групп интересов за

перedel ренты. «Загнивание» будет означать и резкое увеличение издержек на поддержание политического равновесия (поскольку властям, в том числе, придется увеличить масштабы платы за лояльность соискателям политической и экономической ренты), что никоим образом не повысит эффективность власти и управления.

А что же общество? Спрос на перемены, столь заметно предъявленный властям в ходе волны протестов зимы 2011–2012 годов, может частично быть удовлетворен благодаря отдельным уступкам по мелким вопросам и политике кооптации, частично канализирован в «ниши» относительно успешного решения частных проблем, а частично так и оставаться на уровне латентных проявлений недовольства или явных «бунтов» локального уровня. Иными словами, реакцией значительной части общества на «загнивание», говоря словами Альберта Хиршмана, может стать не активный коллективный и публичный *протест*, а его противоположность – пассивный индивидуальный *уход* ^[240].

«Уход» может проявляться в различных формах – одной из его разновидностей выступает, например, активно обсуждаемое многими россиянами намерение «свалить» из страны на Запад, но так или иначе он безвреден для властей, поскольку не только не подрывает статус-кво сам по себе, но и увеличивает издержки по его преодолению для участников протестов. А без кумулятивного и относительно длительного по времени давления со стороны общества на режим кардинальных перемен ждать не стоит. И это, в свою очередь, будет означать, что политика «загнивания» может продолжаться до тех пор, пока издержки поддержания статус-кво не окажутся запретительно высокими, либо пока нынешнее поколение российских руководителей попросту не уйдет в мир иной, подобно поколению советских руководителей эпохи «застоя», при жизни которых на самую возможность пересмотра институционального «ядра» в стране было наложено табу.

Хотя сценарий «загнивания» на сегодняшний день следует рассматривать как базовый, его успешной реализации в России препятствуют два важных ограничения. Во-первых, для поддержания политического равновесия российским правящим группам потребуется постоянный по времени и при этом значительный по объему приток ренты, позволяющий поддерживать лояльность всех значимых акторов и общества в целом. Во-вторых, с течением времени эффективность манипуляций властей по отношению к общественному спросу на перемены может упасть

даже в сравнении с нынешним не слишком высоким уровнем (как известно, можно долго обманывать немногих или недолго обманывать многих, но нельзя всегда обманывать всех). А значит, попытки обеспечить сохранение статус-кво посредством «загнивания» далеко не обязательно достигнут своих целей.

«Жесткая рука» – друг диктатора?

Альтернативный вариант развития событий в России предполагает, что правящая группа будет сталкиваться с нарастанием реальных и потенциальных вызовов своему господству в самых разных формах. Протестные акции в Москве и в других городах страны могут не только разрастаться по численности участников и масштабу, но и приобретать новые (в том числе и насильственные) формы, риски нелояльности со стороны ряда нынешних «попутчиков» режима будут возрастать, а потенциал их кооптации и/или использования других инструментов окажется исчерпан. Опыт ряда авторитарных режимов в самых разных частях мира говорит о том, что в таких условиях их лидеры, прежде всего, склонны брать в руки «кнут» и применять его по полной программе, нежели пытаться использовать лишь одни «пряники». Примеров тому немало: от жесткого подавления южнокорейским режимом студенческого восстания в Кванджу (1980) до введения военного положения коммунистическим режимом в Польше (1981).

И хотя в длительной временной перспективе такая стратегия выживания авторитарных режимов не столь часто оказывается успешной (особенно если уровень их массовой поддержки низок, а протесты приобрели значительный размах), но на более короткой дистанции подобная реакция на кризисы со стороны правящих групп может оттянуть негативные последствия для режимов, хотя платой за это часто становится рост насилия и конфликтов. Таким образом, нельзя исключить, что и российские власти могут прибегнуть к поддержанию своего господства посредством «жесткой руки», то есть с помощью полного или частичного демонтажа демократического «фасада» ряда нынешних институтов и их замены сугубо авторитарными механизмами управления при сохранении институционального «ядра» неизменным. Даже если «закручивание гаек» в российском случае в конечном итоге повлечет за собой срыв резьбы, и поворот к «жесткой руке»

окажется самоубийственным шагом, то отложенное самоубийство и его возможные последствия также заслуживают обсуждения.

Трудно предсказывать те конкретные шаги, которые могут быть сделаны Кремлем на этом пути, однако здесь вполне возможны различные ограничения деятельности политических партий и общественных объединений (включая и «лояльные» властям), кардинальный пересмотр законодательства и правоприменительной практики в направлении расширения полномочий правоохранительных органов и спецслужб и дальнейшего ограничения прав и свобод граждан, частичное свертывание деятельности независимых СМИ, давление на общественные организации, отказ властей от кооптации «прогрессивной» общественности и последующий упадок всевозможных консультативных советов и т. д. Более радикальные версии могут включать в себя еще большее сужение полномочий российского парламента путем «добровольного» делегирования исполнительной власти права принимать законы с их последующим утверждением Государственной Думой и Советом Федерации, а также аналогичное делегирование региональными органами власти части своих полномочий Центру. Наконец, логическим следствием движения по этому пути может стать принятие новой Конституции страны, избавленной от рудиментов эпохи «лихих девяностых» в виде деклараций прав и свобод граждан, норм о приоритете международных обязательств России перед внутренним законодательством и прочих либеральных положений. Набор возможных изменений «правил игры», равно как и масштабы и длительность возможных репрессий в отношении противников режима, скорее, будет зависеть не от того, насколько реально велики вызовы для правящих групп и обусловленные ими риски, а от того, в какой мере эти вызовы и риски будут восприниматься ими как критически опасные для собственного выживания. Известно, что у страха глаза велики, но в какую сторону в тот или иной «критический момент» будут смотреть эти глаза и насколько глубоким и долгим окажется страх, предугадать заведомо невозможно.

«Закручивание гаек» даже в наиболее благоприятном для российских властей варианте, скорее всего, позволит им бороться только лишь с некоторыми симптомами патологий политического режима, но не с причинами заболеваний. Не приходится рассчитывать на то, что подобные меры повысят эффективность

власти и управления страной: коррупция, «борьба башен Кремля» за передел ренты и нарастание проблем принципалагентских отношений не исчезнут, а попросту приобретут иные формы. Наоборот, можно ожидать, что поворот к «жесткой руке» повлечет за собой для правящей группы резкое увеличение затрат на поддержание политического равновесия в стране. Им придется не только намного увеличить издержки контроля и подавления, с одной стороны, но и пойти на масштабное повышение побочных платежей «силовикам» за их лояльность – с другой. Риски, связанные с превращением правящих групп в своего рода заложников аппарата подавления, присущи всем репрессивным режимам, но в российском случае речь идет не об армии (выступавшей в таком качестве для ряда авторитарных режимов стран Африки и Латинской Америки), а о правоохранных органах и спецслужбах, которые глубоко вовлечены в масштабное извлечение и перераспределение ренты, а самое главное, не пользуются существенной поддержкой в российском обществе.

Вместе с тем, не стоит ожидать, что возможный поворот российского политического режима к сценарию «жесткой руки» (если и когда он позволит властям достичь своих целей) сам по себе может спровоцировать нарушение политического равновесия, даже если расширение репрессий будет угрожать значительной части прежде лояльных акторов или тем или иным «несогласным» с правящей группой. По крайней мере, до тех пор, пока «уход» в форме отъезда из страны будет оставаться для «продвинутой» части россиян более доступной альтернативой «протесту» против статус-кво, риски сопротивления со стороны общества для правящих групп могут оставаться не слишком велики. Во всяком случае, опыт режима Александра Лукашенко в Беларуси говорит о том, что в отсутствие реалистических альтернатив неэффективные репрессивные авторитарные режимы могут довольно длительное время поддерживать политическое равновесие, сохраняя статус-кво не то чтобы совсем «по умолчанию», но и не подвергаясь опасностям, несовместимым с их выживанием.

В российском случае риски поворота к «жесткой руке» для правящей группы, скорее, обусловлены иными причинами и лежат в иной плоскости. Во-первых, международный опыт говорит о том, что существующие на протяжении некоторого времени авторитарные режимы с изначально низкой репрессивностью довольно редко становятся намного более репрессивными. После

длительного успешного опыта раздачи «пряников» эффективное использование «кнутов» оказывается не столь простой задачей. Во-вторых, международные последствия поворота российского режима к «жесткой руке», вероятнее всего, окажутся однозначно негативными, и не только с точки зрения престижа страны и ее лидеров, ухудшения экономического климата, роста оттока капитала и т. д. в конечном итоге, все эти неприятности не столь критичны для выживания режима. Но для российских элит внешнеполитическая легитимация играет слишком важную роль, прежде всего, в связи с проблемой легализации доходов на Западе, где живут и проводят значительную часть времени и их семьи, да и сами представители правящей группы. Этот феномен, который Владислав Сурков некогда обозначил словами *оффиорная аристократия* [241], задает иные стимулы для части российских элит – на риски своему господству им может оказаться выгоднее реагировать не «закручиванием гаек», а выводом и легализацией активов за рубежом и последующим собственным переездом за границу. Наконец, в-третьих, в случае внезапной смены курса и поворота к «жесткой руке» риски нарушения баланса сил внутри правящих групп и низкая функциональность аппарата подавления в России могут оказаться столь велики, что неудачная попытка применения репрессий и/или их угрозы против сограждан грозит повлечь за собой крах авторитарного режима уже не в сколь-нибудь длительной перспективе, а «здесь и теперь», подобно тому, как это произошло в результате августовского путча 1991 года в СССР. При таком развитии событий «жесткая рука» может привести к непреднамеренным последствиям и оказаться вовсе не «другом диктатора», а одной из возможных причин развития событий в совершенно ином ключе – коллапса авторитарного режима.

Коллапс режима: ужасный конец или ужас без конца?

Коллапс политического режима, то есть его внезапное и относительно быстрое полное крушение в результате массовых протестов или иных внутренних конфликтов, которое сопровождается практически полной сменой правящей группы и отказом от прежних «правил игры», в сегодняшней России, на первый взгляд, маловероятен. Ограничением на этом пути выступает тот факт, что текущая ситуация в стране явно не

демонстрирует (по крайней мере, пока) никаких признаков «революционной ситуации», о которых еще почти век назад писал лидер большевиков Владимир Ленин. Хотя «низы и не хотят жить по-старому», но все же масштабы антисистемной мобилизации и потенциал оппозиции явно недостаточны для свержения режима. Вместе с тем «верхи» еще вполне себе «могут управлять по-старому», поскольку уровень консолидации правящих групп и их союзников (пока) остается достаточно высоким. Более того, даже возникновение революционной ситуации само по себе не всегда приводит к революционным исходам политического процесса. Поэтому если не принимать в расчет риски внешних шоков, то коллапс российского режима в обозримом будущем вроде бы не предвидится.

Но зачастую события такого рода происходят отнюдь не вследствие длительного и систематического противостояния режима и оппозиции, а в результате стихийного и иногда во многом даже случайного стечения обстоятельств в тот или иной «критический момент» истории. Ни Февральская революция 1917 года, положившая конец монархии в России, ни падение авторитарного режима в Тунисе в начале 2011 года, запустившее начало «арабской весны», вовсе не были неизбежны и заведомо predetermined – при ином развитии событий прежние режимы в обеих странах могли существовать в неизменном виде еще некоторое (возможно, и относительно длительное) время. Нет оснований для того, чтобы исключить вероятность коллапса и нынешнего российского режима в силу тех или иных непреднамеренных эффектов – особенно в ситуации, когда поддерживать политическое равновесие властям становится все сложнее, и со временем, похоже, будет еще сложнее. Во всяком случае, полностью сбрасывать со счетов вариант коллапса российского режима явно неосмотрительно, но и прогнозировать его гипотетические последствия было бы равнозначно плаванью без руля и ветрил в мутных водах как бы «политологической» фантастики.

Житейская мудрость говорит о том, что порой ужасный конец лучше, чем ужас без конца. Однако в отношении коллапса политических режимов логика далеко не столь очевидна: и опыт краха царизма в России 1917 года, и недавний опыт краха советского коммунизма в 1991 году говорят, скорее, о том, что результатом подобного развития событий зачастую (хотя и не всегда) может стать смена одних авторитарных режимов другими,

подчас куда более репрессивными. В самом деле, «на обломках самовластья» порой происходит то захват власти случайно оказавшимися в нужное время в нужном месте политическими предпринимателями, то разрешение конфликтов борющихся не на жизнь, а на смерть новых элит по принципу «игры с нулевой суммой», часто сопровождающееся массовым политическим насилием, то даже восстановление прежнего порядка в том или ином обличий.

Проблема обычно связана с тем, что к коллапсу режима, как к внезапной смерти, окружающие оказываются не готовы, и в условиях острого дефицита времени и высокой неопределенности политические акторы делают ошибочные шаги, а общество подчас «ведется» на неоправданные посулы и ожидания. И если в случае коллапса нынешнего российского режима Владимира Путина на посту главы государства сменит новый авторитарный лидер – скажем, некий гипотетический и условный «Шмутин», – то само по себе это никоим образом не будет означать демократизацию страны, а, скорее, поворот режима от «плохого» к «худшему». Ну и, пожалуй, главное – попытка сохранения власти любой ценой в случае коллапса режима может оказаться самоубийственной не только для российской правящей группы, но и для страны (а то и для всего мира) в целом – в конце концов, революции пока еще не случались в странах, начиненных ядерным оружием. Хотя вариант, при котором Путин будет угрожать пустить в ход ядерную «красную кнопку» в ответ на протесты против режима и требования его отставки, сегодня выглядит, скорее, как завязка сюжета фильма-катастрофы, но ведь реальная жизнь порой, увы, оказывается драматичнее любых придуманных «ужастиков».

И все же не стоит рассматривать прежний политический опыт нашей страны как своего рода препятствие, заведомо непреодолимое даже в случае внезапного коллапса режима. Нельзя исключить и того, что Россия может вполне успешно воспользоваться шансом демократизации, если и когда он ей представится при таком развитии событий. Как писал Мансур Олсон, «автократия предотвращается, а демократия становится возможной в силу исторических инцидентов, при которых баланс сил приводит к патовой ситуации, и распределение сил и ресурсов делает невозможным для любого лидера или группы полное преобладание над остальными игроками» ^[242]. Но и рассчитывать на то, что такая ситуация сложится сама собой и повлечет за собой

успешную демократизацию без специальных усилий со стороны политических акторов и общества в целом, не более оправданно, чем рассчитывать на выигрыш при игре в казино. Во всяком случае, риски в случае внезапного коллапса российского политического режима довольно велики, а позитивные последствия для нашей страны, как минимум, не очевидны.

«Ползучая демократизация»: возможности и РИСКИ

«Ползучая демократизация» [243] представляет собой долгий и извилистый путь – сложный поэтапный, иногда довольно длительный во времени, процесс перехода от авторитаризма к демократии посредством серии стратегических действий как правящей группы, так и оппозиции, меняющих свои стратегии под воздействием шагов друг друга. Суть этого процесса состоит в том, что под давлением оппозиции правящие группы могут пойти на частичную либерализацию режима, а затем (если давление усиливается, а режим не сворачивает либерализацию) на расширение пространства политического участия, что, в свою очередь, приводит как к размежеваниям внутри правящих групп, так и к вовлечению оппозиции в политический процесс.

Дальнейшее развитие событий может предполагать различные варианты: и компромисс между реформистски настроенной частью правящих групп и умеренной оппозицией («соглашение элит», как в случае «круглого стола» в Польше в 1989 году) [244], и инициативу правящих групп по опережающей демократизации режима, позволяющей удержать власть по итогам конкурентных выборов (как в Южной Корее в 1987 году) [245], и, наконец, серию противостояний на электоральной арене, правила борьбы на которой со временем могут стать более прозрачными и обеспечить мирный переход власти к оппозиции (как было в Мексике в 1997–2000 годах) [246].

Такого рода развитие событий в том или ином виде было характерно для «историй успеха» демократизации ряда стран в конце XX века, и нет никаких оснований исключить его и для сегодняшней России. Исходя из этой перспективы, волну политического протеста 2011–2012 годов можно рассматривать как первый (хотя и необходимый, но явно недостаточный) шаг на пути «ползучей демократизации» страны. Однако никто не может гарантировать результат политических изменений в этом направлении: «срывы», отход от пути «ползучей демократизации» и возврат к статус-кво и/или к другим формам авторитаризма ничуть не менее вероятны, чем возможность «истории успеха», – опыт той же Польши или Южной Кореи говорит, что «ползучая демократизация» зачастую оказывается непоследовательной и порой включает в себя несколько попыток.

В самом общем виде можно утверждать, что стратегия правящих групп в России по сохранению и удержанию электорального авторитаризма может измениться, лишь если и когда давление со стороны оппозиции будет не просто усиливаться, но также носить одновременный и кумулятивный характер по разным направлениям – то есть, различные социальные группы и политические силы будут способны сплотить на основе негативного консенсуса и мобилизовать значительную часть своих сторонников. На сегодняшний день потенциал российской оппозиции довольно-таки ограничен – и отнюдь не только из-за организационной слабости, как на общенациональном, так и на субнациональном уровне. Проблема состоит еще и в том, что даже снижение уровня массовой поддержки статус-кво, отмечавшееся специалистами как до, так и после электорального цикла 2011–2012 года, само по себе не усиливает оппозицию автоматически. Проще говоря, оппозиция не воспринимается (по крайней мере, пока) значительной частью российского общества как привлекательная и как реалистическая альтернатива существующему политическому порядку.

Конечно, такая ситуация отнюдь не представляет собой устойчивое равновесие «раз и навсегда» – напротив, оно может быть подорвано в результате внешних шоков, например, связанных с изменением массового восприятия положения дел в экономике. Однако немало здесь будет зависеть и от самой российской оппозиции. Опыт «ползучей демократизации» в ряде стран показывает, что для достижения цели противникам режима необходима даже не столько организационная консолидация, сколько сочетание различных методов борьбы против общего врага в лице правящих групп и взаимная поддержка тех шагов своих потенциальных союзников, которые «раскачивали лодку» сложившегося статус-кво, доведя его до полного слома. Важным условием успеха такого сотрудничества является и поиск различными сегментами оппозиционеров поддержки у разных социальных групп общества, и (что немаловажно для сегодняшней России) отказ от публичной борьбы оппозиционеров друг с другом во имя достижения главной цели, их способность к тактическим компромиссам и готовность к гибкому пересмотру своих идейных воззрений. Но пока что российские оппозиционеры склонны бороться друг с другом активнее, нежели чем с режимом, держаться за идейные штампы, выдавая их за свои политические принципы, и апеллировать к одному и тому же узкому кругу соратников, а не

искать новые группы поддержки. Им еще предстоит многому научиться на опыте своих предшественников, как успешных, так и провалившихся.

Важнейшим механизмом, способным подорвать нынешнее авторитарное равновесие в России, помимо массовых протестных выступлений в разных формах, служат выборы. Это не означает, что переход России к демократии, если и когда он произойдет, станет результатом победы оппозиции над правящей группой на выборах, которые проходят по нынешним «правилам игры». Электоральный авторитаризм в России в обозримом будущем сам по себе не исчезнет, и в этом плане можно говорить лишь об «опрокидывающем» эффекте выборов, подобном произошедшему в ходе думского голосования в декабре 2011 года и позднее на выборах мэров ряда городов (Ярославль, Тольятти – март 2012). Однако кооперация оппозиции, выдвижение ею согласованных кандидатов и списков, и, в конце концов, поддержка любых кандидатов, кроме кандидатов «партии власти», могут нанести Кремлю максимальный урон. И если региональные и местные выборы, а в особенности – выборы мэров городов и глав исполнительной власти регионов – повлекут за собой целый каскад «опрокидывающих» эффектов, то нельзя исключить, что правящая группа вынуждена будет пойти по пути гораздо более серьезной (не только косметической, как сегодня) опережающей либерализации режима в преддверии общенационального цикла думских (2016) и президентских (2018) выборов, меняя и формальные и неформальные правила их проведения и расширяя политические возможности для оппозиции. В этом случае можно ожидать, что в ряде регионов все чаще будут наблюдаться примеры того, как некогда лояльные «попутчики» правящих групп начнут выступать под лозунгами оппозиции, а то и опираться на ее поддержку, апеллируя к протестным настроениям избирателей. Если эти тенденции пойдут «вширь» (в разные регионы и города) и «вглубь» (усиливаясь во времени), то общенациональные выборы при таком развитии событий могут стать ключевым вызовом сохранению режима, в особенности в условиях высокой неопределенности.

Однако успешная демократизация не происходит сама собой лишь вследствие свержения авторитарного режима. Она становится возможной (но не гарантированной), если и когда важнейшим политическим акторам удастся не просто принять новые демократические «правила игры», но и добиться их успешного

воплощения в жизнь, – иными словами, эти правила должны стать работающими как с точки зрения предотвращения монополии на власть, так и с точки зрения эффективного управления страной. Принять такие правила и выполнять их удастся далеко не всегда. Так, например, одним из результатов украинской «оранжевой революции» стало ограничение власти президента страны и увеличение полномочий премьер-министра. Но разделение функций между ними оказалось слишком размытым, партийная система страны была не в состоянии обеспечить баланс различных политических сил, и в итоге в течение всего периода президентства Виктора Ющенко (2005–2010) украинская политическая жизнь была отмечена острыми конфликтами между ним и премьер-министрами (Тимошенко, Януковичем, и снова Тимошенко), а управление страной оказалось отчасти парализовано. Неудивительно, что этот опыт был признан настолько неудачным, что в 2010 году Украина вернулась к конституционным нормам, которые действовали в стране до 2004 года и служили тогда предметом для повсеместной критики. Тем самым эффекты демократизации Украины, которые были достигнуты в ходе «оранжевой революции», оказались отчасти сведены на нет [\[247\]](#).

Поэтому тем политикам, которые заботятся о демократизации России, необходимо будет извлечь уроки и из чужих ошибок, и из отечественного опыта 1990-х и 2000-х годов. В самом деле, большинство тех политических институтов, которые сформировались в России за два десятилетия, не подлежат эволюционному улучшению посредством частных изменений и поправок. В то же время, надо отдавать себе отчет в том, что кардинальная смена «правил игры» может привести как к тому, что одни недемократические правила будут сменены другими, так и к тому, что игра по новым (пусть и более демократическим) правилам может принести для нашей страны ничуть не лучшие результаты. Эти риски неизбежны, но их можно и нужно минимизировать.

Обсуждение того, какие новые «правила игры» окажутся полезны для демократизации России, могло бы занять целую главу этой книги. Нет необходимости повторять детально проработанные предложения о реформах разделения властей, избирательной системы, федеративных отношений, региональной политики и местного самоуправления в России (например, высказывавшиеся Григорием Голосовым) [\[248\]](#) или проекты реформ судебной и правоохранительной системы, представленные Институтом проблем

правоприменения [249]. Проблема лежит в иной плоскости – не в том, что у специалистов нет продуманных идей касательно того, «как нам обустроить Россию», а в том, что само по себе формирование и внедрение новых «правил игры», скорее всего, станет следствием соотношения баланса сил и интересов различных политических акторов, и влияние специалистов на этот процесс не стоит преувеличивать. Но все же минимальный консенсус элит и общества в целом в отношении необходимости ограничения произвола исполнительной власти, введения эффективной системы «сдержек и противовесов», обеспечения политической подотчетности и препятствования монополизации власти как в Центре, так и в регионах, кажется, необходим. Пока преждевременно говорить о том, какие конкретные институты окажутся востребованы в процессе демократизации в России, однако и политическим акторам, и экспертам, и обществу в целом надо быть готовыми к возможности пересмотра «правил игры» и не упустить свои шансы вновь, подобно тому, как произошло в начале 1990-х годов. В то же время, принятие таких «правил игры» будет возможно лишь в процессе демонтажа нынешнего режима или непосредственно после его падения – до тех пор говорить о новых демократических институтах в России как о первоочередной задаче будет попыткой поставить телегу впереди лошади.

Эффективный институциональный выбор сам по себе отнюдь не создает гарантий успеха демократизации, но он позволяет существенно снизить риски этого процесса. Предельно огрубляя, отметим, что эти риски для России (как, впрочем, и для других стран) обычно сводятся к следующему: либо демократизация приведет к власти экстремистские политические силы, способные подорвать перспективы успешного развития страны и привести к насилию и хаосу, либо она обернется столь вопиющей неэффективностью управления, что повлечет за собой тяжелые последствия вплоть до территориального распада страны. В какой мере эти суждения оправданны для сегодняшней России?

Дискуссии об опасностях демократии не уникальны и не специфичны для России – всегда находятся специалисты, которые исходят из наиболее мрачных ожиданий, тем самым явно или неявно соглашаясь, что сохранение статус-кво (авторитарного режима) выступает меньшим злом по сравнению с демократизацией. Так, еще в период перестройки Андраник Мигранян и Игорь Клямкин выступили с критикой ускоренной

демократизации СССР, утверждая, что из-за слабости гражданского общества в стране она приведет к хаосу [250]. Иными мотивами руководствовались Анатолий Чубайс и его ленинградские соратники, в 1990 году предложившие Горбачеву проект рыночных преобразований, который предусматривал возможности силового ограничения нарождавшихся тогда политических и гражданских свобод (таких, как свобода слова, права на забастовки и др.) [251]. Их аргументация строилась на том, что рыночные реформы в условиях демократизации могли быть повернуты вспять под напором популизма (подобно тому, как это произошло в ряде стран Латинской Америки), и наиболее эффективной стратегией экономической политики в этой ситуации стала бы «изоляция» правительства от интересов социальных групп [252], предполагающая отказ от демократии. Чубайс оставался верен себе и много лет спустя, в 2008 году, он отмечал: «Представьте, организовали в стране по-настоящему полностью демократические выборы, основанные на волеизъявлении трудящихся с равным доступом к СМИ, к деньгам.... Результат таких выборов оказался бы на порядок хуже, а возможно, просто катастрофичен для страны» [253].

Но оправданны ли опасения, что в случае демократизации политического режима в России к власти придут радикальные националисты (и тогда страна рискует потонуть в волнах этнического насилия и конфликтов) либо радикальные левые популисты, которые положат конец рыночной экономике и похоронят надежды на ее успешное развитие на долгие годы? Если вывести за скобки фобии и откровенные политические спекуляции, то эти опасения выглядят, как минимум, преувеличенными. В самом деле, результаты массовых опросов показывают, что радикальные взгляды не пользуются поддержкой россиян, а анализ предыдущего опыта посткоммунистической политики в России говорит, что радикализм левого и/или националистического толка и в 1990-е годы не имел сколько-нибудь устойчивого спроса в российском обществе (интерпретировать в этом духе высокие показатели голосования за КПРФ или ЛДПР в 1990-е годы означало бы откровенно грешить против истины).

Более того, в этот период партии и движения, выступавшие с позиций этнического русского национализма, оказались неспособны не только заручиться серьезной поддержкой избирателей в ходе выборов, но и сформировать дееспособные политические

организации, ограничиваясь шумными, но не слишком эффективными манифестациями. Конечно, в стране есть немалый спрос и на левые лозунги социальной справедливости и выравнивания доходов (что неудивительно на фоне высокого уровня неравенства в России и массового неприятия в обществе итогов приватизации 1990-х годов), и на ксенофобские и антииммигрантские лозунги. Но делать из этого выводы о неизбежности левого популизма и/или радикального национализма в России не стоит. И дело не только в том, что россияне в массе своей не склонны поддерживать проявления массового насилия даже в отношении тех социальных групп, которые не вызывают у них больших симпатий (как, скажем, те же мигранты). Но и в том, что партии и политики, приходящие к власти под левыми лозунгами, далеко не всегда проводят левую популистскую политику, а порой даже реализуют вполне себе правую повестку дня (подобно Кардозу и Луле в Бразилии), и наоборот – правые политики осуществляют левый курс. Во всяком случае, вера в то, что угрозы «красной диктатуры» и/или «русского фашизма» станут неизбежными побочными эффектами демократизации нашей страны, основательно засеяв в головах части отечественных публицистов в конце 1980-х – начале 1990-х годов, на сегодняшний день лишена всяких оснований. Скорее, наоборот, риски такого рода могут возрасти как раз в случае, если нынешний политический режим в России будет «загнивать» в течение более или менее длительного времени – тогда намерение «всё отнять и поделить» и впрямь окажется реализовано, причем в наименее цивилизованных формах.

Фобии другого рода – о неизбежности упадка в стране качества управления экономикой и уровня правопорядка, вплоть до угрозы территориального распада России – довольно широко распространены главным образом из-за того, что прежний травматичный для России опыт преобразований 1990-х годов – сознательно или нет – проецируется и на нынешнюю ситуацию. Хотя в одну и ту же реку, как известно, нельзя войти дважды, но генералы и солдаты часто готовятся лишь к прошедшей войне. Между тем, повторение сегодня сценария одновременного полного краха прежней экономической и политической системы и распада государства (подобно произошедшему в начале 1990-х) выглядит явно нереалистичным последствием возможной демократизации нашей страны. Вряд ли можно ожидать того, что уровень коррупции

и беззакония в России в этом случае кардинально увеличится, а экономические проблемы резко усугубятся. Скорее, напротив – многие специалисты указывали на то, что демократизация, в общем и целом, способствовала успеху экономических преобразований в ряде посткоммунистических стран Восточной Европы и позволяла, пусть и не сразу, улучшить состояние дел с правопорядком.

Особый разговор – о рисках распада страны. Они активно обсуждались в начале 1990-х годов, сразу после коллапса Советского Союза ^[254], но так и не воплотились в реальные угрозы ни тогда, ни в последующий период (за исключением случая Чечни, которая действительно фактически находилась вне рамок российской политической и экономической системы в течение более чем десяти лет). Если же говорить об объективных причинах, которые могли бы повлечь за собой территориальный распад России, то если «вывести за скобки» проблемы республик Северного Кавказа, таковых просто не наблюдается. Наша страна достаточно гомогенна в культурном отношении, интегрирована экономически, да и те политические силы, которые могли бы стать агентами сепаратистских настроений, на сегодняшний день просто отсутствуют. Предельно огрубляя, можно утверждать, что в выходе из состава России и оформлении тех или иных регионов в качестве независимых государств почти никто всерьез не заинтересован (более того, вызовы такого рода и в 1990-е годы использовались лидерами некоторых республик и регионов лишь в качестве средства шантажа по отношению к Центру). А в отсутствие реальной заинтересованности со стороны тех или иных акторов риски распада останутся только лишь фобиями, от которых России со временем предстоит избавляться.

Наконец, есть еще один аргумент, который подчас звучит как «последний довод» против демократизации нашей страны. Он связан с рисками утраты или резкого ограничения суверенитета России и превращения ее в марионетку (если не в колонию) США, Запада и/или других развитых держав. Любые возражения против него наталкиваются не только на возможные обвинения в отсутствии патриотизма, но также и на довольно широко распространенные представления о том, что «коварный зарубеж» спит и видит, как бы обобрать Россию, захватив контроль над ее природными ресурсами, и затем довести ее до полного коллапса. Хотя победить эти представления силой логических контраргументов практически нереально, а риторика защиты

российского суверенитета от любых внешних посягательств обычно скрывает лишь стремление защитить интересы ее правящей группы от рисков внешних санкций, проблему суверенитета не стоит сбрасывать со счетов. Ее сложность для сегодняшней России, однако, лежит в совершенно иной плоскости. Она связана не только с тем, что во взаимозависимом глобализирующемся мире любой стране все сложнее изолировать внутреннюю политику от международного влияния по принципу «что хочу, то и ворочу», но и с тем, что, по большому счету, вопрос для сегодняшней России стоит не в сохранении суверенитета, а в том, чье именно внешнее влияние на ее внутреннюю политику окажется более значимым. Грубо говоря, будет ли Россия через какое-то время восточной провинцией Европы (или «Запада») или западной провинцией Китая. Этот выбор, если бы он встал на повестку дня сегодня, большинство российских элит, да и общество в целом, сделали бы в пользу первого варианта, однако интересы правящих в России групп подталкивают ее ко второму. Но беда в том, что сохранение нынешнего режима в более или менее длительной перспективе, скорее, приведет к тому, что этот вопрос будет вообще решаться без российского участия – страна просто рискует «провалиться» между мировыми экономическими и технологическими лидерами и в итоге оказаться никому не нужной. Таким образом, даже самым горячим защитникам российской самодостаточности необходимо признать: выбор между демократизацией и отсутствием таковой с точки зрения перспектив суверенитета страны – это даже не выбор между плохим и худшим, а между возможностью самостоятельного выбора и отсутствием такового.

Но даже если принять как императив, что эволюционная «ползучая» демократизация необходима и наиболее желательна в качестве сценария политического развития России, означает ли это, что она неизбежна для нашей страны в обозримом будущем?

Задача со многими неизвестными

Прогнозирование в социальных науках в целом и в политической науке в особенности похоже на решение задачи с большим количеством неизвестных величин, которые подчас невозможно измерить даже «здесь и теперь», не говоря уже о сколь-нибудь обоснованной оценке перспектив их изменений со временем. Поэтому оценивать вероятность каждого из четырех описанных вариантов траектории политического развития России: «загнивание», «жесткая рука», «коллапс режима» и «ползучая демократизация» – занятие, возможно, и увлекательное, но познавательно не слишком полезное. Каждый из этих вариантов отнюдь не исключен, равно и как их комбинация либо последовательность, анализ вариантов которой также наталкивается на сходные препятствия.

Список неизвестных величин, которые могут обусловить тот или иной вариант или привести к смене одного из них на другой либо к некоему их сочетанию, сам по себе слишком широк и не специфичен по отношению к сегодняшней российской политической ситуации. Поэтому нет необходимости перечислять все те факторы, воздействие которых на возможные изменения политического режима в нашей стране (да и не только в нашей) заведомо непредсказуемо. Но есть как минимум три неизвестные величины, динамика которых особенно значима в нынешнем российском контексте – от нее зависит, в каком именно направлении могут оказаться «развернуты» возможные изменения политического режима.

Во-первых, речь идет об изменениях общественных настроений (как на уровне элит, так и на уровне общества в целом) и связанных с ними характеристик политического поведения россиян. Нет необходимости объяснять, насколько эти изменения важны сами по себе, но сложность заключается еще и в том, что эти тренды поддаются оценке с большим трудом именно в условиях авторитарных режимов. Ведь помимо того, что находящиеся в распоряжении специалистов познавательные средства – такие, как массовые опросы или фокус-группы, – далеко не совершенны, при авторитаризме их данные подчас оказываются систематически искажены из-за эффекта «фальсификации предпочтений» [\[255\]](#), или, проще говоря, своего рода «фиги в кармане», которую граждане до

поры до времени скрывают от окружающих, сообщая социально приемлемые с точки зрения режима сведения. Такого рода «фигу» граждане иногда достают из кармана и демонстрируют властям в самый неожиданный «критический момент».

Порой смена декларируемых предпочтений может повлечь за собой даже крах авторитарного режима (как, например, это произошло в Восточной Германии в 1989 году), но подчас «фига» может оставаться в кармане на протяжении долгого времени, и об истинных предпочтениях граждан так и не узнает ни режим, ни его противники до тех пор, пока новые вызовы сохранению статус-кво не возникнут как бы «из ниоткуда». А поскольку внешне стабильный авторитарный режим может оказаться опрокинут в любой вдруг возникший «критический момент» (и правящие группы об этом риске знают), то поведение всех участников политического процесса становится заведомо непредсказуемо. С одной стороны, власти в условиях авторитарных режимов (Россия здесь не исключение) подчас реагируют на любые вызовы по принципу «у страха глаза велики» и стремятся обезопасить себя от тех рисков, которые не слишком для них опасны. С другой стороны, похожие на мантры заклинания о том, что рано или поздно авторитарный режим падет, могут так долго оставаться всего лишь благими (или не очень благими) пожеланиями, что когда они рано или поздно станут реальностью, то к переменам мало кто окажется готов, подобно тому, как произошло в период краха коммунистического режима и распада СССР в начале 1990-х годов.

Во-вторых, ключевым вопросом для выживания любых авторитарных режимов является мера готовности применения правящими группами механизмов силового подавления своих противников и возможные последствия таких шагов. В российском случае эта проблема стоит особенно остро. В самом деле, репрессивные режимы обычно не слишком задумываются о применении силы, когда речь идет о малейших угрозах их выживанию, и массовое политическое насилие (а то и просто убийства) своих сограждан для них – дело рутинное. Среди постсоветских государств примером может служить Узбекистан, где был жестоко подавлен «бунт» в Андижане в мае 2005 года. Иначе, однако, обстоят дела для авторитарных режимов, не практикующих массовые репрессии или от них отказавшихся ранее, – они могут оказаться перед нелегким выбором в ситуации вынужденного поворота от «пряника» к «кнуту». Даже если в этом случае

включение машины репрессий не влечет за собой непосредственных политических последствий для режима, оно на долгие годы определяет выбор стратегии правящих групп (как это было в СССР после бойни в Новочеркасске в 1962 году). Да и сам ключевой вопрос «бить или не бить (массы, выступающие против режима)?» решается подчас в зависимости от прежнего опыта применения массового насилия правящими группами, подобно тому, как происходило в Китае в 1989 году, когда силовое подавление выступлений на площади Тяньаньмынь стало возможным в силу того, что верх в ходе дискуссий в руководстве страны о тактике противодействия оппозиции взяли ветераны революции, привыкшие убивать сограждан еще со времен борьбы Коммунистической партии за завоевание власти.

Российский опыт в этом отношении специфичен не только из-за низкого уровня репрессивности режима, но и из-за ненадежности средств массового подавления, – армия (выполняющая эти функции в ряде военных режимов) в подобном качестве в России не может быть использована, а спецслужбы, рассматривающиеся в качестве главной опоры репрессивной политики, выступают, перефразируя Иосифа Бродского, скорее как воры, нежели как убийцы. Стоит подчеркнуть, что для нынешних российских руководителей не стоит вопрос о моральных ограничениях такого рода выбора – об этом говорит опыт уничтожения ими взятых в заложники сограждан наряду с боевиками во время терактов в театральном центре на Дубровке в Москве в 2002 году и в Беслане в 2004 году (вопрос о сохранении их жизней не мог стоять в принципе). Но неверно было бы и сводить этот вопрос лишь к техническим границам возможностей подавления, которые оказываются пройдены, если и когда на акции протеста выходит настолько много протестующих, что всех их подавить попросту невозможно (известно высказывание шефа служб безопасности ГДР в адрес Хонеккера в ноябре 1989 года: «Эрих, мы не можем побить столько людей») [\[256\]](#) .

Скорее, следует задать вопросы в иной последовательности: (1) решатся ли российские лидеры в случае реальной или воображаемой угрозы их политическому выживанию отдать приказ о массовом насилии в отношении сограждан; (2) если да, то будет ли этот приказ успешно выполнен, и позволит ли им насилие избавиться от подобной угрозы; и (3) если да, то окажутся ли вследствие такого шага российские лидеры заложниками исполнителей своего же приказа. Ответы на все эти вопросы, как

минимум, неочевидны, и остается лишь рассчитывать на то, что на деле они могут так и не встать в политическую повестку дня нашей страны.

В-третьих, наконец, ни мы, ни российские лидеры, ни Россия в целом так и не знают степени управляемости (или, точнее говоря, неуправляемости) нашей страной со стороны правящих групп. Речь идет не о проявлениях сепаратизма на региональном уровне управления или сознательного саботажа принимаемых правящими группами решений нижестоящими чиновниками – такого рода проявления сегодня для России не характерны и нет оснований ожидать их в ближайшем будущем. Речь идет о том, что в условиях высоко коррумпированного авторитарного режима иерархия «вертикали власти» просто-напросто не справляется даже с относительно небольшими перегрузками и нештатными ситуациями – например, в случаях стихийных бедствий, подобных лесным пожарам летом 2010 года, когда с проблемами локального уровня поневоле вынужден был справляться федеральный Центр в режиме «ручного управления», а нижестоящие звенья «вертикали власти» систематически дезинформировали вышестоящее руководство.

Техногенные и природные катастрофы, точно так же, как экономические кризисы, в случаях, если и когда они происходят, могут стать тестом на выживание не только для «вертикали власти», но и для режима в целом, подобно тому, как трагическая Чернобыльская катастрофа 1986 года сыграла немалую роль в трансформации политического режима в СССР – именно после нее в полной мере стала очевидной вся пагубность информационной закрытости страны и невозможность принятия адекватных решений ее руководством. Последующий же поворот к политике гласности нанес по советскому режиму неотразимый удар.

Мы не можем предугадать всех возможных последствий управленческих кризисов любого масштаба и уровня в России сегодня, но не будет большой ошибкой полагать, что при сохранении в стране нынешнего политического режима и попытках удержания статус-кво любой ценой деградация всего аппарата управления государством и проблемы принципал-агентских отношений со временем будут лишь усугубляться. А, следовательно, те или иные вызовы, сами по себе не столь существенные с точки зрения управления страной, могут в тот или иной «критический момент» истории не встретить должного и своевременного ответа – известная строчка «враг заходит в город, пленных не щадя, оттого,

что в кузнице не было гвоздя» наглядно иллюстрирует эту проблему. Хорошо известно, что коррупция в системе хлебных поставок в Петрограде в феврале 1917 года спровоцировала относительно локальные выступления протеста столичных жителей, вскоре переросшие в революцию, которая положила конец монархии и всему прежнему политическому порядку царской России. И отнюдь нельзя исключить типологически сходного развития событий в нашей стране сегодня – пусть даже их фактическое наполнение может носить совершенно иной характер.

Даже этого короткого перечня неизвестных величин: (1) «фальсификация предпочтений» и непредсказуемость поведения россиян; (2) уровень готовности и способности правящих групп эффективно подавлять сопротивление граждан; (3) управленческая деградация и неспособность к реализации антикризисной политики – вполне достаточно для того, чтобы снять вопрос о сколь-нибудь реалистической оценке вероятности тех или иных сценариев политического развития нашей страны. Но помимо конкретных развилок и поворотов ситуации «здесь и теперь», существует и общая логика политической эволюции режимов и обществ, и нам необходимо за деревьями текущих событий в России увидеть и лес тех политических тенденций, которые определяют настоящее и могут определить и будущее политики в нашей стране.

Вместо заключения: Россия будет свободной

Крах коммунистического режима и распад СССР произошли в 1991 году, когда в мире отмечался процесс, который Самуэль Хантингтон в том же году назвал «третьей волной демократизации» (по аналогии с «первой» волной XIX – начала XX веков и «второй» волной после Второй мировой войны). В тот период (Хантингтон датировал его начало 1974 годом, когда пала диктатура в Португалии) рухнули многие авторитарные режимы в Латинской Америке (от Аргентины и Бразилии до Чили), Азии (от Филиппин до Южной Кореи и Тайваня), Южной Европе (Испания, Греция), наконец, после 1989 года произошла демократизация стран Восточной Европы. Многим наблюдателям тогда казалось, что новый глобальный процесс всеобщего и полного перехода к демократии захватит, в том числе, и постсоветские страны, которые «по умолчанию» обречены на то, чтобы стать демократическими.

Эти во многом наивные ожидания сбылись или не в полной мере, или не сбылись вовсе – Россия в этом плане отнюдь не оказалась исключением. То, что двадцать с лишним лет назад казалось появлением на свет новой постсоветской демократии в России, на деле оказалось лишь болезненным распадом прежнего авторитарного режима и последующим не менее болезненным становлением нового постсоветского авторитаризма. Эти тенденции в нашей стране оказались вписаны в охватившие многие страны и регионы мира (от постсоветских Украины или Армении до далекой от нас Венесуэлы) процессы становления режимов электорального авторитаризма ^[257]. Но значит ли это, что именно авторитаризм представляет собой основную закономерность, своего рода магистральное направление политической эволюции нашей страны, а попытки ее демократизации неизбежно носят лишь временный и частичный характер, заведомо обречены на неудачу, да и в общем и целом представляют собой не более чем тупиковые ветви российского политического развития?

Если перейти с языка описания политики на язык повседневной жизни, утверждение, что даже тяжелое и болезненное поражение раз и навсегда закрывает дорогу к успеху, выглядит абсурдным (если бы дело обстояло именно так, то в мире не было бы «историй успеха» повторных браков после разводов или появления выдающихся литературных произведений, авторы которых прошли

через провалы своих первых рассказов или стихов). Если же обратиться к мировой политической истории, то без труда можно обнаружить во многом сходные повороты и зигзаги политического развития, которые были присущи самым разным странам в те или иные эпохи. Можно вспомнить ту же Францию, где падение монархий дважды (в 1789 и 1848 годах) после серии драматических постреволюционных событий оборачивалось приходом к власти сперва Наполеона Бонапарта, а позднее – его племянника Луи (именно начало его правления было охарактеризовано знаменитой фразой Карла Маркса о том, что история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса) [258]. Падение чрезвычайно коррумпированного режима Луи Наполеона после военного поражения от Пруссии носило крайне болезненный для страны характер, но в конечном итоге именно оно открыло дорогу к успешной демократизации Франции. Становление Третьей республики в 1870-е годы отчасти явилось следствием стихийно сложившегося стечения обстоятельств, но, по большому счету, оно все же стало логическим результатом всего драматического процесса трансформации тогдашнего французского политического режима, да и французского общества на протяжении XIX века, и во многом отражало общие тенденции европейской демократизации той эпохи [259]. Параллели между российским политическим режимом эпохи Владимира Путина и Второй империей во Франции времен Луи Бонапарта весьма популярны в отечественной публицистике [260], но они дают надежду и на то, что на смену сегодняшнему российскому авторитаризму может (пусть и далеко не безболезненно) прийти и вполне устойчивая демократия, хотя никто не гарантирует, что ее будущее окажется безоблачным.

В самом деле, неудача первой попытки посткоммунистической демократизации в России после 1991 года вовсе не говорит нам о том, что демократия в нашей стране обречена на неудачу, и вторая попытка демократизации (если и когда она состоится) принесет нашей стране новый раунд бегства от политической свободы к авторитаризму или, скажем, «порочный круг» конфликтов, кризисов и насилия (хотя такого рода исходы, конечно же, не исключены). За два с лишним десятилетия, прошедшие с момента распада СССР, проекты демократизации были вполне успешно реализованы в таких отличающихся друг от друга по многим параметрам странах, как Бенин, Мексика, Молдова и Монголия. Ни социально-экономические и/или культурные предпосылки, ни прежний

политический опыт вовсе не гарантировали этим странам успех демократического проекта. Однако они выбрали путь к свободе после десятилетий персоналистского авторитаризма (Бенин), господства доминирующей партии (Мексика) или коммунистического режима (Монголия, Молдова) и смогли достичь успехов, пройдя через драматические испытания (в каждом случае свои), но при этом избежав и безнадежных срывов, и бесповоротных крахов. И если сложный и тернистый путь к демократии в последние два десятилетия удалось пройти и близким соседям, и далеким заморским государствам, то почему этот путь должен быть закрыт для России?

В жизни довольно часто случается, что не снабженный дорожной картой водитель на той или иной развилке сворачивает на дорогу, ведущую в тупик, – от ошибок в подобной ситуации не застрахован никто. Хороший водитель отличается от плохого не тем, что он никогда не попадает в тупик, а тем, что способен, вовремя признав ошибку, поменять направление движения, вернуться на развилку и, в конце концов, выбрать верный путь. Но плохой водитель, забравшись в тупик, либо так там и остается, либо начинает искать путь по бездорожью, сваливаясь в кювет, либо возвращается на развилку слишком поздно, когда в баке уже не остается бензина. Советский опыт служит как раз примером такого рода – реформирование советской экономической и политической системы в период перестройки началось слишком поздно, когда оказалось, что Советский Союз невозможно улучшить. К тому моменту его можно было лишь уничтожить, что и произошло в 1991 году. Удастся ли России вернуться из сегодняшнего тупика электорального авторитаризма на путь демократизации, или этот путь надолго (если не навсегда) останется закрытым для застрявшей в тупике страны?

После краха коммунизма и распада СССР Россия не смогла воспользоваться внезапно открывшимся «окном возможностей» для демократизации страны. Отчасти это произошло оттого, что оказавшиеся у власти в России после 1991 года политические лидеры не были заинтересованы в электоральной демократии, которая предполагает возможность смены правящих групп в результате поражения на выборах. Отчасти оттого, что построение демократии в России в период комплексной и драматической трансформации страны не рассматривалось в качестве первоочередной задачи реформирования России ни элитами, ни

обществом в целом. Казалось бы, за два десятилетия строительства авторитаризма в России правящие группы (еще менее заинтересованные в демократии, чем прежде) смогли наглухо заколотить «окно возможностей» демократизации страны.

Но ситуация в России начинает меняться – и благодаря тому, что россияне, пусть и медленно, но все же учатся на ошибках недавнего прошлого, и благодаря тому, что со сменой поколений в Россию, пусть и не сразу, но проникает ветер перемен. «Опрокидывающие выборы» 2011 года и волна протестов 2011–2012 годов, по крайней мере, позволили приоткрыть если не окно, то «форточку» возможностей для демократизации России, и понимание необходимости этого процесса и его первоочередной значимости для нашей страны сегодня ширится среди различных групп российского общества. Опыт постсоветского развития не прошел зря для россиян, так что спустя два десятилетия после СССР наша страна в общем и целом уже лучше готова к осмысленному, целенаправленному и последовательному переходу к демократии, нежели в начале 1990-х годов – даже несмотря на то, что политические условия для такого перехода сегодня и менее благоприятны, чем непосредственно после падения коммунистического режима.

Общественный спрос на демократию в России, будучи предъявлен властям, со временем, скорее всего, возрастет, и его рост дает основания рассчитывать на то, что наша страна в процессе изменений политического режима не будет вновь попадать из огня да в полымя, подобно тому, как произошло в 1990-е и особенно в 2000-е годы. И потому лозунг участников оппозиционных митингов – «Россия будет свободной!» – может выступать не просто призывом, но стать ключевым аспектом политической повестки дня нашей страны в обозримом будущем. Я уверен, что Россия на самом деле будет свободной страной. Вопрос состоит в том, когда именно, каким образом и с какими издержками она пройдет свой путь к свободе.

Как говорят китайцы, дорога в тысячу ли начинается с первого шага. Сделав первый и непоследовательный шаг к свободе после СССР, Россия сперва остановилась, затем было попятилась назад, и лишь два десятилетия спустя еще раз пробует сделать новые шаги на этом нелегком пути. Эти шаги, которые пытаются осуществить российские граждане, пока еще выглядят не слишком уверенными – и из-за инерции общественных ожиданий, и из-за сопротивления

правлящих групп, но, по крайней мере, они куда более последовательно ориентированы в направлении свободы. А значит, скорее всего, путь России к свободе, несмотря на сопротивление продвижению вперед, будет продолжен. Продолжение следует...

Примечания

1

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York, Free Press, 1992.

2

Dahl R. The Concept of Power // Behavioral Science, 1957, vol. 2, N3. P. 202–203.

3

Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham, MD: Rowman and Little field, 2006.

4

Шумпетер Й., Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 355.

5

Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 10.

6

См.: Даль Р., Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003.

7

См., например: Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / ed. by A.Schedler. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006.

8

Way L. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine // *World Politics*, 2005, vol. 57, N2. P. 231–261; Hale H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*, 2005, vol. 58. N1.P. 133–165.

9

Подробный анализ см.: De Mesquita B. B., Smith A., Siverson R.M. Morrow J. *The Logic of Political Survival*. Cambridge, MA: MIT Press, 2003.

10

Цаф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // *Социологические исследования*, 1998, № 8. С. 18.

11

Детальный разбор этих и других аргументов см.: Даль Р., Указ. соч.

12

Przeworski A. et al., *Democracy and Development: Political Institutions and Well-being in the World, 1950–1990*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

13

Именно поэтому в условиях авторитаризма зачастую слова «режим» и «правлящая группа» выступают синонимами; в главе 5 мы также будем использовать их как взаимозаменяемые.

14

См.: Geddes B., *Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2003.

15

См.: Рогов К., Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra, 2010. Т. 14, № 4–5. С. 6–22.

16

См.: Collier R.B., Collier D., Shaping the Political Arena: Critical Junctures, the Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.

17

Подробный анализ см.: Rose R., Mishler W., Munro N. Popular Support for an Undemocratic Regime: The Changing Views of Russians. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

18

См.: North D. Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 89–93.

19

См.: Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М.: Новое издательство, 2008.

20

См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004.

21

См.: Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская система и реформы // Pro et Contra, 1999. Т. 4, № 3. С. 176–197.

22

См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

23

См.: Jowitt K. The New World Disorder: The Leninist Extinction. Berkeley, CA: University of California Press, 1992.

24

См.: Левада Ю. и др. Советский простой человек. М.: Мировой океан, 1993.

25

См., например: Гудков Л., Дубин Б., Левинсон А. Фоторобот российского обывателя // Мир России, 2009, № 2. С. 22–33 и ряд других работ этих авторов.

26

См., например, данные проекта Всемирного исследования ценностей World Values Survey: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (доступ 19.06.2012).

27

См.: Hale H. The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundation of a Hybrid Regime // Europe-Asia Studies, 2011, vol. 63, N8. P. 1357–1375.

28

Подробнее см.: Гельман В. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Полития, 2010, № 2. С. 6–24.

29

См.: Shleifer A., Treisman D. A Normal Country // Foreign Affairs, 2004, vol. 83, № 2. С. 20–38.

30

См.: Мау В., Стародубровская И. Великие революции от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2004.

31

См.: Холмс С. Чему Россия учит нас сегодня (чем слабость государства угрожает свободе) // Конституционное право:

32

См.: Волков В. Силовое предпринимательство. М.-СПб.: Летний сад, 2002.

33

См.: Паппэ Я., Галухина Я. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008. М.: ГУВШЭ, 2009.

34

См.: Гельман В. Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России // Полис, 2006, № 2. С. 90–109.

35

Stinchcombe A. Ending Revolutions and Building New Governments // Annual Review of Political Science, 1999, vol. 2. P. 49–73.

36

См., например: Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. Институты: от заимствования – к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики, 2005, № 5. С. 5–27.

37

См.: Щербак А. «Нефтяное проклятие» и постсоветские режимы: политико-экономический анализ // Общественные науки и современность, 2007, № 1. С. 47–56; Fish M.S. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 114–138.

38

См.: North D. Structure and Change in Economic History. New York: W.W.Norton, 1981.

39

Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 10.

40

North D., Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance, P. 16.

41

Гельман В. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России. С. 19.

42

См.: De Mesquita B. B., Smith A. The Dictator's Handbook: Why Bad Behavior is Almost Always Good Politics. New York: Public Affairs Books, 2011.

43

См., например, материалы проектов Freedom House (<http://www.freedomhouse.org> доступ 19.06.2012), Polity IV (<http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (доступ 19.06.2012), Worldwide Governance Indicators (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.asp> (доступ 19.06.2012) и ряда других исследований.

44

См.: Przeworski A. et al., Democracy and Development: Political Institutions and Well-being in the World, 1950–1990. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

45

См.: Rabushka A., Shepsle K. Politics in Plural Societies: A Theory of Democratic Instability. Columbus, OH: Merrill, 1972.

46

См.: Acemoglu D., Robinson J. Economic Origins of Dictatorship and Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

47

См.: Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2006.

48

См.: North D., Weingast B. Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing the Public Choice in Seventeenth-Century England // Journal of Economic History, 1989, vol. 49, N4. P. 803–832.

49

См.: Guntner R. Spain: The Very Model of «Elite Settlement» // Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe / ed. by J.Higley, R.Guntner. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 38–80.

50

См., например: Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / ed. by ASchedler. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006.

51

См.: Levitsky S., Way L., Op. cit.

52

Huntington S., The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1991. P. 174–180.

53

См.: Przeworski A. et al., Op. cit.

54

См.: Fish M.S. Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution, Princeton: Princeton University Press, 1995; Urban M. et al, The Rebirth of Politics in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

55

См.: Robertson G. Strikes and Labor Organization in Hybrid Regimes // American Political Science Review, 2007, vol. 101, N4. P. 781–798.

56

См.: Гилман М. Дефолт, которого могло не быть. М.: Время, 2009.

57

См.: Травин Д. Модернизация общества и восточная угроза России // Пути модернизации: траектории, развилки, тупики / под ред. В. Гельмана, О. Маргания. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010, С. 111–150.

58

См.: Hanson S.E. Post-Imperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

59

Huntington S., Op. cit. P. 55.

60

См.: Bremmer I. The J Curve: The New Way to Understand of Why Nations Rise and Fail. New York: Simon and Schuster, 2006.

61

См.: Сурков В. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности // Выступление перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия», 2006, 7 февраля <http://www.intelros.org/lib/doklady/surkov1.htm> (доступ 19.06.2012).

62

Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // *Social Research*, 1991, vol. 58, N4. P. 865–892.

63

См.: Frye T. Building States and Markets after Communism: The Perils of Polarized Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

64

Подробный анализ экономических аспектов коллапса СССР см.: Гайдар Е. Гибель империи: уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.

65

См., в частности: Травин Д. Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985–1999. СПб.: Норма, 2010.

66

Подробный анализ политики экономических реформ в России 1990-х годов см., в частности: Hellman J., *Winners Takes All: The Politics of Partial Reforms in Post-Communist Transitions* // *World Politics*, 1998, vol. 50, N2. P. 203–234; Shleifer A., Treisman D., *Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

67

Детальный анализ политических процессов в России 1990-х годов см., в частности: Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М.: РОССПЭН, 1999; Согрин В. Политическая история современной

России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М.: Весь мир, 2001; McFaul M. Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.

68

См., в частности: Fish M.S. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Frye T., Building States and Markets.

69

См.: Собянин А., Юрьев Д., Скоринов Ю. Выдержит ли Россия еще одни выборы в 1991 году? // Невский курьер, 1991, № 11.

70

Przeworski A., Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 10.

71

Осень-93: хроника противостояния. М.: Век XX и мир, 1993.

72

См.: Гельман В. «Учредительные выборы» в контексте российской трансформации // Общественные науки и современность, 1999, № 6. С. 46–64.

73

См., в частности: Холмс С. Сверхпрезидентство и его проблемы // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение, 1993, № 4/1994, № 1. С. 22–25.

74

Известия, 1993, 16 ноября.

75

Ельцин Б., Записки президента. М.: Огонек, 1994. С. 15.

76

Growing Pains: Russian Democracy and the Election of 1993 / ed. by T.Colton, J.Hough. Washington, DC: Brookings Institution Press, 1993.

77

См., в частности: Собянин А., Суховольский В. Демократия, ограниченная фальсификациями. М.: Проектная группа по правам человека, 1995.

78

Frye T., A Politics of Institutional Choice: Post-Communist Presidencies // Comparative Political Studies, 1997, vol. 30, N5. P. 523–552; Fish M.S. Op.cit, chapter 7.

79

Przeworski A., Op. cit. P. 86.

80

Bova R., Democratization and the Crisis of the Russian State // State-Building in Russia: The Yeltsin's Legacy and the Challenge of the Future / ed. by G.Smith. Armonk, NY: M.E.Sharpe, 1999. P. 17–40; В. Волков. Силовое предпринимательство. М.-СПб.: Летний сад, 2002.

81

Remington T. The Russian Parliament: Institutional Evolution in a Transitional Regime. New Haven: Yale University Press, 2001.

82

Treisman D., After the Deluge: Regional Crises and Political Consolidation in Russia. Ann Arbor MI: University of Michigan Press, 1999; Stoner-Weiss K., Resisting the State: Reform and Retrenchment in Post-Soviet Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

83

Remington T., Smith S., Haspel M. Decrees, Laws, and Inter-Branch Relations in the Russian Federation // Post-Soviet Affairs, 1998, vol. 14, N4. P. 287–322.

84

Hoffmann D. Oligarchs: The Wealth and Power in the New Russia. New York: Public Affairs Books, 2002.

85

Независимая газета, 1999, 23 июля.

86

McFaul M., Op. cit. P. 300–304.

87

Gel'man V., Political Opposition in Russia: A Dying Species? // Post-Soviet Affairs, 2005, vol. 21, N3. P. 226–246.

88

Hellman J., Op. cit.

89

См. Шевцова Л. Указ. соч. С. 316–349; Согрин В. Указ. соч. С. 198–202.

90

Solnick S., Russia's Transition: Is Democracy Delayed Democracy Denied? // Social Research, 1999, vol. 66, N3. P. 805–812.

91

См. Гилман М., Дефолт, которого не могло не быть. М.: Время, 2009.

92

См. Шевцова Л. Указ. соч. С. 365–378.

93

Паппэ Я. Олигархи. Экономическая хроника 1992–2000. М.: ГУВШЭ, 2000.

94

Митрохин С. Предпосылки и основные этапы децентрализации государственной власти в России // Центр – регионы – местное самоуправление / под ред. Г. Люхтерхандт-Михалевой, С. Рыженкова. М.-СПб.: Летний сад, 2001. С. 74.

95

Попова Е. Программные стратегии и модели электорального соревнования на думских и президентских выборах 1995–2004 годов // Третий электоральный цикл в России: 2003–2004 / под ред. В. Гельмана. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 156–195.

96

См.: Roeder P., Varieties of Post-Soviet Authoritarian Regimes // Post-Soviet Affairs, 1994, vol. 10, N1. P. 61–101.

97

Макаренко Б. «Отечество – Вся Россия» // Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов / под ред. М. Макфола, Н. Петрова, А. Рябова. М.: Гендальф, 2000. С. 156–158.

98

Согрин В. Указ. соч. С. 201–223.

99

Петров Н., Титков А., Выборные хроники // Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов / под ред. М. Макфола, Н. Петрова, А. Рябова. М.: Гендальф, 2000. С. 21.

100

Enikolopov R., Petrova M., Zhuravskaya E. Media and Political Persuasion: Evidence from Russia // *American Economic Review*, 2011, vol. 101, N7. P. 3253–3285.

101

Голосов Г. Российская партийная система и региональная политика: 1993–2003. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.

102

Голосов Г. Указ. соч.; Hale H., Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

103

Митрохин С. Указ. соч.; Stoner-Weiss K., Op. cit.

104

Волков В. Указ. соч.

105

Паппэ Я. Треугольник собственников в региональной промышленности // Политика и экономика в региональном измерении / под ред. В. Климанова, Н. Зубаревич. М.-СПб.: Летний сад, 2000. С. 109–120.

106

Shleifer A., Treisman D. Op. cit; Гилман М. Указ. соч.

107

См., например: Treisman D., Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin // *American Journal of Political Science*, 2011, vol.55, N3, P. 590–609; Rose R., Mishler W., Munro N., Popular Support for an Undemocratic Regime: The Changing Views of Russians. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

108

См.: Shleifer A., Treisman D., A Normal Country // Foreign Affairs, 2004, vol. 83, N2. P. 20–38.

109

Ельцин Б. Записки президента. М.: Огонек, 1994. С. 15.

110

Подробнее см.: GePman V., Russian Elites in Search of Consensus: What Kind of Consolidation // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization, 2002, vol. 10, N3. P. 343–361.

111

См.: Stinchcombe A., Ending Revolutions and Building New Governments // Annual Review of Political Science, 1999, vol. 2. P. 49–73.

112

См.: Чапковский Ф. Социальные сети и административное рекрутирование в России: на примере федерального правительства 2000–2008. Магистерская диссертация, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2011.

113

См.: Шейнис В. Третий раунд (к итогам парламентских и президентских выборов) // Мировая экономика и международные отношения 2000, № 9. С. 45–61; McFaul M., One Step Forward, Two Steps Back // Journal of Democracy, 2000, vol. 11, N3. P. 19–33.

114

См.: Treisman D., Russia Renewed? // Foreign Affairs, 2002, vol. 81, N6. P. 58–72.

115

См.: Treisman D., Presidential Popularity.

116

Гельман В. Второй электоральный цикл и трансформация политического режима в России // Второй электоральный цикл в России / под ред. В. Гельмана, Г. Голосова, Е. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2002. С. 37.

117

См.: Крыштановская О. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra, 2002. Т. 7, № 4. С. 158–180.

118

Przeworski A., Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Latin America and Eastern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 86.

119

См.: Hale H., Why Not Parties in Russia: Democracy, Federalism, and the State. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

120

См.: Remington T., The Russian Parliament: Institutional Evolution in a Transitional Regime. New Haven: Yale University Press, 2001.

121

См.: March L., The Communist Party in Post-Soviet Russia. Manchester: Manchester University Press, 2002; Gel'man V., Political Opposition in Russia: A Dying Species? // Post-Soviet Affairs, 2005, vol. 21, N3. P. 226–246.

122

См.: Smith, S., Remington T., The Politics of Institutional Choice: The Formation of the Russian State Duma. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001. P. 148–153.

123

См.: The Dynamics of Russian Politics: Putin's Reform of Federal-Regional Relations, vol. 1–2 / ed. by P.Reddaway, R.Ortung. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2003–2004.

124

См.: Remington T., Majorities without Mandates: The Federation Council since 2000 // Europe-Asia Studies, 2003, vol. 55, N5. P. 667–691.

125

См.: Качкаева А. История телевидения в России: между властью, свободой и собственностью // История новой России. Очерки, интервью / под ред. П. Филиппова. СПб.: Норма, 2011. Т. 3. С. 81–127.

126

См.: Волков В. Проблема надежных гарантий прав собственности и российский вариант вертикальной политической интеграции // Вопросы экономики, 2010, № 8. С. 4–27.

127

См.: Радаев В. Деформализация правил и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // Вопросы экономики, 2001, № 6. С. 60–79.

128

См.: Gel'man V. The Unrule of Law in the Making: The Politics of Informal Institution Building in Russia // Europe-Asia Studies, 2004, vol. 56, N7. P. 1021–1040.

129

Подробный анализ см.: Лихтенштейн А. «Партии власти»: электоральные стратегии российских элит // Второй электоральный цикл в России, 1999–2000 / под ред. В. Гельмана, Г. Голосова, Е. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2002. С. 85–106.

130

См.: Gel'man V. Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy // Europe-Asia Studies, 2008, vol. 60, N6. P. 913–930.

131

См.: Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия // Pro et Contra, 2008. Т. 12, № 1. С. 6–21.

132

См.: Лихтенштейн А. Ук. соч.; Shvetsova O., Resolving the Problem of Pre-election Coordination: The 1999 Parliamentary Elections as an Elite Presidential 'Primary // The 1999–2000 Elections in Russia: Their Impact and Legacy / ed. by V.Hesli, W.Reisinger. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 213–231.

133

См.: Greene K., Why Dominant Parties Lose. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

134

См.: Hanson S., Instrumental Democracy: The End of Ideology and the Decline of Russian Political Parties // The 1999–2000 Elections in Russia: Their Impact and Legacy / ed. by V.Hesli, W.Reisinger. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 163–185; Hale H., Op. cit.

135

Подробнее см.: Гельман В. Динамика субнационального авторитаризма (Россия в сравнительной перспективе) // Общественные науки и современность, 2009, № 3. С. 50–63.

136

См.: Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra, 2008. Т. 12, № 1. С. 22–35.

137

См.: Гельман В. Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России // Полис, 2006, № 2. С. 90–109.

138

См.: Gel'man V. The Unrule of raw in the Making.

139

Панов П. Реформа региональных избирательных систем и развитие политических партий в регионах России (кроссрегиональный сравнительный анализ) // Полис, 2005, №5. С. 116.

140

Афанасьев М. От вольных орд до ханской ставки // Pro et Contra, 1998. Т. 3, № 3. С. 5–20.

141

См.: Smyth R., Building State Capacity from Inside Out: Parties of Power and the Success of the President's Reform Agenda in Russia // Politics and Society, 2002, vol. 30, N4. P. 555–578.

142

См.: Голосов Г. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах // Третий электоральный цикл в России, 2003–2004 / под ред. В. Гельмана. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 39–58.

143

См.: Goode P. The Puzzle of Putin's Gubernatorial Appointments // Europe-Asia Studies, 2007, vol.59, N3, P. 365–399; Reuter O.J., Remington T. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: the Case of United Russia // Comparative Political Studies, 2009, vol. 42, N4. P. 501–526.

144

См.: Remington T., Presidential Support in the Russian State Duma // *legislative Studies Quarterly*, 2006, vol. 31, N1. P. 5–32; Smyth R., Eowry A., Wilkening B., Engineering Victory: Institutional Reform, Informal Institutions and the Formation of a Hegemonic Party Regime in the Russian Federation // *Post-Soviet Affairs*, 2007, vol. 23, N2. P. 118–137.

145

См.: Hanson S., *Op. cit.*

146

См.: Gel'man V., *Party Politics in Russia*.

147

См.: Титков А. Партия № 4: «Родина» и окрестности. М.: Панорама, 2006.

148

См.: Aslund A., Comparative Oligarchy: Russia, Ukraine, and the United States // *CASE Network Studies and Analyses*, 2005, N296 http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1441910 (доступ 19.06.2012), Volkov V., Standard Oil and Yukos in the Context of Early Capitalism in the United States and Russia // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2008, vol. 16, N3. P. 240–264.

149

См.: Gel'man V., The Logic of Crony Capitalism: Big Oil, Big Politics, and Big Business in Russia // *Resource Curse and Post-Soviet Eurasia* / ed. by V.Gel'man, O. Marganiya. Lanham, MD: Lexington Books, 2010. P. 97–122.

150

Петров Н. Корпоративизм vs. регионализм // *Pro et Contra*, 2007. Т. 11, № 4–5. С 75–89.

151

Wilson A. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven: Yale University Press, 2005. P. 41.

152

См.: Schedler A, *The Menu of Manipulations* // *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, N2. P. 36–50.

153

См.: Голосов Г. *Демократия в России: инструкция по сборке*. СПб.: БХВ-Петербург, 2012.

154

Wilson K., *How Russians View Electoral Fairness: A Qualitative Analysis* // *Europe-Asia Studies*, 2012, vol. 64, N1. P. 152.

155

См.: Добронравии Н. *Нигерийская модернизация, локализация демократии и перманентный кризис федерализма*. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, препринт Центра исследований модернизации М-17/10, 2010 http://www.eu.spb.ru/images/M_center/M_17_10_for_site.pdf (доступ 19.06.2012).

156

См., например: *Russia in 2020: Scenarios for the Future* / ed. by M. Lipman, N. Petrov. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2011. Среди 27 авторов различных глав этой книги, вышедшей из печати накануне 4 декабря 2011, почти никто не предполагал подобного результата, и лишь в заключении книги редакторы предположили, что исходом электорального цикла 2011–2012 годов в России может стать «революция блоггеров».

157

Magaloni B. *The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule* // *American Journal of Political Science*, 2010, vol. 54, N3. P. 751–765.

158

Democratization by Elections: A New Mode of Transition / ed. by S.Lindberg S. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2009.

159

Tucker J., Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions // Perspectives on Politics, 2007, vol. 5, N3. P. 535–551.

160

Huntington S., The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1991. P. 174–180.

161

Fish M.S. Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995; Urban M. et al. The Rebirth of Politics in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

162

Przeworski A. et al., Democracy and Development: Political Institutions and Well-being in the World, 1950–1990. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

163

Kalathil S., Boas T. Open Networks, Closed Regimes: The Impact of the Internet on Authoritarian Rule. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2003.

164

Treisman D. Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin // American Journal of Political Science, 2011, vol.55, N3. P. 590–609; Rose R., Mishler W., Munro N. Popular Support for an Undemocratic Regime: The Changing Views of Russians. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

165

Tucker J., Op. cit; Bunce V, Wolchik S. Defeating Dictators: Electoral Change and Stability in Competitive Authoritarian Regimes //World Politics, 2010, vol. 62, N1. P. 43–86.

166

Levisky S., Way L., Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

167

Hale H., Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia //World PoUtics, 2005, vol. 58, N1. P. 133–165.

168

Wilson A., Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven, CT: Yale University Press, 2005.

169

Косвенным свидетельством низкой репрессивности российского режима мог служить список политических заключенных, составленный оппозицией в феврале 2012 года – в него вошли всего 39 имен: невероятно низкий показатель по меркам авторитаризма.

170

Gel'man V, Political Opposition in Russia: A Dying Species? // Post-Soviet Affairs, 2005, vol. 21, N3. P. 226–246.

171

Rose R., Mishler W., How Do Electors Respond to an «Unfair» Election? The Experience of Russians // Post-Soviet Affairs, 2009, vol. 25, N2. P. 118–136; Wilson K., How Russians View Electoral Fairness: A Qualitative Analysis // Europe-Asia Studies, 2012, vol. 64, N1. P. 145–168.

172

Gel'man V, Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy // Europe-Asia Studies, 2008, vol. 60, N6. P. 913–930.

173

Gel'man V, Ryzhenkov S., Local Regimes, Sub-National Governance, and the «Power Vertical» in Contemporary Russia // Europe-Asia Studies, 2011, vol. 63, N3. P. 449–465.

174

Kynev A., Party Politics in the Russian Regions: Competition of Interest Groups under the Guise of Parties // The Politics of Sub-National Authoritarianism in Russia / ed. by V Gel'man, C. Ross. Farham, Ashgate, 2010. P. 135–150.

175

Медведев Д. Россия, вперед!
http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (доступ 19.06.2012).

176

См., например: Милов В. Стоп, Россия!
<http://www.gazeta.ru/column/milov/3260272.shtml> (доступ 19.06.2012)
и ряд других откликов.

177

Geddes B., Paradigms and Sand Castles; Theory Building and Research Design in Comparative Politics. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2003. P. 47–88.

178

Brym R., Gimpelson V., The Size, Composition, and Dynamics of the Russian State Bureaucracy in the 1990s // Slavic Review, 2004, vol. 63, N1. P. 90–112.

179

Об этом, например, свидетельствует практика назначений и отставок российских губернаторов после отмены губернаторских выборов. См. Титков А. Кризис назначений // *Pro et Contra*, 2007. Т. 11, № 4–5. С. 90–103.

180

Не случайно, громко анонсированное Дмитрием Медведевым в 2008 году создание «кадрового резерва» кандидатов на ключевые посты в государственном управлении оказалось очередной кампанией *ad hoc* и практически сошло на нет.

181

Этим понятием обозначаются здесь как вооруженные силы, так и спецслужбы, несмотря на все различия между ними.

182

Примером такого рода может служить борьба за власть и сферы влияния между МВД и КГБ в начале 1980-х годов.

183

Taylor B., *Russia's Passive Army: Rethinking Military Coups* // *Comparative Political Studies*, 2001, vol. 34, N8. P. 924–952.

184

Волков В. *Силовое предпринимательство*. М.-СПб.: Летний сад, 2002.

185

Kryshtanovskaya O., White S., *Putin's Militocracy* // *Post-Soviet Affairs*, 2003, vol. 19, N4. P. 289–306.

186

Черкесов В. Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев // *Коммерсантъ*, 2007, 9 октября <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=812840> (доступ 19.06.2012).

187

Афанасьев М. Российские элиты развития: запрос на новый курс. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009.

188

Гельман В. Перспективы доминирующей партии в России // Pro et Contra, 2006. Т. 10, № 4. С. 62–71; Гомберг А. Эволюция в условиях диктатуры // Pro et Contra, 2008. Т. 12, № 1. С. 46–61.

189

Huntington S., Political Order in Changing Societies. New Haven, Yale University Press, 1968. P. 20–22.

190

Gel'man V. Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy // Europe-Asia Studies, 2008, vol. 60, №6, P. 913–930; Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra, 2008. Т. 12, № 1. С. 22–35.

191

Рогов К., Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra, 2010. Т. 14, № 4–5. С. 6–22.

192

См.: Белановский С, Дмитриев М. Политический кризис в России и возможные механизмы его развития. М.: Центр стратегических разработок, 2011.

193

Афанасьев М. Указ. соч.

194

Ворожейкина Т. Самозащита как первый шаг к солидарности // Pro et Contra, 2008. Т. 12, № 2–3. С. 6–23.

195

Нечто подобное отмечалось и в период перестройки, когда не преследовавшиеся властями экологические и историко-культурные движения на первом этапе либерализации режима служили «крышей» для политических движений, активно раз вернувших мобилизацию в ходе выборных кампаний 1989–1990 годов.

196

Не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что у российских властей не было опыта применения открытого массового насилия во внутренней политике (за пределами Чечни).

197

Многочисленные свидетельства такого рода содержались в служебной переписке руководителей Росмолодежи, которая после взлома их электронной почты хакерами получила огласку в начале 2012 года – по сути, это ведомство служило инструментом «виртуальной политики» режима.

198

О пространственном размежевании российских избирателей в свете кампании 2011 года и постэлекторального протеста см. Зубаревич Н. Четыре России // Ведомости, 2011, 30 декабря http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_44.

199

Wilson A., Op. cit.

200

Демарш Алексея Кудрина, отправленного в отставку с поста министра финансов из-за своего несогласия с «обратной заменой», стал исключением, лишь подтверждавшим правило.

201

См., например: Шевцова Л. Притворная модернизация // Газета.ру, 2012, 3 мая

http://www.gazeta.ru/comments/2012/05/03_x_4570813.shtml (доступ 19.06.2012).

202

Навальный или Федоров. За кем правда?
<http://www.youtube.com/watch?v=ccE-zCRlej4> 2011, 21 февраля
(доступ 19.06.2012).

203

См.: Трое депутатов Думы просят прокуратуру закрыть «Голос», отслеживающий нарушения на выборах // Газета. ру, 2011, 29 ноября
http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2011/11/29/n_2115510.shtml
(доступ 19.06.2012).

204

См.: Костенко Н. Кремль ставит регионам планку по парламентским выборам // Ведомости, 2011, 13 октября
http://www.vedomosti.ru/politics/news/1391418/skolko_nuzhno_edinoj_rossii (доступ 19.06.2012).

205

См., в частности: ЕР наберет на выборах 55–58 % // РИА Новости, 2011, 24 ноября
<http://ria.ru/politics/20111124/496776854.html> (доступ 19.06.2012).

206

Откровенное описание приведено в письме одного из региональных организаторов кампании ЕР: Нам пишут из Янины
<http://durnowo.livejournal.com/228629.html>, 2011, 13 декабря (доступ 19.06.2012). Если дело обстояло именно так, то «партия жуликов и воров» сама оказалась жертвой жульничества и воровства в собственных рядах.

207

Хотя данные экзит-поллов были оперативно удалены с сайта www.fom.ru, эта информация (как и сведения об удалении данных с

сайта ФОМ) была предана широкой огласке в Интернете, лишь усугубив обвинения властей в фальсификации итогов голосования.

208

Об этих эффектах в ходе падения авторитарных режимов см.: Kuran T., *Now Out of Never: The Element of Surprise in East European Revolution of 1989* // *World Politics*, 1991, vol.44, N1. P. 7–48.

209

См.: Przeworski A., *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Latin America and Eastern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 58–59.

210

Анализ роли массовых движений в политической мобилизации см.: Tilly Ch., *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1978; Tarrow S., *Power in Movement: Collective Action, Social Movements, and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

211

Przeworski A., *Op. cit.* P. 83–88.

212

Сравнительный анализ эффектов влияния репрессий против массовых протестов на выживание авторитарных режимов см.: Kricheli R., Livne Y., Magaloni B., *Taking to the Streets: Theory and Evidence of Protests under Authoritarianism* (manuscript, Stanford University, 2011) http://iis-db.stanford.edu/pubs/23341/TakingToTheStreets_7-11-11.pdf (доступ 19.06.2012).

213

Greene K., *Why Dominant Parties Lose*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

214

Tucker J., Op. cit.

215

О «силе слабых связей» см.: Granovetter M., The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology, 1973, vol. 78, N6. P. 1360–1380; о роли социальных сетей в постэлекторальном протесте в России см.: Lonkila M., Russian Protest On- and Offline: The Role of Social Media in Moscow Opposition Demonstrations in December 2011 // Finnish Institute of International Affairs Briefing Papers, 2012, N98 http://www.fiia.fi/en/publication/244/russian_protest_on_and_offline/ (доступ 19.06.2012).

216

Хотя отдельные представители «системных» партий и участвовали в протестных митингах, для выживания самих этих организаций сохранение статус-кво было бы явно меньшим злом, нежели возможное падение авторитарного режима.

217

Анализ «по горячим следам» см.: Милов В. Как Путин оппозицию перехитрил // Газета. ру, 2012, 5 марта <http://www.gazeta.ru/column/milov/4026641.shtml> (доступ 19.06.2012).

218

См.: Захаров А. В Москве «карусели» не повлияли на результат Путина // slon.ru, 2012, 6 марта http://slon.ru/russia/karuseli_ne_jovliyali_na_rezultat_putina-762008.xhtml (доступ 19.06.2012).

219

См., в частности: Шулика К. Тяжкое послевыборное // Эхо Москвы, 2012, 6 марта http://www.echo.msk.ru/blog/viking_nord/865835-echo/ (доступ 19.06.2012).

220

См., например: Травин Д. Белая лента + Русь = Беларусь // Фонтанка. ру, 2012, 6 марта <http://www.fontanka.ru/2012/03/06/073/> (доступ 19.06.2012).

221

См.: Иоффе Г. Авторитаризм без олигархии // Pro et Contra, 2011. Т. 15, № 3–4. С. 29–49.

222

О роли этих факторов в упадке электорального авторитаризма см.: Magaloni B., Op. cit.

223

См.: Key V.O., The Responsible Electorate. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. P. 5.

224

О рисках либерализации для выживания авторитарных режимов см.: Przeworski A., Op. cit. P. 54–66.

225

См., в частности: Путин: «закручивание гаек» обязательно будет // Газета. ру, 2012, 7 марта <http://www.gazeta.ru/news/lenta/2012/03/07/n2232833.shtml> (доступ 19.06.2012).

226

О роли этих институтов в поддержании авторитарных режимов см.: Gandhi J., Political Institutions under Dictatorship. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

227

См., в частности: Хархордин О. Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 80, 88–89.

228

См.: Carrere d'Encausse H., L'Empire eclate. Paris: Flammarion, 1978.

229

Трейсман Д. Политэкономия российского развития // Pro et Contra, 2011. Т. 15, № 1–2. С. 89.

230

Статья 6 Конституции СССР 1977 года предоставляла КПСС официальный статус «ядра политической системы» страны (что вполне соответствовало действительности). Аналогично можно говорить об институциональном «ядре» политического режима в сегодняшней России.

231

North D. Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 16.

232

См.: Афанасьев М. Российские элиты развития: запрос на новый курс. М.: Либеральная миссия, 2009.

233

См.: Общество и власть в условиях политического кризиса. Доклад экспертов ЦСР Комитету гражданских инициатив <http://www.echo.msk.ru/doc/891815-echo.html> (доступ 19.06.2012).

234

Polterovich V. Institutional Trap // New Palgrave Dictionary of Economics Online, New York: Palgrave Macmillan, 2008 http://dictionaryofeconomics.com/article?id=pde2008_I000262doi:10.1057/9780230226203.0809 (доступ 19.06.2012).

235

См.: Травин Д. Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985–1999. СПб.: Норма, 2010.

236

См.: Трейсман Д. Указ. соч.

237

См.: Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

238

См., например: Гайдар М., Снеговая М. Дремлет притихший северный город // Ведомости, 2012, 3 февраля.

239

См.: Голосов Г. Демократия в России: инструкция по сборке. СПб.: БХВ-Петербург, 2012.

240

См.: Hirschman A. Exit, Voice, and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970.

241

См.: Сурков В. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности // Выступление перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия», 2006, 7 февраля <http://www.intelros.org/lib/doklady/surkov1.htm> (доступ 19.06.2012).

242

Olson M. Dictatorship, Democracy, and Development // American Political Science Review, 1993, vol. 87, N3. P. 573.

243

Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 69–72.

244

Przeworski A, Op. cit. P. 54–66.

245

Korea's Democratization / ed. by S.S.Kim. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

246

См.: Greene K. Why Dominant Parties Lose. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

247

См.: Haran O. From Victor to Victor: Democracy and Authoritarianism in Ukraine // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization, 2011, vol. 19, N2. P. 93–110.

248

См.: Голосов Г. Указ. соч.

249

См. материалы Института проблем правоприменения при ЕУСПб: <http://www.enforce.spb.ru/> (доступ 19.06.2012).

250

Литературная газета, 1989, 23 августа.

251

Жестким курсом // Век XX и мир, 1990, № 6. С. 15–19.

252

Haggard S, Kaufman R. The Political Economy of Democratic Transitions. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995.

253

Куда не уйдет Чубайс // New Times, 2008, № 6, 11 февраля <http://newtimes.ru/articles/detail/4770/> (доступ 19.06.2012).

254

См., например: Petrov N., Treivish A. Risk Assessment of Russia's Regional Disintegration // Post-Soviet Puzzles / ed. by K.Segbers, S.de Spiegeleire. Baden-Baden: Nomos, 1995, vol. 2. P. 145–176.

255

См.: Kuran T. Now Out of Never: The Element of Surprise in East European Revolution of 1989 // World Politics, 1991, vol. 44, N1. P. 7–48.

256

Przeworski A., Op. cit. P. 64.

257

См.: Morse Y.L. The Era of Electoral Authoritarianism // World Politics, 2012, vol. 64, N1. P. 161–198.

258

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 8. С. 119.

259

См.: Зиблатт Д. Как демократизировалась Европа // Prognosis, 2010, № 1. С. 236–263.

260

См.: Травин Д. Указ. соч.